

Борух Горин

Рекомендации шефа

Конец года традиционно богат итоговыми событиями. Даже не приуроченные, казалось бы, к смене года действия приобретают отчетливо итоговые контуры. Так, удачно помещенная в декабрь книжная ярмарка Non-fiction получает право «закрывать» книжный год и составлять разнообразные списки «главных книг» года (в коих в минувшем году, к нашей гордости, оказались несколько томов нашего издательства, в том числе Тора с комментарием Раши, переводчик которого Александр Фейгин за этот труд получил премию ФЕОР «Человек года», о которой у нас тоже есть что порассказать, – уфф!). В этот раз одним из самых заметных участников ярмарки стал Клод Ланцман, на редкость яркий и многогранный, в чем вы сможете убедиться, послушав его беседу с Н. Александровым (с. 61) и шестнадцать реплик о нем и его главном произведении, «Шоа», А. Мамедова и квартета экспертов (с. 64).

Так вот, о церемонии вручения премии «Человек года» ФЕОР. На этот раз своими впечатлениями о ней и мыслями по поводу делятся лауреат одной из прошлых премий Оксана Алексеева (с. 49) и герои этого года Арон Бельский (с. 51) и Натан Щаранский (с. 54).

Матвей Ганапольский (еще один лауреат этого года!) со своим визави Юрием Магаршаком решили не ограничиваться обсуждением одного года, а проанализировать целое десятилетие (с. 58).

Однако выводы делать легче с высоты не года, не десятилетия, а спустя лет эдак восемьсот. Вот тогда, может быть, йельский профессор медицины сможет с большой долей вероятности поставить оценку Маймониду как врачу (с. 19). И почти детективную историю троих диссидентов, а также репрессий в их отношении, оказывается, сподручнее распутывать через два тысячелетия (с. 30).

Главное – иметь в руках показания свидетелей (с. 36), а с выводами можно и не торопиться. Все равно их не раз будут пересматривать (с. 42). Даже с простыми статистическими наблюдениями все неоднозначно (с. 97). Тем паче что знаки меняются, – А. Ковельман повествует (с. 46) о «насмешках» и их последствиях, которые сегодня нам кажутся жутковатыми.

Впрочем, скепсис – дело серьезное и почти всегда опасное, напоминает Б. Клин (с. 56). Для прирожденного победителя, кажется, главное – уметь проигрывать. Такой вывод я сделал из рассуждений еще одного героя минувшего года – победителя шахматного Кубка мира – 2009 Бориса Гельфанда (с. 121). Но, конечно, и он скепсису не чужд. Удивительным образом в этом похожи и все печальные герои ушедшего года, подведшие итог своей жизни (с. 124, 125, 126, 127).

До встречи.

Ваш Борух Горин

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיטוֹ אֵלֶּם אֵינִי עֹתֵיטִי - אִיךְ אֵלֶּי אֵיךְ

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМАХ МЕДИЦИНЫ И ЛЕЧЕНИЯ

О лечении натуропатией

Лечение у натуропата зависит от того, успешно ли он помогал больным в прошлом.

<...> Вы пишете о докторе, практикующем нетрадиционную форму лечения (натуропатию) и достигающем очень хороших результатов, – и о людях, известных вам, которые успешно вылечились. Вы спрашиваете, можно ли лечить таким же методом вашу мать.

В подобной ситуации необходимо подробно выяснить все факты, особенно те, которые касаются успехов, достигнутых этим врачом в лечении: тяжело ли больны были

люди, обратившиеся к нему, и каких именно он добился результатов. Выяснив все это, позовите трех хороших друзей, расскажите им все, что знаете о методах лечения этого человека, и следуйте их совету.

Да внушит Б-г вашим друзьям правильное решение, чтобы они дали вам наилучший совет относительно лечения вашей матери.

О хиропрактике

<...> Вы излагаете просьбу родителей, сын которых внезапно перестал говорить.

Испытав различные формы терапии, они попытались лечить сына массажем спины, после чего наступило заметное улучшение. Они хотят знать, можно ли продолжать такое лечение.

Судя по вашему скупому описанию, этот способ лечения называется хиропрактикой – в последнее время его начали применять многие врачи. Отмечу, что этот способ лечения не включает паранормальных, запрещенных элементов.

Это строго физиологическая форма лечения, поэтому врачи, практикующие хиропрактику и отвергающие ее, спорят только о действенности этого способа, не более того.

С этим связан и ответ на ваш вопрос, продолжать ли посещать врача, который небезуспешно лечил мальчика.

Однако не мое призвание в данном случае отвечать на алахические вопросы: особенно потому, что здесь есть много моментов, неизвестных мне. Родители мальчика должны подробно разузнать о деталях лечения и обратиться к местному раввину, который разбирает вопросы еврейского законодательства.

Что же касается самого дела – разрешена ли хиропрактика и следует ли впредь посещать этого врача, – поскольку намечилось улучшение, значит, есть смысл консультироваться у него.

Когда они сообщат мне имя сына и его матери, я упомяну его в молитве. И дай Б-г, чтобы вы, обратившись ко мне с какой-то просьбой (например, о совете), одновременно порадовали меня и хорошими новостями.

Наверняка вы найдете подходящие и понятные слова, чтобы объяснить родителям мальчика: они должны уделить еще больше внимания соблюдению Торы и мицвот.

Как бы благочестивы они ни были, всегда есть возможность для совершенствования: Тора и мицвот связаны с Б-гом, который бесконечен, а значит, Тора и мицвот тоже бесконечны.

Их повышенная ответственность увеличит Б-жьи благословения на все их дела, равно как на дела всей семьи.

<...> Вы пишете о проблемах со здоровьем и о том, что, по мнению врачей, у вас неблагополучно с шейными позвонками.

Вы, несомненно, знаете, что существует медицинская практика воздействия руками на позвонки, хотя многие врачи относятся к ней с недоверием. В этой области есть свои специалисты, и их лечение нередко приводит к успехам (как и в упомянутом вами случае).

Не скажу, что мне знакома эта область медицины, но опыт показал, что во многих случаях она приносит пользу. Вполне можете попробовать – кажется, она называется хиропрактикой.

<...> Вы озабочены состоянием здоровья вашей матери. Поскольку натуропат-травник успешно лечил ее вплоть до нынешнего момента, целесообразно сообщить ему о последних осмотрах и тестах, проведенных доктором N, и следовать его советам впредь. Тем более что, по вашим словам, лечащий врач одобрил диету, предписанную вашей матери травником-натуропатом.

О совершенно нетрадиционном лечении

<...> Отвечаю на ваш вопрос о практике врача, который лечит, не прибегая к использованию медицинских препаратов.

Поскольку “Тора дозволила целителю исцелять”, не понимаю, почему кому-то нужно действовать необъяснимым образом.

МОЛИТВА – ДЛЯ СЧАСТЬЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ааде Эацад

В нашей общине важное событие: издан новый перевод сидура «Теилат Ашем». Я уверен, что эта книга поможет многим, кто делает первые шаги в исполнении заповедей и приближении к Б-гу, лучше освоить методы молитвы, лучше понять ее суть.

У людей, которые только начинают искать свой путь к Б-гу, молитва обычно вызывает много вопросов. И главный из них: почему верующие люди молятся каждый день? Ведь молитва – это просьба к Б-гу дать что-то, чего человеку не хватает. А разве каждый день чего-то не хватает?

Вроде бы, ответ прост: «Даже если нет каких-то специальных просьб к Создателю, мы молимся, чтобы Он даровал жизнь и здоровье нам и нашим близким, ведь жизнь и здоровье мы получаем от Б-га». Однако на самом деле это только часть истины.

Рассказывают, когда Алтер Ребе женился, перед ним встал вопрос, где продолжать учебу. В то время выбор был между двумя школами: одна в Литве, а другая у хасидского учителя Магида из Межерича, ученика Бааль-Шем-Това. Алтер Ребе сказал: «Как учиться, я более-менее знаю, а как молиться – нет. Чтобы познать молитву – пойду к Магиду». Отсюда начался Хабад. Все богатейшее творчество Алтер Ребе – книги, письма, комментарии, даже главный философский труд хасидизма, знаменитая «Тания», – все они раскрывают суть молитвы и те проблемы, которые в связи с молитвой возникают.

Для нас молитва это прежде всего служение. Мы воспитываем себя и своих детей в служении Б-гу. И тем самым воспитываем свой разум и свою душу для достижения большего совершенства.

В каждой молитве – четыре элемента, объединенные в две группы. Первая: мы просим Б-га и хвалим Б-га. Вторая: мы благодарим Его и просим у Него прощения. Связь между первыми двумя элементами достаточно ясная: если хочешь что-то получить, долг вежливости требует похвалить дающего. Так же и между людьми: если один человек приходит к другому и просит что-то дать ему, он сперва похвалит: я тебя прошу, потому что ты хороший, ты добрый, ты щедрый.

Со второй группой элементов не так очевидно. В самом деле: зачем нам благодарить Б-га? Он – это весь мир. Что Ему до наших благодарностей?

На самом деле наша благодарность нужна в первую очередь нам самим! Точно так же, как и молитва в целом нужна самому молящемуся. Человек просит у Б-га, потому что понимает, что именно Б-г дарует ему все, начиная с самой жизни. А это понимание, в свою очередь, помогает нам лучше осознать собственное место в мире. Человек, который не знает, что Б-г есть источник и податель всего на свете, очень легко может стать

самоуверенным, впасть в гордыню. Мы не раз видели таких гордецов. Они кричали, что все зависит только от человека, как он захочет, так и будет. Но «так» не становилось, – и сколько уверенных в своем всемогуществе людей остались несчастными, что называется, «у разбитого корыта»!..

Горька участь человека, который пытается выстроить свою жизнь без молитвы, без благодарного обращения к Творцу. Когда Б-г проклял библейского змия, он сказал: «Ты будешь есть песок вокруг тебя». Дело даже не столько в том, что змий получил крайне невкусную диету, сколько в изобилии песка вокруг него. То, что у него всегда есть еда, стало проклятием: Б-г отвернулся, Б-г не обращает на него никакого внимания! Вот наказание за неблагодарность.

Человек, который не умеет быть благодарным, говорить за всё спасибо, не может обрести счастья. Ведь он думает, что все ему обязаны, что у него есть права на всё, что он всего достоин. Но в жизни так не бывает: ни у кого нет «всего», обязательно чего-то не хватает. Благодарный человек радуется тому, что Б-г ему дал, и счастлив, даже если получил немного. Человек неблагодарный горюет из-за того, что недополучил, и зол на весь мир, даже если у него есть больше, чем у других.

То же самое со способностью просить прощения. Тот, кто в молитве просит прощения перед Б-гом за все свои неправильные действия, за свои недостатки, преодолевает в себе самый важный из недостатков: желание быть всегда и во всем правым. Это заложено в природе вещей: человеку трудно признаться, что он неправ. Трудно признаться другим, еще труднее признаться себе самому. Что тут поделать: каждый хочет быть совершенным! Но если не преодолеть это качество, если не научиться жить с мыслью, что только один Б-г совершенен, – нет возможности совершенствовать себя. Человек, не научившийся признавать свою неправоту и просить прощения за ошибки, становится косным, нетерпимым, люди от него отдаляются.

Конечно, люди, не способные на благодарность и извинения, представляют собой скорее исключение, чем правило. Но большинство людей привыкло благодарить только за очевидную помощь: у нас беда, нам помогли, мы благодарны. По сути, к таким людям чувство благодарности приходит только через перенесенное страдание. Есть известный анекдот о еврее, который идет по улице и плачет. Другой еврей спрашивает его: «Что у тебя стряслось?» – «Да вот, – отвечает первый сквозь слезы и стоны, – у меня нога 43-го размера, а туфли на мне 42-го». – «Давай я тебе куплю правильную обувь прямо сейчас, у меня и деньги с собой!» – предлагает второй еврей. Но первый отрицательно качает головой: «Нет, ты не понимаешь! Скоро я приду домой, разуюсь – и сразу испытаю такое облегчение!..»

Человек молящийся благодарит за обычные вещи, за все, что есть вокруг: за солнце, за хлеб, за голубое небо и чистую воду. Для нас все эти обычные вещи – результат не нашего права, а нашей заслуги. Молящемуся не нужны страдания, чтобы ощутить чувство благодарности: он благодарит, радуясь. Каждый день соблюдающего еврея начинается с молитвы, в которой есть такие слова: «Благодарю Тебя, Б-же, за душу, которую Ты вернул мне сегодня». Мы благодарны Создателю за весь прекрасный мир вокруг нас.

Молитва – форма нашего служения Б-гу. Но молитва дает многое и для того, чтобы мы могли служить человеку. Человек, который молится каждый день, учится быть благодарным и учится признавать свою неправоту. По сути, он воспитывает себя для преодоления самой большой проблемы, существующей в отношениях между людьми –

проблемы неблагодарности и нетерпимости. В этом контексте молитва является сильнейшим воспитательным фактором, она помогает не только приближаться к Б-гу, но и самосовершенствоваться. А это и есть главная задача, возложенная на каждого человека.

ПРАЗДНИК ПУРИМ

Estro-Esther O'admi

Предлагаем нашим читателям фрагмент речи шестого Любавичского Ребе, рабби Йосефа-Ицхака Шнеерсона. Он по-новому осветил события, которые привели к установлению этого праздника, и связал их с актуальными проблемами еврейской жизни нашего времени [\[1\]](#).

Праздник Пурим – это увековеченная память о физическом спасении всего еврейского народа, которое произошло таким образом, что все-все увидели: это – Б-жественное чудо.

Каждое спасение избавляет от какой-то определенной беды, а каждая беда, постигающая евреев, – это наказание за какие-то определенные нарушения Торы. Когда евреи совершают тшуву, то есть раскаиваются в том, что нарушили волю Всевышнего и исправляют свое поведение, Он посылает им спасение. Таким образом, Он не только снимает с евреев наказание, но осчастливливает их Б-жественным спасением. Значит, по мере проступков – наказание, а по мере тшувы – спасение.

Эстер. Иллюстрация из Мегилат Эстер. XVII век

* * *

В 3392 году от Сотворения мира[2], во время вавилонского изгнания, еврейский народ был рассеян по многим странам, в том числе входившим в империю персидского царя Ахашвероша. С тех пор как был разрушен Иерусалимский Храм, прошло уже более пятидесяти лет, и все это время евреи были оторваны от своей священной родины, не видели более чудес в Храме, не слышали речей пророков. В одних странах с евреями обращались дурно, в других – признавали и ценили их достоинства, а также готовность служить во благо государства, где они жили.

Царь Ахашверош отличался неустойчивостью характера, легко поддавался влиянию, а вместе с тем был очень самолюбив и вспыльчив. В нем странно соединялись хорошие и дурные черты. По словам наших мудрецов, «Был он царь прозорливый, был он царь-дурак» (Мегила, 12а).

Еще при отце Ахашвероша, Дарьявеше (Дарии), евреи заняли выгодные должности в странах Персидской империи, весьма успешно занимались торговлей и богатели. Однако необходимость постоянно контактировать с неевреями постепенно оказывала на них отрицательное воздействие: они привыкли к светской жизни, стремились к роскоши и наслаждениям, отдалились от Торы и заповедей. Суббота для них уже не отличалась от будней, кошерность пищи и питья потеряла значение, они пренебрегали соблюдением чистоты семейной жизни. Позабыв, что они – народ, избранный Всевышним и возвышенный Им над всеми народами, евреи предпочли вести привольную веселую жизнь, «как у всех народов».

Мордехай, глава Сангедрина, и пророк Малахи многократно предостерегали евреев, говоря, что Всевышний не терпит такого поведения и в конце концов пошлет наказание за него. Они старались разьяснить, что, если, не дай Б-г, гнев Всевышнего обрушится на евреев и на их семьи, им не помогут ни знакомства в правительственных верхах, ни богатство и т. п. Однако заплывшие жиром сердца не вняли честным и справедливым речам, и, хотя Мордехай занимал важную должность при царском дворе и был человеком весьма уважаемым, все его усилия были тщетны.

Аман. Иллюстрация из Мегилат Эстер. XVII век

* * *

Ахашверош вел войны с разными странами. Евреи в его империи много трудились для удовлетворения военных нужд, но зато и хорошо зарабатывали, получали множество наград и занимали важные посты в правительстве. Однако одновременно с ними в высший государственный совет вошел человек весьма низкого происхождения. В прошлом он был брадобреем при бане, но, отличаясь непомерными амбициями и не брезгуя никакими ухищрениями, стал одним из царских советников. Звали его Аман, сын Гамдаты.

Одержав решительную победу над всеми своими недругами и вернувшись в столицу, царь устроил грандиозный пир для всех своих подданных. Евреи тоже были приглашены во дворец, и Ахашверош, желая, чтобы его гости насладились сполна, распорядился: пусть каждый из них ест и пьет только то, что захочет сам.

Пир продолжался полгода. Столы ломились от яств, категорически запрещенных Торой; для увеселения гостей устраивали дикие оргии. Однако евреев это не отпугивало, напротив: они старались не упустить ни одного из наслаждений.

Получив огромные прибыли от военных поставок, а от царя — благодарственные грамоты и щедрые вознаграждения, они, опьяненные своими материальными успехами, обитали в больших прекрасных дворцах и упивались полной

свободой – без субботы, без кашрута, без микве, без тфилин и прочих заповедей. Они жаждали получить от жизни все блага, которые она может предоставить. Слова тех, кто пытался пристыдить их, они с презрением отвергали, а на евреев, посвятивших жизнь изучению Торы, и раввинов не только взирали с высокомерным презрением, но и доставляли им всяческие неприятности.

* * *

С тех пор прошло пять лет. Царицей стала еврейка Эстер, двоюродная сестра Мордехая. По его совету она тщательно скрывала от всех свое происхождение и национальность. За это время евреи стали жить еще лучше и роскошнее и еще более отделились от Торы, от соблюдения ее заповедей.

На Мордехе лежало множество обязанностей, связанных с его высокой должностью при царском дворе. Один из самых видных людей в городе Шушане, столице империи из ста двадцати семи стран, он вместе с тем поддерживал постоянную связь со всеми знатоками Торы во всех местах еврейского изгнания и, конечно, с мудрецами Страны Израиля. И несмотря на крайнюю занятость, все эти годы отдавал много сил воспитанию еврейского юношества. Как духовный руководитель своего поколения, Мордехай знал, что суть и основа иудаизма – воспитание детей в духе Торы, и поэтому необычайно важно, чтобы преподавателями были благочестивые евреи. Он основывал хедеры, и там учителя делали все, чтобы поселить в детских сердцах веру в Б-га, любовь к Торе и готовность жертвовать собой ради еврейства.

В ту пору, когда в высших светских кругах еврейства чрезвычайно распространилась ассимиляция, Мордехай и преданные ему меламеды вырастили множество евреев, которые глубоко знали Тору, scrupulously исполняли заповеди, а при этом были очень озабочены судьбой своих детей и старались дать им истинно еврейское воспитание.

Между тем Аман с сатанинской ловкостью стал одним из самых приближенных сановников, «видящих (во всякое время) лик царя», и использовал свое положение для того, чтобы подняться на еще более высокую ступень иерархической лестницы. Залогом успехов Амана было его огромное богатство: он нашел много кладов и не раз выручал правительство, оказывая ему щедрую финансовую поддержку. Хорошо известно, что выскочка больше всего ценит почести. Так и Аман, подчеркивая свои огромные заслуги перед государством, постоянно добивался все новых и новых знаков отличия. В конце концов Ахашверощ, назначив Амана своим первым министром, даровал ему уникальную привилегию: все – в том числе и высшие сановники – должны были падать перед ним на колени и кланяться ему до земли. Только это удовлетворило амбиции подлого злодея Амана.

* * *

Настоящее название еврейского народа, отражающее его происхождение, – иврим^[3], как сказано: «И пришел беглец к Аврааму-иври...» (Берешит, 14:13). Так называли себя евреи со времен Авраама, поскольку смысл этого звания в том, что они – дети Авраама, первого человека, от которого все племена земли узнали о Б-ге как едином Творце вселенной, управляющем ею по Своей воле. И Авраам был первым, кто, пренебрегая угрозой для собственной жизни, начал обучать людей служению этому Б-гу.

Звание иврим – славный венец, которым увенчан еврейский народ. Оно указывает на великую готовность к самопожертвованию ради сохранения святой Торы и осуществления ее заповедей во все времена и во всех точках мира. И этому званию соответствовал образ жизни евреев – мужчин и женщин, старых и молодых – на протяжении многих поколений, вплоть до того времени, когда образовались два царства: Иудейское и Израильское. Только тогда неизменное до тех пор исполнение Торы и заповедей стало ослабевать и появился новый тип иври: иври политический.

С первого дня, когда Авраам был удостоен высоко чтимого звания иври, его потомство считалось народом Всевышнего. Все без исключения – даже Амалек, злейший враг Израиля, – знали об этом. Однако, когда появился иври политический, положение изменилось. Политический иври объявил, что мнение Торы не так уж неоспоримо, а к некоторым сторонам жизни вообще не относится; отдельные разделы Торы и многие заповеди он заменил собственными нововведениями и, подведя под них политический фундамент, повел речь как бы о совсем ином народе, который, тем не менее, по-прежнему назывался иврим.

Вот почему, между прочим, на вопрос, кто он такой, пророк Йона ответил: «Иври я, но Г-спода, Б-га небес, я боюсь – Того, кто создал море и сушу» (Йона, 1:9). То есть я называюсь иври, но не смешивайте меня с иври политическим: я – истинный иври, «Г-спода, Б-га небес, я боюсь».

В конце концов, не в силах долее выносить того, что фальшивые иврим открыто оскверняют святость, евреи, оставшиеся верными Торе и заповедям, приняли иное название: йеудим^[4]. Оно обозначало всякого еврея, который отвергает политиканство, предписывающее служить любым идолам и кумирам, от коих политические иврим надеются получить поддержку своему богохульству. Званием йеуди стали обозначать способность к самопожертвованию, диктуемому самой сутью иудаизма, искоркой еврейства в сердце: самопожертвования ради Торы и заповедей, а вместе с тем ненависти к мерзостям, творимым теми, кто отрекается от нашего Б-га, Его законов и Его Торы, от того конечного Избавления, которое Он, в доброте Своей и справедливости, обещал и предсказал нам.

Мордехай. Иллюстрация из Мегилат Эстер. XVII век

* * *

Злодей Аман – как один из царских советников – имел много знакомых в среде политических иврим и был с ними в прекрасных отношениях. Они вместе ели, пили и развлекались, так что Аман не ощущал по отношению к себе никакого антагонизма. Ничто не свидетельствовало об их еврейском происхождении, а того, что в своем узком кругу они разговаривали на иврите, он не знал. Все политические иврим вставали на колени перед Аманом-злодеем, не обращая внимания на то, что им инспирированы антиеврейские религиозные гонения.

Но Аман не понимал, почему Мордехай не такой, как другие иврим. Ведь он, Мордехай, тоже политик и к тому же, как выдающийся знаток иностранных языков, постоянно находится в обществе высших членов правительства – так почему же он отличается от других иврим?! Он не находил ответа на эти вопросы до тех пор, пока его услужливые подданные не рассказали ему, что Мордехай не иври, а йеуди, и не объяснили различие между этими двумя названиями. Они сказали Аману, что иври может быть заклятым врагом еврейской религии, может придерживаться другой религии, в частности, может верить любым банальностям, если их произносит человек высокопоставленный. Более того, иври с готовностью соглашается с тем, что такая-то страна принадлежит такому-то народу независимо от его происхождения и религии. А вот йеуди – это еврей совершенно иного рода: он верит в Б-га, благословляет Имя Его, учит Тору, исполняет заповеди и ради них с величайшей готовностью и поразительным мужеством жертвует собой.

Вот тогда злодей Аман, прежде питавший вполне дружеские чувства к политическим иврим, осознал, что истинный йеуди способен только ненавидеть его. Лишь тогда он заметил, что Мордехай игнорирует его: не только не встает перед ним на колени, но даже не кланяется ему (Эстер, 3:5). Аман, упоенный и опьяненный своим величием, все же понимал: все, кто воздает ему высшие почести, делают это не потому, что признают его превосходство, а только из страха перед неограниченной властью, которой наделил его царь Ахашверош. Но Мордехай не встал перед ним на колени, и это показало Амону, что он – честный и искренний человек. Более того, Мордехай не побоялся показать свое отношение к Амону, и это свидетельствовало о том, что он истинно верующий и во всем полагается лишь на Всевышнего. В горькое и мрачное время изгнания, когда фальшивые иврим нагло утверждают, что они представляют еврейский народ, когда Аман, злейший враг евреев, – лучший друг и советник повелителя всего мира, Мордехай-йеудим бодр и исполнен Б-жественной силы. Аман понял, что не только разум Мордехая отвергает его «государственную мудрость», но даже тело Мордехая пренебрегает опасностью наказания. Вот тогда и запылало подлое и лютное сердце Амана: «...уничтожить, перебить и сгубить всех йеудим – от юноши до старца, малых детей и женщин...» (Эстер, 3:13). Сознание того, что йеудим существуют, терзало Амана, кровь Амалека и Агага, врагов евреев, кипела в нем, и он не находил покоя. И Аман направил всю свою энергию на то, чтобы уничтожить «всех йеудим, народ Мордехая» (Эстер, 3:6). За горсточку йеудим, рассеянную по всем странам царства Ахашвероша, Аман, зная силу денег, предложил царю 10 тыс. «кикаров серебра» и получил от того разрешение искоренить во всем мире соблюдение субботы и праздников, а также исполнение прочих заповедей Торы.

* * *

Если злодей Аман действительно различал иврим и йеудим и намеревался уничтожить только народ йеудим, а не фальшивых иврим – политических блюдолизов и низкопоклонников, то сыны Амана и иже с ними не видели никакого различия между йеудим и иврим. Они ненавидели и притесняли и тех и других, с позором гнали их со всех должностей и указывали им на дверь, когда они приходили. Не помог никому из иврим их вольный образ жизни, а их лесь вызывала лишь презрение. У иврим забрали все их капиталы, золото, серебро и драгоценности, их оплевали и выставили из принадлежащих им дворцов. Им постоянно напоминали об их происхождении, о котором они так стремились забыть и от которого так стремились освободиться. Настала общая беда для всего потомства Авраама – исчезло различие между йеудим и иврим.

И вот в это горькое время Мордехай бросил все силы на воспитательную работу. В столице Шушане он собрал 22 тыс. детей, которые учили Тору и исполняли заповеди. Они были готовы к самопожертвованию и гордились тем, что они – йеудим. Все евреи-йеудим – мужчины и женщины, стар и млад, независимо от того, хорошо ли они знали Тору, – преисполнились готовностью к самопожертвованию. Все они согласились бы, чтобы их убили за то, что они соблюдают субботу, кошерность пищи и питья, чистоту семейной жизни и возлагают на себя тфилин. Великие в своей гордости за еврейство, они смеялись над своими притеснителями.

Вот тогда и те, кто считал себя светскими иврим, поняли истинный смысл речей Мордехая, который в течение многих лет убеждал их не полагаться ни на политические связи, ни на богатство, ни на знакомства. На собственной шкуре они познали, что одним Своим гневным дуновением Святой, благословен Он, превращает величайшего политика в последнего из дураков, а богатейшего человека – в беднейшего из бедных. Неколебимая решимость евреев, готовых к самопожертвованию, пробудила чувство причастности к еврейству и у евреев-иврим, и это чувство стало той искрой,

которая порой только тлеет, но никогда не гаснет. И они тоже обратились к истинному «источнику живой воды» – полной, безраздельной вере в Б-га, изучению Торы и исполнению заповедей. Почти все они расстались с фальшивым идеалом «еврея без Б-га, Торы и заповедей», отказались от своих политических амбиций и стали соблюдать субботу, законы о кашруте и чистоте семейной жизни и т. д.

Все еврейство в целом – как в Шушане-столице, так и во всех ста двадцати семи странах империи – было охвачено страстным желанием пожертвовать собой за Тору и заповеди.

Аман, вообще-то, знал, что еврейский народ очень дорог Всевышнему. Однако надеялся, что, сильно разгневавшись на грешников, которые пренебрегали основными заповедями Торы, Он все-таки позволит ему, Амону, привести в исполнение его ужасные планы. Но Аман просчитался, недооценив любовь Всевышнего к Своему народу, который называется Его первенцем (Шмот, 4:22). И так же неверно он оценил величие еврейского сердца, наполнившегося готовностью к самопожертвованию. И уж, конечно, Аман не мог понять, какой переворот в небесах совершили тшува евреев-иврим и всеобщая готовность евреев к самопожертвованию.

Видя всеобщую тшуву, в совершении которой объединился весь еврейский народ, Всевышний, благословенно Имя Его, послал великое чудо Пурима: спасение тела еврея вместе с его душой.

[1] Эта речь была произнесена во время праздника Пурим 5701 (1941) года и напечатана в «Ликутей дибури», т. 3, с. 369а (737) и далее.

[2] Это соответствует 368 году до н. э.

[3] Ед. ч.: иври.

[4] Ед. ч.: йеуди.

ПОСТ НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Смысл, законы и обычаи поста Эстер

אָזוי אַזוי עֵשְׂתֵר

В еврейской традиции есть два праздника, которым предшествует однодневный пост, – Песах и Пурим. Однако если накануне Песаха постится лишь небольшая часть еврейского народа (мужчины-первенцы – в память о спасении во время десятой египетской казни, когда Всевышний, поразив первенцев-египтян, не тронул никого из евреев), то Пост Эстер («Таанит Эстер»), пост накануне Пурима, считается обязательным для всех.

Царица Эстер. М. Тейхерт. 1939 год

Некоторые полагают, что евреи постятся в этот день потому, что именно в это время Мордехай и Эстер объявили пост в персидской столице Шушане. Это, однако, неверно. Согласно Талмуду, Эстер постилась с 13 по 15 нисана, то есть во время праздника Песах (Вавилонский Талмуд, Мегила, 15а). Поэтому поститься в тот же день, что и персидские евреи во времена Ахашвероша, с точки зрения Алахи попросту невозможно.

Первое в еврейской классической литературе указание на обычай поститься накануне Пурима появляется в трактате «Софрим» (одном из так называемых «малых трактатов» Талмуда). По словам анонимного автора, накануне Пурима мудрецы Страны Израиля соблюдали трехдневный пост – в память об Эстер, которая молилась три дня

подряд, прежде чем отправиться к царю Ахашверошу (Эстер, 4:15). Правда, в отличие от царицы, они постились не трое суток подряд, а три дневных поста, то есть только в светлое время суток – поскольку провести в жарком климате 72 часа без еды и питья опасно для здоровья или даже жизни (Софрим, 21:1).

Уже в эпоху гаонов трехдневный пост сменился однодневным. Однако к этому времени постились не только мудрецы, но и все остальные евреи.

В еврейской литературе есть два объяснения тому, почему мы постимся именно 13 адара. По мнению Рамбама, этот пост был установлен в память о трехдневном посте Мордехая и Эстер накануне визита царицы к Ахашверошу: «Весь еврейский народ придерживается обычая поститься 13 адара, в память о посте во времена Амана, как сказано: “Чтобы они твердо наблюдали эти дни Пурим в свое время, какое уставил о них Мордехай и царица Эстер, и как они сами назначали их для себя и для детей своих, дни поста и плача” (Эстер, 9:31)» (Мишне Тора, Законы поста, 5:5).

Логика Рамбама в данном случае вполне понятна. В книге Эстер дословно сказано: не «в дни поста», а «в дни постов» (цомот). Следовательно, рассуждал Рамбам, речь идет не об однодневном, но о многодневном посте. А единственный многодневный пост, непосредственно упомянутый в книге Эстер, – пост 14–16 нисана.

Другое объяснение предложил известный испанский раввин Абударгам-Давид бен Йосеф (конец XIV века, Испания, Севилья). По его мнению, пост накануне Пурима не мог быть установлен в память о посте царицы Эстер – поскольку, во-первых, мы, в отличие от нее, постимся всего один день, а не трое суток, а во-вторых, тот пост, как уже говорилось, был в месяце нисан, во время праздника Песах. Следовательно, рассуждал Абударгам-Давид, пост 13 адара должен иметь иное происхождение:

Этот пост был установлен в соответствии со следующими словами Писания: «Иудеи же, которые в Шушане, собирались в тринадцатый день <месяца адар> (Эстер, 9:18)». «Собирались» – для совместного поста.

Идея поститься накануне боя может показаться странной. Однако следует помнить, что, согласно книге Эстер, Аман, главный враг евреев, был потомком последнего амалекитянского царя Агага (Эстер, 3:1). А согласно еврейской традиции, во время первой войны с амалекитянами, случившейся вскоре после Исхода (когда амалекитяне беспричинно напали на евреев), Моше, Йеосуа и другие еврейские лидеры так же постились – дабы подчеркнуть, что уповают не столько на силу оружия, сколько на помощь свыше (см., к примеру, Раши на Шмот, 17:8).

В еврейской литературе есть немало возражений против этого объяснения. Главное из них сводится к тому, что пост 13 адара в книге Эстер не упомянут, поэтому предположение, будто евреи в этот день постились, – не более чем догадка. Тем не менее именно это обоснование вошло в «Кицур Шульхан арух»: «В дни Мордехая и Эстер собрались евреи вместе тринадцатого числа месяца адар, чтобы защитить свои жизни и отомстить своим врагам, и должны они были просить милости у Пресвятого, да будет благословенно Его имя, чтобы Он помог им. И как мы знаем, евреи, когда должны были воевать, постились, чтобы Всевышний помог им. И также учитель наш Моше, да пребудет мир на нем, в день, когда евреи воевали с амалекитянами, постился. А если так, то, разумеется, и в дни Мордехая и Эстер евреи тринадцатого адара постились; и поэтому все евреи приняли на себя обязанность устраивать в этот день общественный пост» (Кицур Шульхан арух, 141:1).

Объяснение, предложенное Абударгамом-Давидом, содержит очень важный урок. Царица Эстер постилась в тот момент, когда Аман пользовался неограниченным влиянием в государстве и казалось, что у евреев нет никаких надежд на спасение. В такой ситуации совершенно естественно, если человек обращается к Всевышнему за помощью. Однако 13 адара ситуация была принципиально иной. Аман уже был казнен, Мордехай стал первым министром, царь повелел «сатрапам, начальникам и правителям областей от Индии до Эфиопии, ста двадцати семи областей» не мешать евреям расправиться со своими врагами, на многих неевреев «напал страх пред иудеями». Казалось бы, победа была обеспечена. Однако Абударгам-Давид напоминает: даже в столь выигрышной ситуации еврей не должен полагаться только на себя – следует просить Всевышнего о помощи и заступничестве. (В скобках заметим, что это может быть полезным не только с религиозной, но и с психологической точки зрения, поскольку позволит избавиться от излишней самонадеянности, не раз приводившей к поражению.)

Несколько слов о законах и обычаях Таанит Эстер, Поста Эстер. Поскольку этот пост не упоминается в Писании, то его законы гораздо более мягкие, нежели в другие траурные дни. В частности, от него освобождены беременные и кормящие женщины, больные и даже те, кому трудно поститься из-за тяжелой работы (Кицур Шульхан арух, 141:2).

В средневековом Провансе и Германии многие евреи жаловались, что им трудно выдержать Таанит Эстер. Чтобы «облегчить им жизнь», местные раввины (соответственно Раавад и рав Моше Иссерлин) разрешили начинать читать Мегилу еще до наступления темноты. Это решение оказалось неожиданно актуальным в XX веке, когда в 1947 году англичане ввели в Иерусалиме комендантский час, угрожая стрелять в каждого, кто выйдет из дома с наступлением темноты. Памятуя о средневековом прецеденте, рав Овадья Йосеф, к которому обратились с вопросом, что же делать, разрешил читать Мегилу еще засветло.

Обычно, если пост выпадает на субботу, его переносят на следующий день. Однако с Таанит Эстер это невозможно, так как 14 адара – праздник Пурим. Поэтому если 13 адара выпадает на субботу, то, поскольку в этот день поститься нельзя, пост переносится на предыдущий четверг, 11 адара.

Во многих общинах существует обычай давать в Пост Эстер специальную цдаку (пожертвование) – три монеты достоинством в половину местной денежной единицы. Этот обычай напоминает о половине шекеля – специальном «налоге» в пользу Храма, который собирали начиная с новолуния адара. Как правильно вести себя в том случае, когда половина денежной единицы ничтожно мала, следует выяснить у местного раввина.

Несмотря на то что Таанит Эстер – день поста, уже во время молитвы минха многие приходят в синагогу в праздничной, субботней одежде. Объяснить этот обычай просто: многие, придя на минху, остаются в синагоге до начала праздника Пурим и, естественно, хотят встретить его в торжественном виде.

И в заключение еще об одном событии, которое произошло 13 адара. Согласно «Сефер Таанит», именно в этот день Йеуда Маккаби одержал одну из своих самых громких побед – над армией сирийского военачальника Никанора. Несмотря на подавляющее численное превосходство греков – 20 тыс. против 6 тыс., евреи «побили врагов более девяти тысяч, и еще большую часть Никанорова войска оставили ранеными

и изувеченными, и всех принудили бежать (Маккавеев II, 8:24). Поэтому в эпоху Второго храма 13 адара считался одним из дней, когда не назначают общественного поста.

После того как все политические достижения Хасмонеев были утрачены, исчез и повод считать 13 адара торжественным днем. Однако в будущем этот день вновь станет днем радости и веселья. Как пишет Рамбам, «Все посты отменяются в Дни Машиаха, и они станут днями радости и веселья» (Мишне Тора, Законы Поста, 5:19). Правда, Рамбам в данном случае имеет в виду посты, упомянутые еще в Писании, – 10 тевета, 17 тамуза, 9 ава, 3 тишрея. Однако кто знает – вдруг этот закон распространится и на Таанит Эстер.

МОШЕ: ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ

ĖöôâĖ Ñò ðâæĖĭ ĩĕĕĖ

Седьмой день месяца адар – это день рождения и смерти Моше, пророка, который по слову Всевышнего вывел евреев из Египта. Его жизнь и деятельность подробно описаны в четырех книгах Торы (Шмот, Ваикра, Бемидбар и Дварим). В этой статье мы не будем пересказывать общеизвестные факты жизни Моше: о том, как он вывел сынов Израиля из Египта и странствовал с ними по пустыне, о том, как получил Тору. Мы рассмотрим лишь два интересных вопроса, касающихся биографии пророка, основываясь на классических и современных комментариях.

Моисей пред дочерью фараона. В. Хогарт. 1746 год

Значение имени Моше

Согласно книге Шмот, Моше родился в Египте в царствование фараона, поработившего сынов Израиля. Незадолго до рождения Моше фараон приказал топить в Ниле всех новорожденных мальчиков. Йохевед, матери Моше, удалось прятать сына дома в течение трех месяцев. Затем, не имея более такой возможности, она оставила ребенка в корзине в зарослях тростника на берегу Нила. Там его нашла дочь фараона, придя туда на купание. По совету сестры Моше, Мирьям, издали наблюдавшей за происходящим, дочь фараона согласилась позвать кормилицу из евреев. Мирьям позвала Йохевед, и Моше кормила его собственная мать. Затем Тора сообщает: «И вырос ребенок, и привела она его к дочери фараона, и стал он ей сыном, и назвала она его именем Моше, и сказала: “Потому что я вытащила его из воды”» (Шмот, 2:10).

Можно предположить, что пока Моше кормила его мать и он примерно два-три первых года жил в доме родителей, у него было другое имя. Отметим, что мудрецы упоминают в Талмуде и в мидрашах одиннадцать разных имен (кроме имени Моше), которыми его называли члены семьи или другие люди. В мидраше Шмот раба (1:26) слова «И назвала она его именем Моше» объясняются так: «Из этого ты учишь о награде

делающих добро. Хотя у Моше было много имен, во всей Торе установлено именно то имя, которым назвала его дочь фараона, и также Всевышний не называл его другим именем».

Читая в Торе на иврите фразу «потому что из воды я вытащила его», можно понять, что имя Моше происходит от слова «мешитиу» («я вытащила его»). Но такое объяснение порождает трудности. Логично предположить, что дочь фараона не говорила на иврите. Почему же она решила дать приемному сыну имя, которое происходит от ивритского слова? Кроме того, если его имя было дано в честь этого действия, то правильнее было бы назвать его «Машуй» («Извлеченный из воды»).

Профессор Моше-Давид Кассуто (1883–1951), известный в XX веке исследователь Танаха, так объясняет значение имени Моше в своем комментарии к книге Шмот: «В начале написано: “И стал он ей сыном, и назвала она его именем Моше”. То есть [она назвала его] “сын” на египетском языке. Это египетское слово произносили именно так – Мо^hse, в то время и в том месте. А затем было сказано, как толкование имени, что это египетское имя напоминает по своему звучанию ивритский глагол, значение которого “вытащить”, “извлечь”, и она как бы думала: “Потому что из воды я вытащила его”».

Это позволяет прийти к выводу, что имя Моше египетского происхождения. Упомянем кстати, что среди имен сынов Израиля, вышедших из Египта, встречаются такие имена. Возможно, египетское происхождение имеют также имена брата и сестры Моше, Аарона и Мирьям, имя внука Аарона, Пинхаса, а также имена других людей того поколения. Однако последнее предложение в комментарии проф. М.-Д. Кассуто не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, как связаны с именем Моше слова «Потому что из воды я вытащила его». Как дочь фараона может толковать имя в соответствии с ивритом и в другом значении, нежели то, которое она имела в виду, когда давала ему имя?

Ответ содержится в комментарии рабби Нафтали-Цви-Йеуды Берлина (1817–1893), главы знаменитой Воложинской ешивы. В своем комментарии к Шмот (2:10) он пишет: «“И стал он ей сыном”. – Так как она спасла его от смерти и также вырастила, считалось, как будто она его родила.

“И назвала она его именем Моше”. – Я видел <...> что на египетском языке значение этого слова – “ребенок” <...> и это правильное объяснение <...>.

“Потому что из воды я вытащила его”. – Ведь он как будто утонул в воде, и он не принадлежит своим отцу и матери, и я – мать ребенка... И, согласно нашим словам, имя Моше не относится к слову “я вытащила его” [“мешитиу”]...»

То есть дочь фараона провозгласила, что этот ребенок будет ее законным сыном, и она дала ему имя, значение которого – «ребенок», «сын». А словами «Потому что из воды я вытащила его» дочь фараона объясняет, на каком основании ребенок может считаться ее сыном: ведь это она спасла его, вытащив из воды.

На ком был женат Моше?

Согласно данным книги Шмот, Моше женился на Ципоре, дочери мидьянитянского правителя (или жреца), и у них родились два сына: Гершом и Элиэзер.

В книге Бемидбар приведен интересный эпизод: «И говорили Мирьям и Аарон против Моше по поводу кушитки, которую он взял, ибо жену-кушитку взял он себе. И сказали: “Разве только с Моше говорил Б-г? Ведь и с нами Он тоже говорил!” И услышал Б-г. А человек этот, Моше, был скромнейшим из всех людей, что на земле» (Бемидбар, 12:1-3). Далее описывается, как Всевышний обратился к Мирьям и Аарону, сказав им, что пророчество Моше отличается от пророчеств остальных, и гневался на них. Мирьям была поражена проказой, и Моше молился об исцелении своей сестры.

Ниже мы приведем мнения некоторых комментаторов по поводу того, кем была та самая «жена-кушитка» (на иврите: «иша кушит») и что именно вменяли в вину Моше его сестра и брат.

Многие комментаторы, начиная с мудрецов Талмуда, считают, что «жена-кушитка» – это Ципора. Так, согласно арамейскому переводу Онкелоса (II век), Мирьям и Аарон говорили против Моше из-за «красивой женщины, на которой он женился и от которой он отдалился». Так же эти слова объясняются и в переводе Торы на арабский язык, выполненном рабби Саадьей Гаоном (882–942), известным мыслителем и комментатором Танаха.

Рабби Шломо Ицхаки (Раши) (1040–1105), комментатор Танаха и Талмуда, приводит в своем широко известном и популярном комментарии к Торе три обоснования того, что «кушиткой» названа Ципора:

1. Все признают ее красоту, как признают черноту кушита (жителя страны Куш, то есть негра).
2. Числовое значение букв слова «кушит» на иврите соответствует числовому значению букв слов на иврите, перевод которых: «прекрасна видом».
3. Она была названа «кушиткой» из-за своей красоты, подобно тому, как человек называет своего красивого сына «кушитом», чтобы дурной глаз не был властен над ним.

Таким образом, согласно этому объяснению, Мирьям и Аарон критиковали Моше за то, что он отдалился от Ципоры. В соответствии с объяснением мудрецов, сделал он это потому, что в любой момент должен был быть ритуально чист и готов к общению со Всевышним и в такой ситуации супружеская жизнь невозможна. Мирьям не понравилось, что ее младший брат оставил жену, и она не считала пророчество Моше достаточной причиной для такого поведения, а возможно, видела в этом и гордыню. Тогда стих 2 можно понять так: Мирьям и Аарон утверждали, что Всевышний говорил не только с Моше, а также и с ними, но, несмотря на это, они не отстранились от супружеской жизни (см. комментарий Раши). А в стихе 3, в ответ на эти обвинения, Тора сообщает, что Моше был скромнейшим человеком.

Другое объяснение предлагал великий комментатор Танаха, мыслитель и поэт рабби Авраам Ибн-Эзра (1089–1064). Он также считал, что «кушитка» – это Ципора, но, по его мнению, она была названа так по другой причине. Так как Ципора была

мидьянитянской, живущей в шатрах, из-за палящего солнца она была темнокожей и походила на кушитку. Мирьям же и Аарон подозревали, что Моше отстранился от Ципоры потому, что она некрасива, а не из-за пророчества.

Есть также комментаторы, которые считают, что «жена-кушитка» – это не Ципора. Так, рабби Шмуэль бен Меир (Рашбам) (ок. 1080–1174), внук Раши и комментатор Танаха и Талмуда, цитирует мидраш, согласно которому Моше сорок лет правил в земле Куш, взял в жены местную царицу, но не жил с ней супружеской жизнью. А Мирьям и Аарон, критикуя Моше за то, что он взял жену-кушитку, не знали, что он не жил с ней.

Средневековый комментатор Танаха, рабби Йосеф-Бехор Шор, живший в Северной Франции во второй половине XII века, так объясняет слова Мирьям и Аарона «по поводу кушитки, которую он взял»: «Согласно простому пониманию текста, они говорили: “Разве не мог найти Моше жену из дочерей Израиля, чтобы взять ее в жены, и пошел он брать [жену] из дочерей необрезанных кушитов?” По поводу мидьянитянского происхождения Ципоры рабби Йосеф-Бехор Шор пишет, что из-за этого Моше не критиковали, так как он женился на ней, когда бежал из Египта, и не мог вернуться туда, чтобы выбрать жену из народа Израиля. Комментатор не приводит объяснения, почему же Моше взял «жену-кушитку», отмечая, что «нам не раскрыты все тайны». А слова «Разве только с Моше говорил Б-г?» рабби Йосеф-Бехор Шор объясняет так: «Что, из-за того, что Всевышний говорит с ним, он так возгордился, что не хотел брать жену из дочерей Израиля, и искал знатную жену издалека?»

Рабби Йосеф Ибн-Каспи, философ и комментатор Танаха, который жил в Провансе в первой половине XIV века, писал в своей комментарии, что Моше взял жену из земли Куш как еще одну жену, кроме Ципоры. И претензии Мирьям и Аарона были из-за этого. Ибн-Каспи считал, что слова «Разве только с Моше говорил Б-г? Ведь и с нами Он тоже говорил!» выражают мысль Мирьям и Аарона о том, что и они пророки, поэтому могут критиковать Моше.

Напоследок приведем мнение комментатора более близкого нам по времени, также считавшего, что «кушитка» – это не Ципора. Шмуэль-Давид Луццато (Шадал) (1800–1865), известный филолог, мыслитель и комментатор Танаха, живший в Италии, также полагал, что Мирьям и Аарон сочли гордыней то, что Моше взял жену не из народа Израиля. Он подозревал, что эта «кушитка» была из других народов, которые присоединились к сынам Израиля при выходе из Египта, так как известно, что Египет близок к Кушу. Луццато также отмечал, что поэтому далее в тексте Торы приводится свидетельство о том, что Моше не возгордился, а напротив – был скромнейшим человеком.

МОЖЕТ ЛИ ЖЕНЩИНА ЧИТАТЬ МЕГИЛУ?

Ī àðèí à Èàðí íàì

Одна из четырех заповедей праздника Пурим – чтение Мегилат Эстер – книги («свитка») Эстер, повествующей о событиях праздника Пурим. Согласно Алахе, «чтение Мегилы должны слушать все, и мужчины, и женщины» (Кицур Шульхан арух, 144:7), поскольку Аман во времена Эстер и Мордехая задумал уничтожить всех евреев, без различия пола и возраста.

По традиции чтение Мегилы поручают в Пурим кому-нибудь из мужчин. Однако в последнее время к раввинам все чаще обращаются с вопросом: выполнит ли женщина заповедь, предписывающую слушать Мегилу, если сама прочтет ее вслух? И если да, то выполнят ли другие женщины или даже мужчины эту заповедь, слушая ее чтение?

Мегилат Эстер. Северная Италия. Около 1700 года

Разумеется, чаще всего этот вопрос задают религиозные женщины-феминистки, стремящиеся к «равноправию», максимально возможному в рамках Алахи. Однако легко представить себе множество ситуаций, когда с подобной проблемой сталкивается еврей, совершенно далекий от «ортодоксального феминизма». Например, еврейская женщина может оказаться во время Пурима в командировке – в городе, где нет других евреев. Или другой пример: еврей попал в больницу, куда к нему пускают только самых близких родственников – исполнит ли он заповедь, предписывающую слушать Мегилу, послушав чтение жены или матери? В подобной ситуации могут оказаться не только отдельные евреи, но и целые общины, особенно небольшие – например, если в Пурим внезапно

заболевает единственный мужчина, способный прочесть книгу Эстер по пергаментному свитку, как того требует еврейский закон. Поэтому даже тем, кого совершенно не волнует женское равноправие, стоит узнать, что говорит об этом еврейская традиция.

Согласно Мишне, «все могут читать Мегилу, кроме глухого, безумного и малолетнего» (Мегила, 2:4). В Талмуде рав Йеошуа бен Леви специально уточнил, что слово «все» в данном случае подразумевает женщин, поскольку в свое время они так же стали свидетельницами чудесного избавления (Арахин, 23а). Однако в Тосефте (Мегила, 2:4) приводится противоположное мнение: «Все обязаны читать Мегилу. Коен, левит и израильтянин могут читать за себя и за других [то есть слушающий их чтение считается выполнившим заповедь] <...> Женщины, рабы и несовершеннолетние освобождены от этой заповеди и не могут выполнить ее за других».

К сожалению, в литературе талмудического периода нет явных попыток примирить данные мнения. Таким образом, противоречие остается: по мнению Мишны, женщины обязаны читать Мегилу и иные люди могут выполнить свою обязанность слушать ее чтение с их помощью, тогда как согласно Тосефте – не обязаны и, соответственно, не могут.

Ришоним, то есть законодатели, жившие с IX по XV век, предлагали различные способы разрешения противоречия. Некоторые считали, что мнение Мишны более авторитетно, а потому мнение Тосефты необязательно принимать во внимание. Так, к примеру, высказывался, рав Ицхак из Вены (Ор Заруа, XIII век): «Я полагаю, что, поскольку мнение Тосефты не приведено в Талмуде, с ним можно не считаться». Такого же мнения придерживался рав Менахем Меири: «Из-за Тосефты мы не можем отвергнуть то, что прямо сказано в Талмуде. Тем более что мы можем положиться на известный принцип: тот, кто сам обязан исполнить заповедь, может помочь ее выполнить и другому».

Большинство сефардских и провансальских авторитетов полагали, что мужчина, слушая чтение женщины, тем самым выполняет заповедь, предписывающую слушать Мегилу. К примеру, рав Давид бен Леви (Сефер а-михтам, XIII век, Прованс) утверждал: «Если женщина способна прочесть Мегилу, то мужчина исполняет заповедь, слушая ее чтение». С ним соглашался рав Йосеф Хавива (Нимукей Йосеф, XV век, Испания), постановивший, что женщина, читая Мегилу, должна произносить те же благословения, что и мужчина (Рамбам, Мишне Тора, Законы чтения Мегилы, 1:1, и др.). Подобного мнения придерживались и некоторые ашкеназские раввины: рав Элиэзер бен Шмуэль из Меца (Сефер Йереим, XII век), Раши и др.

Однако далеко не все законодатели игнорировали позицию Тосефты. Некоторые предпринимали попытки примирить позиции двух вышеприведенных талмудических источников.

К примеру, рав Ицхак бен Абба Мари (Прованс, XII век) и «Коль Бо» (автор неизвестен) полагали, что, хотя формально женщина, как сказано в Мишне, может читать Мегилу даже мужчинам, на практике этого не стоит делать, поскольку и в таком случае может быть действителен запрет слушать женское пение.

Другое объяснение предложил рав Моше из Куси (Сефер мицвот гадоль, Франция, XIII век). Известно, что, хотя, согласно Мишне, женщин можно вызывать к Торе наравне с мужчинами, мудрецы Талмуда (Мегила, 23а) категорически возражали против этой практики, считая, что она позорит общину, о которой могут подумать, будто в ней не

нашлось и семи мужчин, умеющих читать (напомним: во времена Талмуда каждый вызванный к Торе читал свой отрывок самостоятельно). По мнению рава Моше, то же правило применимо и к чтению Мегилы – если поручить это женщине, то могут заподозрить, что в общине вообще нет грамотных мужчин, а это, безусловно, не делает ей чести.

Некоторые раввины полагали, что противоречия между Мишной и Тосефтой нет, поскольку речь идет о разных заповедях: в первом источнике – о заповеди слушать Мегилу, которая распространяется на оба пола; а во втором – о заповеди читать Мегилу, от исполнения которой женщины, в отличие от мужчин, свободны. Подобного мнения придерживались рав Эльзар из Вормса (Рокеах, XII век), рабейну Хананель, рабейну Симха бен Шмуэль из Шпеера (XII век) и др.

Точку в споре о том, может ли женщина читать Мегилу, не поставил и рав Йосеф Каро. В «Шульхан арухе» он приводит оба мнения: «Все обязаны читать Мегилу, как мужчины, так и женщины <...> И читающий, и слушающий выполняют заповедь, если читающий обязан читать. <...> И есть те, кто считает, что мужчина не выполняет заповедь, слушая чтение женщины» (Орах Хаим, 68:1, 2).

На практике большая часть ашкеназских общин следовала мнению «тех, кто считает», что женщина не должна читать Мегилу, по крайней мере, для мужчин. Как объяснял Хафец Хаим в «Мишне бруре», это связано с тем, что, во-первых, женское чтение «позорит общину», а во-вторых, нельзя пренебрегать мнением, что женщина не обязана читать Мегилу, и, следовательно, тот, кто слушает ее чтение, возможно, не исполняет тем самым заповедь. Поэтому, как полагал Хафец Хаим, женщина может читать Мегилу либо только для себя, либо для одной другой женщины.

Несколько более мягкую позицию занял рав Йехиэль Эпштейн (Арух а-Шульхан). Соглашаясь с Хафец Хаимом, что чтение женщины для мужчин «позорит общину», он, однако, разрешал женщине читать Мегилу для нескольких женщин.

В последние годы многие религиозные женщины, опираясь на мнение «Аруха а-Шульхан», создают специальные женские группы для чтения Мегилы. Отношение к таким группам весьма различное. К примеру, известный американский раввин Гершель Шахтер категорически запретил женщинам читать Мегилу друг для друга. Вместе с тем рав Аарон Лихтенштейн, возглавлявший до недавнего времени ешиву в поселении Алон-Швут, разрешил своим студенткам читать Мегилу друг для друга.

Принципиально иной точки зрения придерживается в данном вопросе бывший главный сефардский раввин Израиля Овадья Йосеф. Отвечая на вопрос, может ли женщина читать Мегилу, он написал: «Мы полагаем, что мужчины выполняют заповедь, слушая чтение женщины. И таково было мнение наших учителей, Маймонида, Раши, Ор Заруа и других. Кроме того, “Шульхан арух” приводит эту точку зрения как общее мнение (“стам”), а известно, что если в “Шульхан арухе” есть два мнения – “стам” и “есть те, кто считает” (йеш омрим), то закон соответствует первому» (Йоре деа, 3:51).

Разумеется, эти слова вовсе не означают, что следует немедленно менять традиционный порядок чтения Мегилы, который и сам рав Овадья, несомненно, считает предпочтительным (по крайней мере, во всех известных мне сефардских синагогах свиток Эстер читают исключительно мужчины). Тем не менее, следует признать: алахические аргументы в пользу того, чтобы разрешить женщинам читать Мегилу друг другу или даже мужчинам, довольно весомы. Поэтому, по крайней мере, в чрезвычайных

обстоятельствах, когда иных вариантов попросту нет, на соответствующее мнение безусловно можно полагаться.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

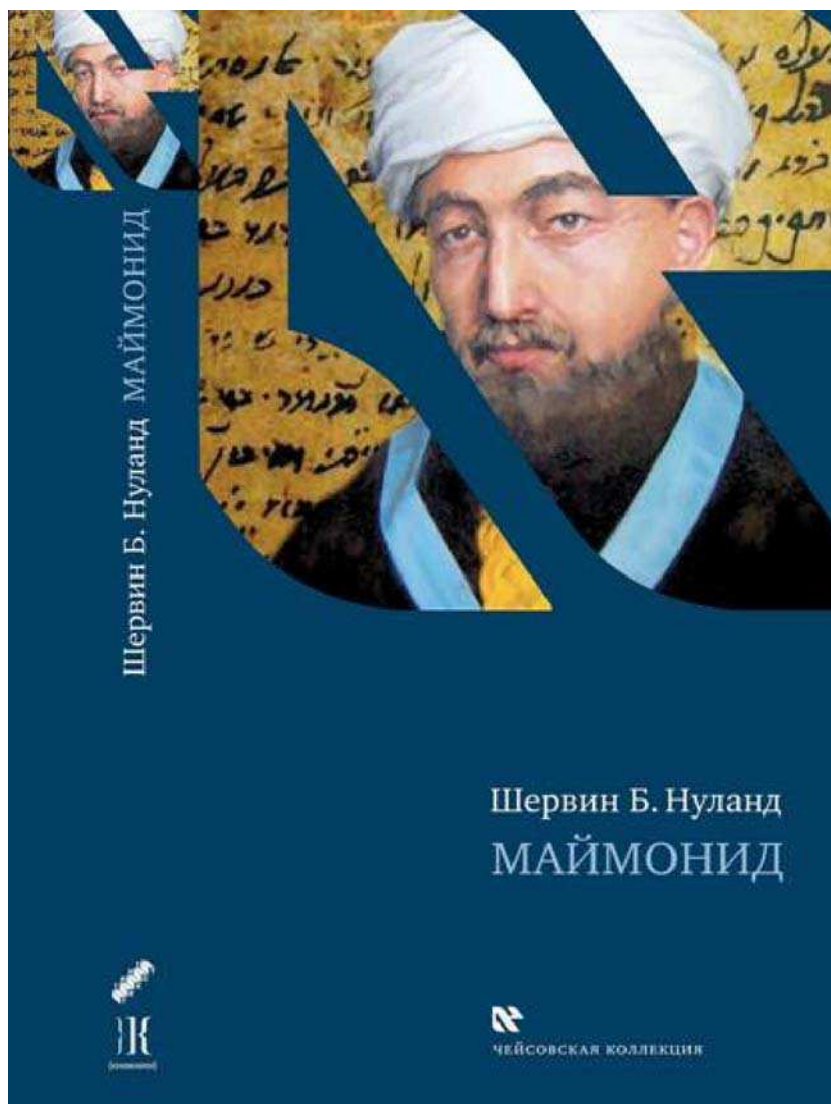
МАЙМОНИД-ВРАЧ

Qadda'i I'ce'i a

В серии «Чейсовская коллекция» издательства «Текст/Книжники» вскоре выходит монография Шервина Нуланда, преподавателя медицины и биоэтики Йельского университета, о выдающемся еврейском мыслителе Рамбаме (Маймониде). Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент этой монографии, акцентирующий внимание на врачебной деятельности Маймонида, которого считают отцом еврейской медицины.

*E' d'oi y' n' a' d' n' o' a' a' i' i' a' a' o' i' d' a' a' u' e' a' i' a' d' o' - a' i' a' m' i' i' i' p' e' a' i' i' i' a' a' e' e' a' a' e' a' i' i' e' i' i' a' d' o' a' i' ,
e' a' e' a' e' i' a' p' r' i' i' n' o' e' i' i' a' e' , - o' e' a' u' a' i' i' a' a' e' a' i' u' e' i' u' , e' i' o' i' d' u' o' y' a' g' y' e' a' a' i' i' i' a' i' e' , - o' i' a' u' a' u' o' u' i' a' e' i' i' e' e' a' i' e' a' i' e' , n' o' a' e' e' a' a' m' i' a' d' i' e' o' a' i' e' e' e' i' o' i' y' e' e' o' i' a' i' y' i' a' i' a' e' i' a' d' a' i' a' i' e' .*

Письмо Маймонида Йонатану
Лунельскому во Францию, 1195 год.

По словам Ибн Аби Усайбиа, мусульманского врача, жившего в Сирии в XIII веке, Маймонид «как в практике, так и в теории медицины занимал исключительное место». В данном, весьма коротком, утверждении мы видим историческую оценку, которую стоило бы проанализировать, чтобы попытаться ответить на вопрос: соответствует ли действительности повсеместно принятый тезис о том, что Маймонид, как в свое время, так и в последующие эпохи, занимал выдающееся положение в медицинской науке? В самом деле, насколько исключительное место он занимал как врач и теоретик медицины?

Такой анализ принято начинать с эпохи. Каково было состояние медицинской теории и практики в XII веке и как на него повлияли научные труды Маймонида и его повседневные врачебные занятия? Удалось ли ему добавить что-то к сумме доступных тогда знаний? Совершил ли он какие-либо научные открытия? Насколько существенные изменения претерпела медицинская наука к моменту его смерти или же его жизнь не внесла никаких изменений в состояние тогдашней медицины? И самое главное: оставил ли он такое наследие, которое врачи новых поколений смогли использовать как великую традицию для своего искусства и своей науки?

Маймонид жил в эпоху, когда медицина, как и многие другие области человеческого знания, пребывала в состоянии, так сказать, дремотного ожидания. И хотя исторические исследования последних лет показали, что нередко использование слова «средневековый» как синонима интеллектуальной стагнации неоправданно, даже самые рьяные апологеты этих столетий не могут не признавать, что такое отношение не лишено некоторой доли справедливости по отношению к определенным областям человеческого знания. И медицина была одной из таких областей.

В Средние века те или иные авторитеты обладали последним словом в дискуссиях, затрагивающих вопросы веры, философии и естествознания. На протяжении многих веков вся медицинская мысль находилась в тени одного-единственного авторитета. Этим колоссом был живший во II веке н. э. греческий врач Клавдий Гален, родившийся в Пергаме. Основываясь на учении школы Гиппократов, Гален сформулировал медицинскую теорию о балансе в человеческом организме четырех жидкостей, называемых «соками». По его мнению, недостаток или избыток любой из них – крови, флегмы, желчи и черной желчи – приводит к болезни. Болезнь можно излечить, восстановив баланс, для чего нужно использовать слабительное, клизму, кровопускание и другие подобные методы. Но к этим средствам следует прибегать только в крайнем случае. До того больного лечат диетой, сложными травяными составами, которые способствуют устранению избытка той или иной жидкости. В некоторых случаях применялась и простейшая хирургия – например, при ранениях, инфекциях или тяжелых болезнях, а также опухолях на поверхности тела.

Клавдий Гален. Гравюра

Всю жизнь Гален умело привлекал внимание широкой публики к своей медицинской практике и экспериментам. Он не только способствовал распространению учения Гиппократов о жидкостях и прочих методах диагностики и лечения – он пошел намного дальше, провозгласив себя единственным интеллектуальным наследником древнего Отца медицины. Он читал публичные лекции, нередко сопровождая их драматическими экспериментами на живых животных. Перед толпами энтузиастов он рассказывал о физиологических и анатомических особенностях млекопитающих, которые до того были неизвестны науке. Он оставил многочисленные сочинения, написанные напыщенным слогом, в которых рассказал о своих исследованиях и методах лечения заболеваний. В своих трудах, нередко грешащих бахвальством, он неоднократно заявляет, что только его методы являются истинными. Он оставил немалое наследие – когда в начале XIX века его сочинения были собраны и переведены на немецкий, они заняли двадцать два толстых тома ин-октаво.

Гален был не только самым известным медиком своего времени и личным врачом Марка Аврелия. Он провозгласил себя адептом медицины на все будущие времена. «Тот, кто хочет прославиться своими делами, а не только ученой речью, – обращается он к медикам будущего, – должен лишь затратить немного сил на ознакомление с тем, чего я достиг упорными трудами всей моей жизни». С точки зрения Галена и многих поколений его последователей, слепо верящих ему, он открыл все, что требуется знать о человеческом теле, о его болезнях и методах их лечения; он якобы создал законченную медицинскую систему, которая не требовала никаких изменений. И многие поверили этому. Ни один человек до Галена не удостоился такого почета, и никто столь пламенно не убеждал читателей в своей непогрешимости. Гален оставил целый ряд теоретических сочинений и свод предписаний, который казался столь непреложным, что на протяжении почти пятнадцати столетий ни у кого не возникала мысль оспаривать этот медицинский канон.

К IV веку н. э. Рим постепенно стал уступать власть Византии, столицей которой был Константинополь. Основные силы Византийской империи уходили на войны, военные столкновения и столь изощренные интриги, что слово «византийский», которым мы их сегодня характеризуем, прочно вошло в наш словарь. Наука же почти не прогрессировала – ее развитие остановилось почти во всех христианских государствах, не исключая и государства Западной Европы. Однако в VIII веке, когда мусульмане ворвались в Европу с Аравийского полуострова, они увлекли другие народы своей страстью к просвещению, которая легла в основу блистательной культуры, стремительно

распространяющейся на территориях, подвластных завоевателям. Можно сказать, что, в отличие от христиан, мусульмане начали свое существование с ренессанса.

Одним из самых ярких свидетельств просвещенческого пыла мусульман можно назвать перевод на арабский язык древнегреческих научных текстов. Путеводными звездами исламских мыслителей стали такие ученые и философы, как Евклид, Птолемей и особенно Аристотель. В основу новой арабской медицины легли труды Гиппократов и его последователей, а также Галена. Арабская медицина выросла преимущественно из этих трудов, поскольку они были широко распространены – ведь они считались наиболее значительными медицинскими трактатами греко-римского периода. Арабские врачи не были знакомы с оригинальными греческими текстами; как правило, им были доступны комментарии к переводам с греческого, сделанными в конце VIII – начале IX века еврейскими, сирийскими и персидскими учеными. Переписчики и переводчики основывались на оригинальных греческих манускриптах, но их все сложнее было разыскать. Поэтому нередко источником для последующих переводов служили латинские переводы, сделанные византийскими учеными в IV, V и VI веках. Другим важным источником информации служил семитомный труд Павла Эгинского – ученого, жившего в VII веке. В этом труде излагалось учение Гиппократов и Галена; он был переведен с латыни на арабский спустя два столетия после написания. И хотя сочинение Павла Эгинского представляло собой новое расширенное толкование трудов этих греческих ученых, оно служило краеугольным камнем арабской медицинской науки на протяжении всего времени, когда мусульманские врачи были на пике своей славы.

Гиппократ, Гален и Авиценна. Ксилография из издания работ Галена. Лион. 1528 год

Большой популярностью пользовались сочинения, написанные целым рядом византийских, еврейских и мусульманских врачей и основанные на переводах и пересказах оригинальных греческих текстов. Авторы этих сочинений комментировали труды предшественников и нередко вставляли в них собственные тексты, допуская ошибки, характерные для трудов «ревизионистов». Даже величайшие исламские теоретики того времени, читавшие сочинения греческих авторов в переводах VIII–IX веков, осуществленных с оригиналов, довольно часто неверно истолковывали их идеи или искаженно перефразировали их. Большим авторитетом пользовался обширный труд, составленный наиболее почитаемым мусульманским врачом XI века Абу Али Хусейном ибн Абдуллахом ибн Синой, на Западе известном как Авиценна. Однако многое в его труде, как и в других арабских канонических медицинских сочинениях, было всего лишь пересказом сочинений Галена, довольно часто неверно понятых. Но самым главным было то, что в книге Ибн-Сины принижается ценность клинического опыта и вместо того

превозносится логика и рассуждение. В результате ученики и читатели Авиценны не придавали большого значения своим личным наблюдениям, которые на деле являются самой прямой дорогой к пониманию болезни и нахождению способа ее лечения.

Так или иначе, арабские книги стали своего рода хранилищем греческой медицины и науки в целом. Очевидно, что эти тексты были намного более точными, когда они переводились непосредственно с греческого, по сравнению с теми случаями, когда промежуточным этапом для них служили латинские переводы, которые делали византийские и прочие авторы, не говоря о том, что множественный перевод во много раз умножал вероятность ошибки. И хотя Маймонид был очень хорошо знаком с трудами своих наиболее видных арабских предшественников и порой цитировал их в своих собственных медицинских сочинениях, похоже, он достиг своих познаний намного менее кружным путем, чем многие из них. Он знакомился с античными текстами в арабском переводе, сделанном непосредственно с греческого, и не рассчитывал на помощь поздних комментаторов и толкователей.

Обычай, позволявший мусульманским и еврейским врачам, писавшим на арабском, добавлять свои комментарии к переводам древних авторов, нередко способствовал распространению новых идей. Поскольку арабоязычные авторы приносили в греческую медицинскую литературу не только комментарии, но и редакторскую правку, перед врачами того времени открылась возможность добавлять к этим текстам свою собственную точку зрения на теоретические положения медицинской науки. Именно так вершился описываемый здесь великий исторический процесс, благодаря которому теории мусульманских и еврейских мыслителей вошли в инструментарий древнегреческой медицины. Все наиболее значительные фигуры арабской медицины: Гали Аббас (Али ибн Аббас), Разес (Мухаммад ибн Захария ар-Рази), Авиценна (Ибн-Сина), Альбуказис (Абу-ль Касим Заграви), Авензоар (Ибн-Зугр), Аверроэс (Ибн-Рушд) и еврейский ученый Ицхак Исраэли, – все они в той или иной мере были интерпретаторами Галена. Их исторический вклад в медицину заключается не в том, что они сделали какие-то новые открытия, но в том, что их свежее видение древних учений оказалось полезным для врачей того времени и более поздних эпох. Именно в свете этого историки рассматривают вклад в медицину самого Маймонида.

Иными словами, Маймонид не открыл ничего нового. Он не был исследователем и не внес уникального вклада в клиническую практику. Он, как и многие другие видные врачи того времени, был толкователем медицинского искусства в том виде, в каком оно было передано ему Гиппократом и особенно Галеном. Толкование Маймонида основывалось на его личном мировоззрении и опыте, приобретенном в работе с многими тысячами пациентов. Мировоззрение Маймонида включало в себя не только клинический подход к лечению заболевания, но и принятие во внимание физиологических и духовных аспектов болезни, а также соображения этического характера, присущие Маймониду как необыкновенно сострадательной натуре и как еврею.

Маймонид встал на медицинское поприще тогда, когда почти ничего не было известно об анатомии человеческого тела и физиологии его внутренних органов. Болезнь представлялась обобщенно – как своего рода «беспорядок» в организме пациента, тогда как сегодня заболевание понимается как неисправность какого-либо отдельного органа или совокупности клеток или их компонентов. В то время болезнь считалась состоянием, которое характеризуется нарушением какого-либо равновесия в организме – например, дисбалансом четырех «соков». Врачи того времени считали, что причиной болезни может быть нарушение работы одного из механизмов, вовлеченных в общую деятельность организма. Воздействовать на течение болезни можно только посредством восстановления

баланса. При этом медицина того времени не могла опереться ни на какие исследования анатомии или физиологии органов или тканей, прежде всего потому, что подобные исследования в то время не выходили за рамки сбора самых поверхностных сведений. Более того, освященная временем греческая брезгливость к более чем необходимой работе с мертвым телом, подчас доходящая до отвращения, стала причиной суровых ограничений на вскрытие трупов. И хотя в основе учения Гиппократа лежит принцип, согласно которому никакие сверхъестественные силы не могут рассматриваться как причина болезни или как методы ее лечения, врачи и особенно их набожные пациенты тем не менее довольно часто приписывали Б-гу активную роль в исцелении, дополняющую медицинскую терапию.

Разворот издания Мишне Тора Маймонида. Испания. 1300–1350 годы

Как мы уже отмечали, терапия того времени заключалась главным образом в предписаниях касательно диеты и рекомендациях изменить повседневные привычки больного. Кроме того, использовались лекарства, составленные из различных растений, иногда с добавлением минералов или компонентов животного происхождения. Тот или иной «рецепт» мог включать в себя не меньше десяти ингредиентов подобного рода. Эта методика обязана своим происхождением Галену, который настолько любил прописывать сложносоставные микстуры, что они вошли в историю под названием «Галеновых препаратов». Немногие из этих травяных отваров, если их протестировать средствами XXI века, могли оказать хоть какой-то положительный эффект на течение болезни. Причина столь частого использования трав в лечении была скорее мистическая, чем подкрепленная реальностью; этот обычай утвердился благодаря представлению об их эффективности, основанном на наблюдении за такими качествами лекарства, как его цвет и форма, а также на многовековой привычке принимать желаемое за действительное. Как и роль жидкостей, роль такой терапии была скорее теоретической и была основана на традициях, которые передавались из одного поколения врачей в другое, причем начало им нередко было положено самим Галеном.

Для того чтобы стать врачом в Средневековье, нужно было изучить сочинения Галена и труды, приписываемые Гиппократу, в переводе либо на арабский язык, либо на латынь, в зависимости от того, в какой стране родился будущий врач. Многие честолюбивые врачи в мусульманских странах читали древних авторов исключительно в

пересказе или под редакцией светил тогдашней медицины, как правило персов или испанцев, а иногда и евреев. Все эти авторы писали свои труды по-арабски. Было принято поступать в обучение к врачу, но лишь для того, чтобы увидеть, как будущие коллеги применяют Галеновы принципы на практике. Лучшими докторами считались те, кто яснее всего понимал принципы Галена и умел использовать его методы для лечения больных. Медицинский прогресс, как мы понимаем его сегодня – как непрестанно расширяющийся свод знаний о человеческом организме и о течении болезни, а также как особую философию, которая еще находится на стадии формирования, – прогресс этот с момента смерти великого грека в 201 году н. э. пребывал в дреме. Такое положение вещей практически не менялось до XVI века. Если бросить взгляд на состояние медицины в Средневековье, трудно отделаться от ощущения, что пациентам становилось лучше или хуже не столько под влиянием тех или иных методов лечения, сколько в зависимости от естественного хода их заболевания.

Сегодня едва ли можно установить точно, каким образом Маймонид приобрел свои познания в медицинской науке. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что начало его медицинским знаниям было положено в процессе общего образования, которое в то время предполагало всестороннее интеллектуальное просвещение молодого человека. Это требовало изучения как религиозных, так и светских дисциплин. Чтобы образование считалось полным, следовало изучить математику, астрономию, древнюю философию, ботанику и медицину – все эти науки, отметим, были наследием античной мысли. Кроме того, религиозные убеждения Рамбама вынуждали его рассматривать здоровье как неперемное условие познания Б-га. «Человек должен стремиться сохранить телесное здоровье и силу, – писал Маймонид в Первой книге Мишне Тора, – дабы его душа могла возвыситься и была в состоянии познать Б-га». Но сразу же вслед за этим провозглашением веры он приводит тезис, который принадлежит скорее светской философии: «Ибо невозможно никому познать науки и рассуждать о них, когда он голоден или болен». Двумя этими фразами, которые следуют одна за другой, можно вчерне обрисовать образ мышления великого мудреца. Если рассматривать их в совокупности, они могут обозначить две главные темы, которые проходят красной нитью через многие сочинения Маймонида, посвященные медицине, философии и естествознанию. Кроме того, мы можем видеть в них два мотива, которыми он руководствовался в жизни: познать пути Б-га и познать пути человека и мироздания. Оба эти мотива требовали одного – упорной исследовательской работы. Сам Маймонид говорил, что две эти цели вовсе не противоречат друг другу, как думают многие.

Итак, мы можем допустить, что к изучению трудов Галена и Гиппократов Рамбам приступил еще в детстве. И можно почти не сомневаться в том, что он не оставил попыток продолжить свое образование, когда семья рабби Маймона скиталась по восточной Испании, и самым внимательным образом изучал те тексты, которые попадали ему в руки. А если мы вспомним, что он обладал исключительной способностью запоминать наизусть прочитанные книги, то можем смело допустить, что ко времени своего приезда в Марокко Маймонид был уже довольно хорошо знаком с творчеством греческих ученых. В сочинениях Маймонида можно найти намеки на то, что в Фесе он имел возможность заниматься медицинской деятельностью вместе с другими врачами и, таким образом, возможно, получил практический опыт лечения больных. Однако с тем же успехом мы можем допустить, что до начала своей медицинской практики в Фостате Маймонид никогда не учился практической стороне клинической медицины. Впрочем, следует отметить, что такое явление было весьма распространено, и не только отдельные честолюбцы, но и многие мусульманские врачи из числа наиболее известных полагали, что для успешной врачебной практики достаточно изучить соответствующие книги, и это

будет вполне достаточной подготовкой к наблюдению пациентов. По нескольким документам из Каирской генизы нам известен арабский термин, который употребляли в то время для обозначения медицинского образования; в буквальном переводе он означает «читать что-либо с кем-либо» (куара'а ала'а). Впрочем, как бы ни проходил Маймонид медицинскую подготовку – лишь путем самообразования или благодаря также некоторому клиническому опыту, – можно не сомневаться в том, что он неустанно изучал труды по медицине, ведь и во всем остальном ему был свойственен неустанный поиск. Если мы вспомним, какими глубокими познаниями Маймонид обладал в других областях науки, то неизбежно приходим к заключению, что ко времени его приезда в Фостат он был авторитетным знатоком не только греческих медицинских трактатов, но также сочинений мусульманских и еврейских врачей своего времени. Судя по тем трактатам, на которые он ссылается в своих трудах, Маймонид, как мы уже говорили, читал греческих авторов в арабском переводе, сделанном непосредственно с оригинала. Так он ограждал себя от неизбежных ошибок, попавших в тексты по причине пройденного ими кружного греко-латино-арабского пути.

Без всестороннего и подробного изучения трудов древних и современных ему авторов Маймонид никогда не смог бы написать трактаты, вошедшие в его медицинское наследие. Однако сколь бы ни было глубоко его знание медицинских текстов, именно обширный опыт практикующего врача помог ему достичь глубинного понимания сути болезней и методов их лечения и в конечном счете обусловил высокую ценность его собственных медицинских сочинений. Хотя эти работы представляют собой, как правило, выдержки из трудов современников и предшественников, читатель может легко убедиться, что они написаны не книжным червем, отстраненным от жизни, но мудрым и хорошо подготовленным клиницистом, который много работал с больными и знает, что глубокое сочувствие пациенту может способствовать его выздоровлению. И это в эпоху, когда медицинские знания не были так доступны, как сегодня. Даже в тех случаях, когда он только повторяет медицинскую рекомендацию, найденную им в книге другого автора, он делает это с заботой и участием, которые пронизывают все дошедшие до нас труды Маймонида и окрашивают страницы «Комментария к Мишне», Мишне Тора и его многочисленных писем. В религиозных сочинениях Маймонида нередко можно встретить медицинские указания, касающиеся в основном профилактических средств и эмоционального здоровья. Двум этим темам уделяется немало внимания в Мишне Тора; в этом сочинении есть целая глава, названная «Болезни души».

Все медицинские трактаты Маймонида написаны по-арабски арабским шрифтом. Их содержание во многом сходно с медицинскими сочинениями арабских авторов того времени, однако отдельные черты, присущие и другим сочинениям Маймонида, свидетельствуют если не о научных открытиях, сделанных их автором, то, по крайней мере, о его новаторском подходе, особенно в том, что касается психологических аспектов болезни. В отдельных медицинских трактатах Маймонида это становится особенно очевидным.

Страница из иллюстрированного издания восьми трактатов Маймонида. Сам он изображен в левой нижней части листа. Феррара. 1470 год

Медицинские сочинения Маймонида недавно вышли в новом переводе на иврит; их общий объем составляет около пятисот страниц. Самым обширным и, несомненно, важнейшим является трактат, известный в переводе на иврит под названием «Пиркей Моше», а в английском переводе как «Медицинские афоризмы Моше». Именно этот труд Маймонида получил наибольшую известность в христианской Европе. Вопреки своему названию, эта работа состоит преимущественно из цитат Галена и некоторых других греческих авторов. В ней представлен их подход к болезням и здоровью и излагаются те разделы их сочинений, в которых речь идет о кровотечениях, очищении кишечника, рвотных средствах, хирургии и других методах терапии, а также женских болезнях. Книга составлена согласно общепринятым формам арабской медицинской литературы и разделена на двадцать пять глав, в каждой из которых содержится примерно тысяча пятьсот афоризмов, причем оригинальные среди них встречаются редко. Однако последняя глава в какой-то мере является отступлением от традиций, которым следовали в своих трудах почти все предшествующие Маймониду комментаторы. До появления этой книги лишь немногие авторы медицинских сочинений (наиболее известным из них был Ибн-Зугр – Авензоар Кордовский, живший на поколение раньше) осмеливались оспаривать учение Галена – как отдельные его положения, так и общую концепцию. Маймонид восхищается своим знаменитым предшественником и тем не менее указывает на сорок ошибок в его трудах и на те места, где он противоречит сам себе. Кроме того, Маймонид критикует те утверждения Галена, в которых тот высокомерно и самонадеянно рассуждает о вещах, выходящих за рамки его непосредственной компетенции. Гален «кажется себе более совершенным, чем он есть на самом деле», говорит Маймонид в одном из своих афоризмов.

Именно в «Пиркей Моше» Маймонид разъясняет свою позицию по отношению к «критериям истинности» – одной из главных тем, сопутствующих развитию медицинского знания со времен Гиппократов и по сей день. Как мы помним, в другом месте Маймонид утверждал, что единственным критерием веры является «авторитет пророков и святых». Теперь же, в самом обстоятельном из своих медицинских трудов, он повел настоящее наступление на признанные авторитеты, в особенности на Галена. Утверждения Маймонида столь резки, что в те времена считались чуть ли не ересью – ведь для тогдашней медицины античные врачеватели были своего рода «пророками и святыми». Такой труд, как «Пиркей Моше», мог написать только врач, который имел обширный практический опыт и понимал, что любое теоретическое положение требует критического анализа, прежде чем оно будет применено для лечения больных; а также врач, обладающий столь непоколебимой уверенностью в своих силах и знаниях, что мог осмелиться подвергать сомнению слова оракула.

Если кто-либо скажет тебе, что располагает подлинным доказательством, основанным на его собственном опыте и подтверждающим его собственную теорию, даже если он считается человеком почтенным и уважаемым, правдивым, серьезным и нравственного поведения, – то все равно, поскольку он страстно желает, чтобы ты поверил в его теорию, ты должен выразить сомнение. Да не поколеблют твой ум те «новшества», о которых он тебе рассказывает, но лучше рассмотри его теорию и его убежденность в ее истинности, а также подумай о том, что он, по его словам, видел; посмотри на существо дела, не позволяя легко убедить себя. Это положение истинно независимо от того, знаменит ли или безвестен этот человек. Ведь тот, у кого сила, может заставить другого говорить ошибочно – особенно в споре. Я предлагаю тебе взять это правило на вооружение, дабы рассмотреть утверждения знаменитого мудреца Галена.

В продолжение этого пассажа, занимающего шесть абзацев, Маймонид пишет слова, в которых слышен отзвук его утверждений в «Комментарии к Мишне» и других сочинениях и которые демонстрируют характерное для него внимание к психологическим и духовным аспектам заболевания: «Душа может быть здоровой или больной, как и тело может быть здоровым или больным». Это утверждение, в сущности, является краеугольным камнем маймонидовской медицинской философии, и читатель может не раз встретить его и в других сочинениях Маймонида.

Немаловажным является и тот факт, что в своей книге Маймонид страстно защищает Аристотеля, когда Гален выражает с ним несогласие – либо по вопросам, связанным с человеческим организмом, либо в отношении того или иного философского положения. Более того, Маймонид откровенно резок, когда античный врач порицает те или иные религиозные принципы, которые трудно было принять греческим мыслителям. Маймонид не церемонясь говорит о Галене: «Этот бесцеремонный лжец Гален, крайне невежественный в большинстве предметов, о которых он говорит, за исключением медицинского искусства».

В то время такими словами Галена величали не часто. В течение еще четырех столетий подобные суждения о нем будут большой редкостью – вплоть до того дня, когда в 1543 году двадцативосьмилетний брюссельский анатом Андреас Везалий публично и убедительно не продемонстрирует около двухсот ошибок, обнаруженных им в Галеновой анатомии, и не докажет, что места, в котором, согласно Галену, пребывает душа, в

человеческом теле не существует. Впрочем, даже это не положило конца верховенству Галена – оно длилось, по крайней мере, еще триста лет, постепенно отходя в прошлое. Маймонид был среди первых ученых, указавших на то, что у этого колосса глиняные ноги; в конце концов они совсем искрошились, и колосс окончательно рухнул. Когда арабская научная литература позднее была переведена на латынь – процесс, который достиг своего пика в XIII веке, – труды Рамбама вошли в канон западной медицины и сохраняли это положение несколько столетий. Так, например, на протяжении только девяноста лет, с 1489 по 1579 год, в Европе вышло не менее пяти латинских изданий «Пиркей Моше».

Помимо «Пиркей Моше» Маймонид написал две другие книги, основанные на трудах его прославленных греческих предшественников. Одна из них, «Выдержки» или «Краткое изложение учения Галена», представляет собой собрание цитат из шестнадцати сочинений Галена, предназначенное для учеников Маймонида. Другая книга написана в форме комментариев к самому знаменитому труду, приписываемому Гиппократу, а именно «Поучениям». Такие комментарии представляют собой особый жанр, в котором часто писали свои сочинения арабские врачи. Хотя в целом Маймонид следовал комментариям Галена к «Поучениям», изредка он позволял себе отступления, в которых критиковал отдельные утверждения Отца медицины, называя их темными, бесполезными и даже ложными. Любой врач нашего времени, прочитав оригинальный греческий текст, с легкостью согласился бы с Маймонидом. Например, комментируя афоризм Гиппократа, гласящий, что зачатие мальчика происходит из правого яичника, а девочки из левого, Маймонид не без иронии пишет, что «нужно быть либо пророком, либо гением, чтобы знать это». В отличие от «Краткого изложения учения Галена», изданного на многих европейских языках, вторая книга была переведена только на иврит.

В других семи медицинских трактатах, более полное описание которых читатель найдет в «Приложении», Маймонид передает опыт своей клинической работы. Каждый из этих трактатов несет на себе глубокий отпечаток личности Маймонида и отражает его заботу о благоденствии не только организмов своих пациентов, но и их душ. По словам поэта и ученого XIII века Ибн-Сины, если Гален умел лечить только тело, то этот врачеватель, который в своих медицинских трудах обычно представляется как «еврей из Кордовы», был способен исцелять и тело, и душу.

Èñéáññò àí Áàéáí à èá:èò òíèùèí òáèí,

À èñéáññò àí Ááó Èí ðáí à - è òáèí, è áóóá

Ñèèíé ñáíáá çí àí èÿ Ìí ñòàè èó:øèì áðà:íí

ñáíáá áéèà

Áá ì ááðññòù ìí Ìáèàð èçèá:èòù áíèáçíü

í ááíæáñò áà

Áíèè áú èóí à áíÿèà áá ñáíò àì,

Ìí èñòáèèè áú áá Ìò ìÿòáí

È Ìò óíáðáá

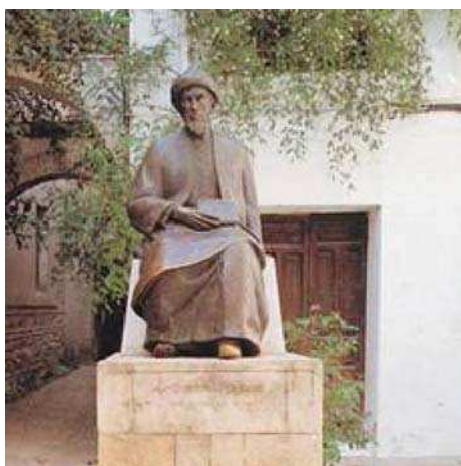
Что же можно сказать о том вкладе, который внесли в науку медицинские трактаты Маймонида и, что намного важнее, их автор? Следует повторить, что Маймонид был одним из самых выдающихся медиков своего века. Однако единственное новшество, которое можно приписать Маймониду, заключается в том, что он уделял особое внимание эмоциональному состоянию своих пациентов и выдвинул предположение, что психическое состояние больного может повлиять на ход болезни. Эта тема нередко встречается в его трудах, но особенно большое место ей уделяется в таких сочинениях, как «Руководство к исправному здоровью» и «Трактат о гигиене, или о запоре и меланхолии». Однако даже это сложно назвать уникальным вкладом Маймонида в историю медицины – он всего лишь придавал этой проблеме большее значение, чем любой другой автор, прежде о ней писавший. Хотя для историков медицины эта особенность сочинений Маймонида стала отличительной и характерной чертой его подхода к врачеванию, следует признать, что Маймонид не внес никаких изменений в средневековую медицину и что его вклад в развитие медицинской науки был незначительным. Даже то обстоятельство, что он критиковал Галена и Гиппократов, нельзя назвать уникальным.

Тем не менее, когда историки перечисляют имена медицинских светил Средневековья, Маймонид, как правило, оказывается в их числе. Причину тому, что Маймонид упоминается в одном ряду с Разесом, Гали Аббасом, Авиценной, Альбуказисом и Аверроэсом, найти не сложно. Дело в том, что сочинения всех перечисленных медиков, как правило, являлись комментариями к трудам Галена и Гиппократов, расширившими учение великих греков. Медицинские трактаты Рамбама не были исключением из этого правила.

Не было исключением и то, какое значение придавал Рамбам здоровому образу жизни – на его взгляд, лучшему средству профилактики болезней. Как и его коллег-мусульмане, он предостерегал своих пациентов от опасностей, связанных с нездоровым образом жизни, сознавая, что таким образом может принести им пользу. Прочитав «Путеводитель растерянных»: «Только один человек из тысячи умирает естественной смертью (Маймонид, несомненно, имел в виду смерть от старости. – Ш. Н.), а остальные гибнут намного раньше, ибо ведут себя как невежды или безумцы».

И все же возникает ощущение, что медицинские труды Маймонида оказались весьма полезны для врачей того времени. Многим из них требовалось четко систематизированное, написанное доступным языком руководство – своего рода «учебник» ухода за больными, составленный в практическом ключе. И здесь нельзя не вспомнить о причинах, побудивших Рамбама, согласно его собственным словам, написать Мишне Тора – то есть сделать Священное Писание доступным, понятным и пригодным для любого человека, чей разум готов к прочтению этой книги; предоставить своим читателям такое толкование Закона, которое избавило бы их от необходимости продирается сквозь дебри великого множества источников, на которых был основан этот труд; наконец, поощрить многих читателей продолжить изучение Торы и Талмуда. А теперь возьмем эту фразу и заменим в ней Священное Писание на труды Гиппократов и Галена, а также медицинские трактаты арабских предшественников Маймонида, например Ибн-Сины. В целом это были очень сложные и объемные книги, которые было трудно прочесть, но еще труднее удержать в памяти. Согласно крылатому выражению Филдинга Гаррисона, знаменитого историка медицины, жившего в начале XX века, «Канон врачебных наук» Ибн-Сины – это «гигантский, объемистый и громоздкий кладезь премудрос-

ти». Двумя столетиями ранее знаменитый физиолог Альбрехт фон Геллер из Геттингена, прославившийся и как историк медицины, назвал «Канон врачебных наук» «методической глупостью». Несмотря на целый ряд исключений для студентов или практикующих медиков, которым нужно было найти ответ на какой-либо вопрос или разрешить клиническую проблему у постели больного, работа с медицинскими трудами арабских авторов нередко становилась нелегким испытанием. Сколь же проще было для рядового арабского или еврейского врача XII или XIII века воспользоваться трудом Маймонида – ведь эту книгу можно было взять в руки, пролистать и узнать все, что требовалось. В многогранном гении Рамбама многие его современники и их потомки превыше всего ценили его выдающуюся способность «отделять зерна от плевел», а также собирать и классифицировать информацию и, установив ее внутренние связи, преобразовывать ее в полезное, сжатое и легко запоминаемое целое.

Памятник Маймониду в Кордове

Чтобы добиться этого, требовались самые обширные познания, и Маймонид располагал ими благодаря уникальной памяти и способности находить главное в густом тумане мелочей и скучных деталей. Одной из самых сильных сторон его гения была способность синтезировать, то есть понимать параллели, устанавливая связи, видеть образцы явлений и находить единство в крайне разнообразных формах информации и опыта, чтобы затем путем толкования систематизировать их, превращая в значимое, доступное постижению и пониманию целое и при этом не упуская нити первоначального замысла. Для этого он использовал уже существующий материал, насыщая его своим собственным пониманием и определяя его в соответствии со своими взглядами, в результате чего, путем творческого синтеза, который характеризует его гений не только в религиозной мысли, но и в медицине, Маймонид всегда создавал нечто новое.

Имея обширный опыт составления респонсов, на основе которых в еврейских общинах многих мусульманских и христианских стран принимались очень важные решения, Маймонид хорошо знал, как нужно подходить к освещению важных дискуссионных моментов, чтобы формулировки, с одной стороны, способствовали усвоению информации, а с другой – прояснили затруднения и в то же время авторитетно положили конец спорам и расхождениям во мнениях. И в самом деле, около половины его медицинских трактатов написаны в форме респонсов. Маймонид писал их увлекательным литературным стилем, и его сочинения было легко не только прочитать, но и запомнить. Этим качеством, как в Средние века, так и в наше время, одарены лишь немногие врачи.

По мнению некоторых исследователей, столь продолжительное влияние Маймонида на медицину основывалось на том, что большая часть его медицинских сочинений была переведена не только на латынь, но и на иврит и выдержала много изданий. «Пиркей Моше» читали не только студенты – сохранились свидетельства о том, что этой книгой усердно пользовались врачи, по крайней мере, до середины XVII века.

В конечном счете у сочинений Маймонида есть и другая характерная черта, которую высоко ценили его современники и их потомки и которая навсегда останется главной особенностью его вклада в историю и религиозную мысль. Такой особенностью я считаю этические принципы, которые приводятся в каждом сочинении, вышедшем из-под его пера, будь то религиозные трактаты «Комментарий к Мишне», Мишне Тора или респонсы; философские труды, как, например, «Путеводитель растерянных»; личные письма или такие на первый взгляд прикладные светские сочинения, как работы по медицине. Хотя в основе его этических принципов лежит религия, их предназначение универсально и исполнено чувства долга, свойственного врачу по отношению к его больным. Такой долг признается самой главной движущей силой врача. «Врачевание, – пишет Маймонид, – это не вязание и не ткачество, не грубое ремесло. Оно должно делаться с душой и быть исполненным понимания». Точность наблюдения и клинической работы, характерная для Маймонида, является частью его этической системы, в центре которой находится пациент. Как не устают повторять многочисленные биографы Маймонида, в медицинскую практику он привнес свое цельное мировоззрение: этика, философия, религия и медицина представляли для него единое целое. Каждый пациент и даже каждый человек, с которым ему доводилось сталкиваться в жизни, были частью упорядоченного мира, интеллектуальное и религиозное постоянство которого поддерживалось Б-гом, а высочайшее предназначение этого мира заключалось в познании Б-га. Для достижения этой универсальной цели необходимо здоровье, ибо только с помощью здоровых тела и души можно постичь творения Б-га, а лишь благодаря постижению Б-жых творений можно ближе всего подойти к познанию Самого Б-га. Таким образом, наука, этика и религия должны объединиться, чтобы образовать единое целое. В Мишне Тора Маймонид писал:

עֵינָא דְאֵי סְרִיבָא עֵדוּתֵי, אֵינְיָא נִדְאָה לְאִידְאָאָוֹנִי יִי יוֹיִ, וְעֵצִי יוֹי אֶמְיָאִי, עֵינְיָא לְאֵי יִינְדֵּ-וּ וְאִי דְוָא עֵעֵ אֶי אֹדִי-וִי עֵעֵ אִי יִי, אֵינְיָא אֵינְיָא. עֵי יִינְדֵּ וְעֵעֵ אֵי אֵינְיָא עֵעֵ אֵינְיָא וְאִי, וְאִי יִינְדֵּ-עֵינְיָא אֵינְיָא וְאֵי עֵינְיָא עֵינְיָא עֵינְיָא וְאִי, וְאִי עֵעֵ אֵינְיָא אֵי.

Мы сказали уже довольно много о Маймониде как о теоретике медицины. Однако оценка его как практикующего врача – это совсем другой вопрос, и для ответа на него мы располагаем лишь случайной информацией и немногочисленными свидетельствами тех, кто писал о медицинских успехах Маймонида при его жизни или вскоре после его смерти. Они говорят, что Маймонид был одаренным и искусным врачом. Его отношение к заботе о каждом пациенте, независимо от достатка того, исходило из общности его этических и религиозных принципов, не говоря уже о его несравненно высокой образованности и способности к вдумчивому наблюдению.

Однако из того, что медицинская теория Маймонида основывалась на его религиозных принципах, вовсе не следует, что теология оказала какое-либо воздействие на его представления о причинах болезней или методах их лечения. Напротив, в этом вопросе

Маймонид следовал своим древним предшественникам – ученикам Гиппократу. Хотя античные врачи искренне почитали богов и признавали их верховную власть над людьми, одной из особенностей их медицинских достижений было то, что они отделяли божественное вмешательство от реальной заботы о больном. Именно им мы обязаны представлением о том, что у всех болезней есть какая-либо естественная причина и поэтому больных следует лечить естественными средствами. В клятве Гиппократу врачи присягают «Аполлону-целителю, Асклепию, Гигее и Панагее и всем богам и богиням, беря их в свидетели»; однако в этой клятве, как и во всех трудах Гиппократу, куда входят сочинения диагностического, терапевтического и этического содержания, рассматриваются практические вопросы ухода за пациентом, без оглядки на богов. Подобно античным врачам, Маймонид считает, что искусство врачевания может даваться свыше, однако его следует применять, не рассчитывая на прямое вмешательство Б-га. Не на молитву следует уповать в болезни, говорит Маймонид, но на медицинскую помощь; средства лечения болезни даются от Б-га, однако «Он же дал мудрых и искусных людей и знание, как приготовить лекарства и как применять их». Именно к этим мудрым и искусным людям следует обращаться человеку, если его поразит болезнь.

Хотя этот философский подход едва ли можно назвать отличительной чертой сочинений Маймонида, поскольку под ним подписались бы почти все еврейские и мусульманские авторы медицинских трудов, главы христианской церкви в Средние века разделяли его не часто. Как мы уже рассказывали в первой главе этой книги, отцы церкви, как правило, придерживались той точки зрения, что люди заболевают вследствие каких-либо сверхъестественных причин, и лечение, таким образом, должен предписывать человеку не доктор, но духовное лицо. В 1215 году состоялся Четвертый Латеранский собор, который постановил, что под угрозой отлучения от церкви врачи не должны лечить человека без участия священника (этот же собор, между прочим, предписал евреям носить на верхней одежде отличительный знак). Это предписание отцов церкви не отошло в прошлое вместе со Средневековьем. В середине XVI века папа Пий V, ревностный гонитель еретиков, вероотступников и евреев, вновь провозгласил этот закон, устроив его отдельные положения: теперь врачу не следовало продолжать лечение в случае, если за три дня до этого больной не исповедовался священнику, потому что, по словам папы, «телесная немочь нередко проистекает от греха». Это утверждение характерно для многовековой церковной традиции и, по крайней мере отчасти, объясняет, почему так много королевских и знатных семейств обращались за медицинской помощью к мусульманским и особенно к еврейским докторам.

Впрочем, и Маймонид не возражал против отдельных клинических «трюков» и прибегал к помощи предрассудков своих пациентов в тех случаях, когда считал, что это может сказаться на них благотворно. До нас дошло несколько свидетельств того, что его отношение к медицине как к искусству позволяло ему, когда он считал это необходимым, использовать различные уловки. Стоит отметить, что любой мыслящий врач того времени, будь то мусульманин, еврей или христианин, должен был отдавать себе отчет в том, что ценность основных лекарственных средств той эпохи основывалась на их способности оказывать эффект плацебо: если лекарство срабатывало, то лишь потому, что пациент (а возможно, и сам врач) верил в то, что оно непременно должно подействовать. Опираясь либо на свои этические принципы, либо на что-то еще, Маймонид был не против тех хитростей, к которым прибегают врачи, когда их предписания могут послужить последним утешением для больного. По-видимому, Рамбам, будучи убежден, что сознание влияет на тело, считал допустимым отказываться даже от самых дорогих его сердцу медицинских убеждений ради удовлетворения психологических потребностей

пациента. В качестве примера расскажем о его отношении к терапевтическому использованию амулетов и талисманов.

С самых древних времен люди прибегали к амулетам и талисманам для лечения болезней. Порой они писали на амулетах магические формулы и молитвы, дабы повысить их действенность. Считалось, что амулеты и талисманы способны оказать некое магическое воздействие. В своих трудах Маймонид неустанно выступал против этого обычая, как и против любого колдовства в лечении больных. Хотя молитвы могут помочь больному, считал он, терапия должна основываться на курсе лечения, предписанном медицинской наукой, а верность избранного пути должна подтверждаться в уходе за каждым конкретным больным. Представление о том, что при помощи магии можно помочь больному чудодейственными средствами, было противно его принципам. В «Путеводителе растерянных», например, он осуждает как обман использование такого рода мистических средств для исцеления пациента и утверждает, что их нельзя одобрять. И все-таки этот врач-прагматик порой поступал противно собственным словам – когда болезнь оказывалась слишком тяжела и ему нечего было предложить больному. Уступка расхожим суевериям, писал он, позволительна в таких случаях, «дабы не тревожить ум больного». Для Маймонида подобные уловки, к которым можно прибегать изредка, лишь подтверждают уместность врача.

У нас есть косвенные свидетельства, указывающие на то, что Маймонид и сам обладал подобной уместностью. Таким свидетельством может служить его обширная врачебная практика. Он занимал высокий пост придворного врача; как свидетельствуют его медицинские, философские и религиозные сочинения, а также известные нам подробности его жизни, ему были свойственны глубокое сострадание и доброта, и он придерживался строгих этических принципов. По его сочинениям мы знаем также, что он обладал энциклопедическими знаниями медицины. Из всего этого мы можем сделать вывод, что он имел все необходимые качества, чтобы подтвердить свою репутацию блестящего клинициста, которую он пронес через века.

У прославленного врача жаждали лечиться пациенты, принадлежавшие к самым разным сословиям, и в последние десять лет жизни Маймонид был изнурен тяжким трудом. За исключением трактата «О названиях лекарств», все свои медицинские сочинения Маймонид написал именно в эти десять лет, даже тогда, когда растущая с каждым днем врачебная практика не оставляла на это времени. Практически во всех биографиях Маймонида приводится его письмо Шмуэлю ибн Тиббону, в котором живо описаны причины той усталости, что преследовала его в конце наполненной трудами жизни.

В этом письме мы можем прочесть больше, чем намеревался сказать Маймонид. С самых первых шагов Гиппократовой медицины основной чертой профессии врача было чувство долга. Какими бы мотивами, от милосердия и религиозных убеждений до научного энтузиазма, ни были движимы западные врачи, именно их убежденность в том, что получению медицинской степени сопутствует принятие серьезных обязательств по отношению к обществу вообще и каждому отдельному человеку в частности, в конечном счете становится для них самой важной составляющей их будущей профессии. Медицина – это не развлечение для энтузиастов-одноразовок. Медицина – это призвание, и как таковое оно предъявляет человеку больше требований, чем обычная карьера. Нельзя безмятежно спать или предаваться удовольствиям, когда кто-то болен, когда кто-то нуждается в помощи со стороны врача, оказавшегося рядом. В этом суть не только социального «контракта», заключение которого – со всем человечеством – предполагает данная профессия или, лучше сказать, призвание, – в этом суть того морального

«контракта», о котором каждый врач, достойный этого звания, помнит всегда. Столь часто цитируемое письмо Маймонида к Ибн-Тибону – это свидетельство соблюдения такого контракта врачом, глубоко сознающим, кем он является для своих пациентов и какие обязанности наложены на него. Некоторые могут возразить, что в письме Ибн-Тибону описывается самопожертвование, которое выходит далеко за рамки вышеописанного чувства долга. Маймонид, насколько мы можем о нем судить, и не предполагал, возможно, что такого рода вопрос может быть задан. Тем не менее вскоре он дал на него ответ. Этим ответом можно считать знаменитую молитву, приписываемую Маймониду. В ней он говорит, обращаясь к Б-гу, что был избран «надзирать за жизнью и здоровьем Твоих творений». И не важно, думает ли сегодняшний врач, что избран Богом, или полагает, что сам избрал этот путь, он испытывает такое же чувство долга. Отказаться от него невозможно.

Евреи всегда считали Рамбама искусным врачом; получившая широкую известность в последние два-три столетия «Молитва Маймонида» стала своего рода клятвой верности призванию врача, пусть несколько идеализированной. Как торжественное обещание хранить верность своему искусству и своим принципам, дорожить доверием пациентов, которое дает начинающий врач, вступая на это поприще, «Молитва Маймонида» может составить конкуренцию клятве Гиппократу. Однако, как и клятва Гиппократу, эта молитва, похоже, также не была написана тем человеком, кому она приписывается.

Так называемая «Молитва Маймонида» впервые была опубликована в немецком журнале «Deutsches Museum» в 1783 году. Ее публикация сопровождалась такими словами: «Ежедневная молитва врача перед тем, как отправиться к пациентам: с еврейской рукописи прославленного еврейского врача, жившего в Египте в XII веке». Имя этого врача не упоминалось, но нельзя укорять тех читателей журнала, которые высказали предположение, что речь идет о Маймониде. Семь лет спустя «Молитва» была напечатана в еврейском периодическом издании «А-меасеф», причем в этой публикации утверждалось, что ее автором является известный немецкий врач Марк Херц, попросивший редакцию перевести эту молитву с немецкого языка, на котором она была написана, на иврит. По словам доктора Фреда Рознера, крупнейшего американского специалиста по медицинским трудам Маймонида, путаница в отношении авторства «Молитвы» началась, по-видимому, в 1900 году, когда американский медицинский журнал «Transactions of the Medical Society of West Virginia» опубликовал отрывки из «Молитвы» в сопровождении статьи, написанной доктором Уильямом Голденом. В этой статье утверждалось, что авторство «Молитвы» принадлежит именно Маймониду. Сам же доктор Голден, похоже, воспользовался текстом «Молитвы», опубликованным в книге «Justice to the Jews» («Справедливость к евреям»), написанной пастором нью-йоркской блумингдейлской церкви епископом Мэдисоном К. Питерсом. В этой книге, впрочем, авторство данной молитвы не указывалось. Некоторое время спустя Голден засомневался в своей точке зрения относительно авторства молитвы и в 1914 году направил соответствующий запрос редактору журнала «American Israelite». Голден спрашивал, владеет ли кто-нибудь информацией о происхождении этого текста. Ответ пришел ему от имени доктора Готгарда Дойча, который в первой же фразе исчерпывающим образом ответил на поставленный вопрос. «Так называемая молитва Маймонида, – писал Дойч, – представляет собой старую газетную утку. На самом же деле ее автором является Марк Герц, известный берлинский врач (1747–1803), который, в частности, лечил Моисея Мендельсона^[1] в последние годы его жизни». Дойч объяснял путаницу тем обстоятельством, что Юлиус Пагель, наиболее почитаемый историк медицины того времени, заимствовал ошибочное утверждение на этот счет из книги одного своего коллеги, вышедшей в 1875 году, а в 1908 году опубликовал эту молитву в

маймонидовском мемориальном томе. После того как Пагель подтвердил ошибочное мнение об авторстве Маймонида, «в подлинности этого документа можно было сомневаться не более чем в подлинности Евангелия от св. Иоанна, – писал Дойч. – Теперь никакие аргументы не отнимут у Маймонида его заслуги в том, что он якобы написал этот лимонадно-ликерный текст, столь характерный для эпохи Aufklaerung (Просвещения)». К этому времени «Молитва Маймонида» была переведена на множество европейских языков, и в ее изданиях обычно указывалось, что она принадлежит перу Маймонида. Ее первый английский перевод появился приблизительно в 1841 году. Дойч мог и не упоминать о том, что нет никаких свидетельств о существовании этой молитвы до 1783 года.

Однако письмо Дойча не смогло остановить все более мощный поток публикаций этой молитвы, в которых указывалось на авторство Маймонида. И хотя не было бы ошибкой утверждать, что чувства, выраженные в молитве, во многом соответствуют словам Маймонида, разбросанным по его медицинским и прочим трудам, очевидно также и то, что некоторые понятия, приведенные в этом тексте, например прогресс, противоречат средневековому представлению о мире и не были в ходу до эпохи Просвещения. Мы не можем быть уверены в том, что молитву написал доктор Герц, но авторство этого текста можно приписать ему с большой долей вероятности на основании одной косвенной улики. Историкам известно письмо Герца, в котором он сообщает о написанной им молитве под названием «Тфилат а-рофе» («Молитва врача»). Чувства, выраженные в этой молитве, во многом родственны тем, которые мы обнаруживаем в молитве, опубликованной в 1783 году. Проследив всю историю этого текста и подтвердив документально каждую ее фазу, давайте предоставим последнее слово доктору Фреду Рознеру:

Àáííúá èíòíðúí è íú ðáíííéááááí, íáíííðèíí áíéáçíááðò, ÷òí «Ì íéèòáá áðá-á», íðèíéííáááí áý Ì áèí ííéáó, ýáéýáðíý ðáéúééáéíé, ááòíðíòáí èíòíðíé íðèíáééáéèò íéííòáéð, æéáááí ó á XVIII áíéá, íí-áéáéí íí ó Ì áðéó Ááðòá Áíðí-áí, ááíéðòíúò áíéáçáò áéííòá ýò íí ó ó í áíí áò è, í áááðí íá, í èéíáá í á áúúáò.

Мне было нелегко воспринять эту новость, когда, листая старую подшивку «Бюллетеня истории медицины», я случайно наткнулся на подробный анализ Рознера, приблизительно через двадцать лет после его публикации в 1967 году. Ведь более десяти лет я хранил дома на своем рабочем столе металлическую пластину, на которой была выгравирована эта молитва. Я с трудом мог принять эти слова: «лимонадно-ликерный». Эта молитва вдохновляла меня, когда я впадал в уныние, она внушала мне чувство преемственности врачам прошлого и общности с врачами других стран. Последний абзац этой молитвы укреплял мою веру в то, что путь, избранный мной, неизмеримо значителен. Я не сомневаюсь, что, если бы Маймонид прочитал эту молитву, он испытал бы подобные чувства. Конечно, я предпочел бы, чтобы эти слова принадлежали ему, однако теперь в это невозможно поверить. Так или иначе, эту молитву можно назвать символом жизни, прожитой им, а также и моей собственной жизни. Любой мыслящий врач скажет вам то же самое[2].

[1] Мендельсон Мозес (1729–1786) – еврейско-немецкий философ-гуманист, стоял у истоков «еврейского Просвещения» (Хаскала) и реформированного иудаизма. Также известен как экзегет и переводчик библейских текстов. У современников заслужил прозвище «немецкого Сократа».

[2] В настоящее время одним из наиболее распространенных вариантов текста «Молитвы Маймонида» является следующий:

«Всевышний Б-же, перед началом своей святой работы по излечению творений рук Твоих, я возношу мольбу к Трону Славы Твоей и прошу дать мне силу духа и неутомимость выполнять мою работу в вере и чтобы стремление к богатству или к славе не лишило мои глаза способности видеть истину.

Удостой меня способностью смотреть на каждого страждущего, пришедшего ко мне просить совета, просто как на человека и не разделять моих пациентов на богатых и бедных, друзей и врагов, людей хороших и плохих. В каждом пациенте дай мне видеть только страдающего человека. Да будет воля Твоя, чтобы моя любовь к врачебному знанию укрепила мой дух, чтобы только правда Твоя была бы мне путеводной звездой, ведь каждая моя врачебная ошибка может привести к тяжким болезням и страданиям Твоих творений. Молю Тебя, Всевышний, милосердный и сострадающий, укрепи меня, дай мне силы телесные и душевные и дух цельный помести во мне».

Этот и другие варианты «Молитвы» доступны в Сети, по адресу:
http://www.machanaim.org/philosof/rambam/t_rofe.doc.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

О НАЗАРЕТЯНИНЕ, ГАЛИЛЕЯНИНЕ, ЕГИПТЯНИНЕ И ДРУГИХ

Ī eōāēē Ōōāēēīī

О контексте и причинах распятия Иисуса из Назарета написано, мягко выражаясь, немало. Ни для кого не секрет, что тема эта наболевшая и ее обсуждение играло и продолжает играть важную роль в отношениях между христианами и евреями. Христиане, верующие в Иисуса как в Христа Спасителя, Сына Божьего, и личность по всем параметрам уникальную, неповторимую и сверхъестественную, в большинстве своем склонны интерпретировать насильственную смерть Иисуса как событие вселенской значимости и, соответственно, совершенно уникальное и аналогов в мировой истории не имеющее. Евреи, много веков страдавшие от обвинений в деicide, также обычно рассматривают это происшествие под специфическим углом, вне широкого контекста собственно еврейской истории I века н. э., – дескать, смерть Иисуса имеет отношение к еврейской истории лишь постольку, поскольку христиане взвалили вину за нее на евреев.

Внешний вид воинов римской пехоты.

Реконструкция

В данной статье, рискуя навлечь на себя критику и тех и других, я попытаюсь рассмотреть расправу над этим пророком-чудодеем из Галилеи на фоне происходившего в Земле Израиля в конце периода Второго храма, при этом сознательно игнорируя как всю последующую историю христианско-иудейских взаимоотношений, так и теологические спекуляции вокруг образа Христа. Другими словами, я попытаюсь объяснить, как и почему Иисус был казнен, рассматривая его в качестве одного из многих религиозно-политических деятелей древнего иудаизма, пострадавших в конфликте евреев и Рима.

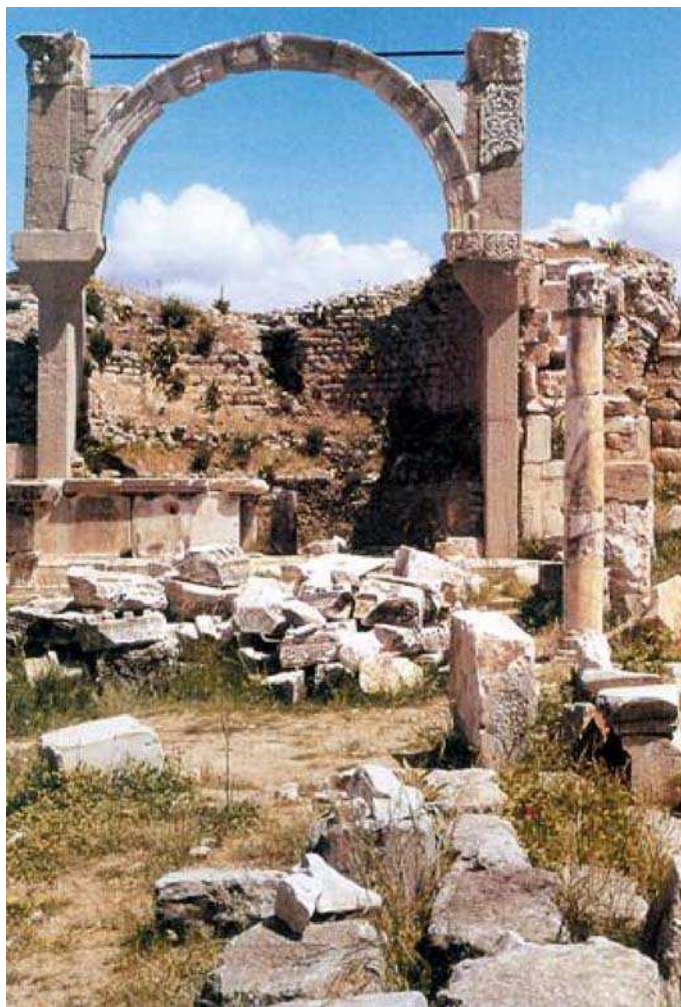
Прежде чем мы рассмотрим различные исторические свидетельства, проливающие свет на трагическую судьбу Иисуса из Назарета, необходимо прояснить несколько базовых вещей касательно соотношения религии и политики в ту эпоху. Во-первых, евреи, среди которых родился, жил и умер Иисус, не отделяли «религию» от «политики». Иудаизм того периода – такая же «политическая» религия, как классический и современный ислам, и он занимался не только «религиозными» (с точки зрения

современного западного человека) вопросами, но также предписывал то, как должно вести себя общество, *politeia*. Этим греческим словом еврейский историк Иосиф Флавий называл Моисееву Тору, объясняя своим греко-римским читателям, что еврейский законодатель на самом деле предложил человечеству идеальную политическую конституцию для устройства как общества в целом, так и жизни отдельных индивидуумов в частности. Слово «теократия» – это неологизм, придуманный тем же Иосифом Флавием для описания еврейского общества, управляемого по законам Торы (Против Апиона, 2:165). Во-вторых, дабы у читателя не создалось искаженного представления, что, дескать, только евреи не проводили границы между политикой и религией, стоит пояснить, что в этом вопросе язычники-римляне от них ничем не отличались. Именно потому, что для них религия была неотъемлемой частью государственной жизни, они казнили как предателей и изменников язычников, принявших христианство и отказывавшихся участвовать в государственных культах[1]. Можно привести массу примеров, иллюстрирующих тот факт, что для древних (включая Иисуса) религия и политика были едины, но не в этом суть данной статьи. Сказанное выше адресовано читателям, ориентирующимся на высказывания вроде «Отдавайте кесарю кесарево, а Богу Богово» (Мф., 22:21). Независимо от того, насколько миротворческим и «духовным» Иисус считал сам себя и как воспринимали Иисуса его последователи, в глазах посторонних евреев и римлян он и его секта были движением политическим. Именно этот факт и объясняет то, что с ним впоследствии произошло.

О том, что иудаизм был религией политической, зачастую забывают по той причине, что после разрушения Храма и подавления последующих двух антиримских восстаний оставшиеся в живых трезвомыслящие евреи осознали тщетность ведения вооруженной борьбы против Рима и прекратили активную политическую деятельность в национальных масштабах. Они предпочли сконцентрировать свои усилия на внутренней жизни еврейской общины, оставив решение вопросов мировой политики Всевышнему. Однако все это произошло более чем сто лет спустя после казни Иисуса. В период между этой казнью и редакцией первого документа раввинистического иудаизма – Мишны, в котором подобные взгляды были впервые сформулированы, евреи подняли три беспрецедентных по своим масштабам, ожесточенности и последствиям восстания против Рима: Великое восстание, восстание диаспоры и восстание Бар-Кохбы. Все они базировались на иудейских религиозных идеологиях и возглавлялись еврейскими религиозными деятелями, которые зачастую провозглашали себя «царями», «князьями» и «мессиями»[2]. Другими словами, опасения римлян касательно того, что харизматичные иудейские проповедники, сплотившие вокруг себя толпы последователей, являются потенциальной опасностью для так называемого «римского мира» (*Pax Romana*), были отнюдь не беспочвенны[3].

Теперь перейдем к рассмотрению непосредственного исторического контекста жизни Иисуса из Назарета и попытаемся понять, как и почему с ним произошло то, что произошло. Начнем с занимательной истории про одного из последователей Иисуса Шауля Тарсийского (ака апостол Павел). В 21-й главе Деяний апостолов рассказывается, что, когда Павел явился в Иерусалимский Храм, дабы объявить об окончании дней обета четырех назореев и принести полагающиеся по сему поводу жертвы, в Храме начались беспорядки. Евреи из Малой Азии, ранее знакомые с Павлом и его учением, подумали, что он провел нееврея в те части Храмового комплекса, где присутствие неевреев было запрещено еврейским законом[4]. Поскольку разъяренная толпа была близка к тому, чтобы линчевать Павла, в дело вмешался командир римского гарнизона, ответственный за порядок и безопасность в Храме. После того как римские солдаты вызволили Павла из рук его врагов и затащили в крепость Антонию, находившуюся в северо-западном углу Храмового комплекса, между Павлом и римским командиром-тысячником произошел

занимательный диалог: «Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников (to-n sikario-n – «сикариев». – М. Т.)?» (21:37-38).

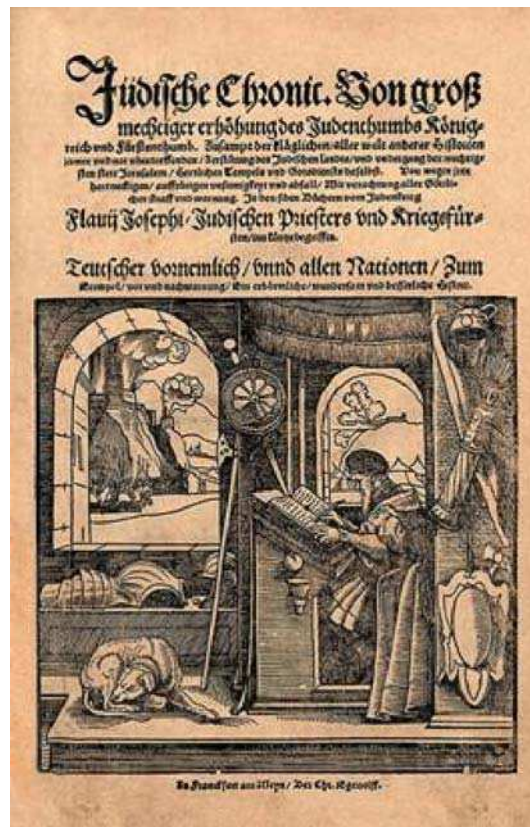

Развалины раннехристианской церкви в Смирне. Малая Азия. 3 век н. э.

Прежде чем мы разъясним, о чем идет речь, стоит еще процитировать один отрывок из 6-й главы Деяний апостолов. Там говорится о том, что, когда ученики Иисуса были приведены в Сангедрин, верховный еврейский суд, отдельные члены которого намеревались поступить с ними как с зачинщиками беспорядков, не желающими подчиняться правоохранительным органам, то известный фарисей раббан Гамлиэль посоветовал оставить последователей Иисуса в покое: «Встав же в синедрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время, а им сказал: мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Б-га, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (6:34-39)[\[5\]](#).

Автор Деяний упоминает этих религиозных лидеров без каких-либо объяснений касательно их рода занятий и судьбы. По счастью, все они упоминаются также Иосифом Флавием в двух его монументальных трудах, посвященных этому периоду: «Иудейской войне» и «Иудейских древностях»^[6]. Иосиф немало сообщает о «Египтянине», Иуде Галилеянине и Февде, а также объясняет, почему их преследовали римляне. Более того, история ареста самого Иисуса и его казни замечательно вписывается в контекст этих историй, еще раз иллюстрируя отношение римских властей к иудейским харизматическим лидерам. Из трудов Иосифа становится также ясно, что автор Деяний совершил грубую историческую ошибку. То, что Иуда Галилеянин «явился» во времена переписи, проводимой римским правителем Сирии Квиринием в 6 году н. э., – правда. А вот якобы предшествовавший ему Февда на самом деле был казнен римским прокуратором Фадом, который правил Иудеей в 44–46 годах, то есть не только намного позднее Иуды, но и позднее событий, описанных в 6-й главе Деяний апостолов, обычно датируемых 37 годом н. э.

Про Февду Иосиф рассказывает следующее: «Во время наместничества Фада в Иудее некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем. Самому Февде отрубили голову и повезли ее в Иерусалим» (Иудейские древности, 20:5:1). Этот отрывок нуждается в пояснении. Греческое слово «*gōēs*», переведенное здесь как «обманщик», обычно обозначает колдуна, шарлатана или лжепророка, вводящего толпу простаков в заблуждение. Это, конечно, не значит, что тот, кого посторонний наблюдатель называл шарлатаном, думал о себе так же; скорее всего, наоборот: он полагал себя Б-гоизбранным избавителем, призванным показать блуждающим во тьме истинный путь к спасению. Однако те, кто, как Иосиф Флавий, не был согласен с его самооценкой, рассматривали его и ему подобных как шарлатанов, а «чудеса», творимые ими, – как колдовство^[7]. Символическое деяние Февды, посредством которого он намеревался разделить воды реки Иордан и пересечь ее посуху, по всей видимости, должно было явиться началом нового – эсхатологического – еврейского вторжения в Землю обетованную и отвоевания ее у ненавистных язычников-римлян. Данное предположение также объясняет жесткие меры, принятые римским прокуратором Фадом по отношению к Февде и его компании; он, несомненно, распознал в их планах взрывоопасный потенциал.

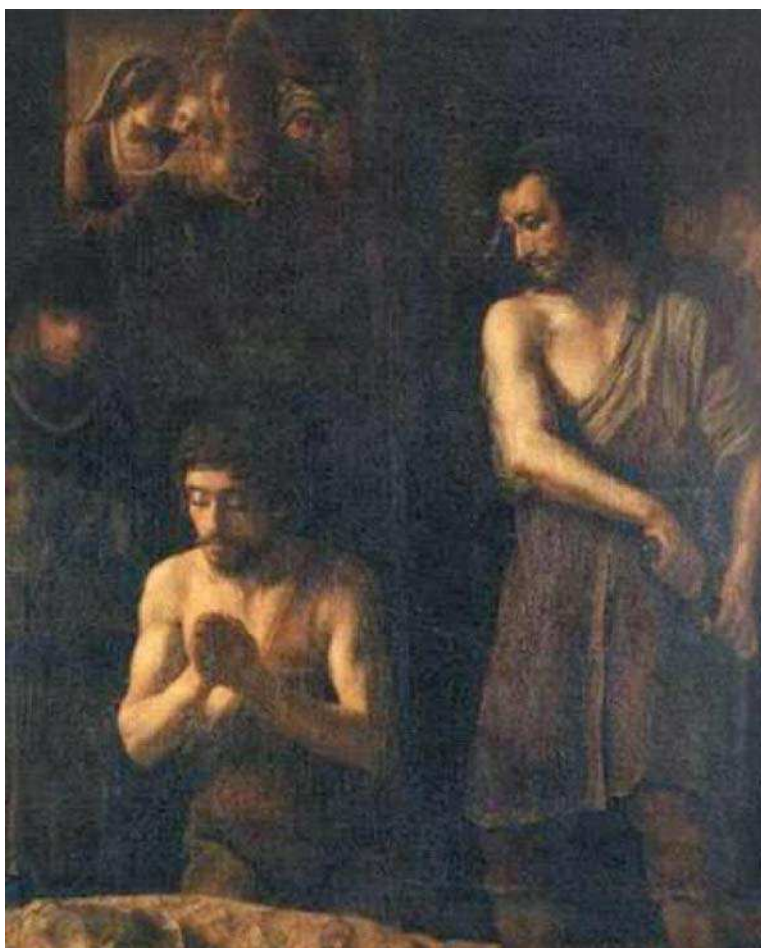
Титульный лист немецкого издания «Иудейская хроника», перевода 3–7 книг «Иудейской войны» Флавия.
Франкфурт-на-Майне. 1552 год

Что касается «Египтянина», упомянутого в Деяниях апостолов, то Иосиф рассказывает о нем и в «Иудейской войне», и в «Древностях». Сначала он повествует о том, что в Иудее появилась новая напасть – так называемые сикарии, то есть наемные убийцы и террористы, расправляющиеся со своими оппонентами с помощью короткого кинжала (лат. *sica*), который они прятали в полах своих одеяний. Рассказав, что преступления сикариев наполнили всю землю кровью и весь народ иудейский – страхом и ужасом, Иосиф сообщает о следующем бедствии: лжепророках, шарлатанах и колдунах. В «Иудейской войне» он пишет: «В придачу к этим (т. е. к сикариям. – М. Т.) образовалась и другая категория негодяев, хотя и менее преступных в действиях, но по намерениям еще более порочных, ибо они причиняли благополучию города (Иерусалима. – М. Т.) не меньший вред, нежели убийцы. Эти лжецы и мошенники, притворявшиеся Б-говдохновенными, на самом деле готовили планы переворота. Они приводили народ в исступление и выводили его за пределы города в пустынную местность под тем предлогом, что там Б-г явит им знамения приближающейся свободы. Феликс (прокуратор Иудеи в 52–60 годах н. э. – М.Т.), который увидел в этом первый признак мятежа, послал на них конницу и тяжелую пехоту, истребившие великое множество народа. Еще большее бедствие навлек на евреев лжепророк из Египта. Этот мошенник (goe_s), выдававший себя за пророка, по прибытии в страну собрал около 30 тыс. простаков и провел их пустынной местностью к Масличной горе, откуда намеревался силой войти в Иерусалим, подавить римский гарнизон и захватить верховную власть, сделав соучастников своими телохранителями. Однако Феликс предупредил его намерения и вышел навстречу с тяжелой римской пехотой; все население города тоже принимало участие в обороне (курсив мой. – М. Т.). После стычки египтянин с горсткой людей спасся бегством, а большинство его последователей были убиты или взяты в плен; остатки же толпы рассеялись и потихоньку разошлись по домам» (2:13:4-5). В «Древностях» Иосиф

поясняет, каким образом Египтянин намеревался захватить Иерусалим: «Он обещал легковверным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город» (20:8:6). Из последнего отрывка понятно, что «Египтянин» надеялся, будто стены Иерусалима падут подобно тому, как пали стены Иерихона перед армией Иисуса Навина, собиравшейся отвоевать Землю обетованную у поганых ханаанеев. Стоит обратить внимание на тот важный факт, что, согласно Иосифу, еврейское население Иерусалима помогало римскому прокуратору в расправе над Египтянином и его сумасшедшими последователями.

Итак, история, рассказанная Флавием, также проясняет отрывок из Деяний апостолов, приведенный в начале статьи. Римский тысячник, спасший Павла, решил, что люди, последовавшие за лжепророком и впоследствии осознавшие то, что он их одурачил и сбежал, в то время как им самим пришлось расплачиваться за его мошенничество, поймали его в Храме и хотели устроить над ним расправу. Однако оказалось, что вместо Египтянина они поймали апостола Павла.

Следующим из вышеупомянутых деятелей, о котором также рассказывает Иосиф Флавий, является Иуда Галилеянин (по другой версии его звали Иуда из Гамлы). В соответствии с «Иудейской войной», Иуда Галилеянин появился на исторической сцене в контексте перехода власти в Иудее от сына Ирода Великого, этнарха Архелая, к прямому римскому правлению, – другими словами, во время аннексии Иудеи в качестве римской провинции в 6 году н. э. римлянам необходимо было провести перепись населения новой провинции в фискальных целях. Первым римским префектом Иудеи стал некто Копоний, «и в это время галилеянин по имени Йеуда пытался склонить местное население к мятежу, браня тех, кто платит подати римлянам и подчиняется человеческому правлению после того, как евреями правил один только Б-г. Он был законоучителем и имел своих собственных последователей, и учение его ни в чем не было схоже с остальными учениями» (2:8:1). История появления Иуды Галилеянина послужила для Иосифа поводом для рассказа о том, что «среди евреев существуют три философские школы, приверженцы которых называют себя фарисеями, саддукеями и ессеями» (2:8:2). Иосиф подчеркивает, что эти философские школы (или «секты») – легитимные; более того, он стремится показать своим образованным греко-римским читателям, что, подобно эллинистической культуре, иудаизм характеризуется плюралистическим образом жизни и совмещает в себе разнообразные мировоззрения, которые уживаются вместе в мире и согласии. Что же касается Иуды Галилеянина, то секта, которую он основал и которую Иосиф называет «четвертой философией», совершенно нелегитимна и чужда духу «истинного» иудаизма. Вне всякого сомнения, в своем описании Иуды и его «философии», Иосиф был движим апологетическими побуждениями, ведь, с его точки зрения, именно последователи Иуды продолжили традицию неповиновения Риму и в конце концов привели к Великому восстанию и разрушению Храма[8].

Усекновение головы Иоанна Крестителя. Неизвестный мастер школы Рембрандта

Стоит упомянуть еще одного религиозного деятеля, который, – по крайней мере, в соответствии с версией Флавия – пострадал за свою чрезвычайную популярность в народе. Речь идет об Иоанне Крестителе, как его обычно величают по-русски. Ни к кресту, ни к христианскому «крещению» он никакого отношения не имел, и в греческом оригинале Евангелий и «Иудейских древностей» его зовут «Иоанн Омывающий» (baptiste_s)[9]. Не вдаваясь в излишние подробности, стоит отметить, что практика религиозных омовений была весьма популярна среди различных течений иудаизма периода Второго храма, и в этом отношении Иоанн не был из ряда вон выходящим явлением[10]. Что же касается его образа в Евангелиях, то на данный момент большинство исследователей Нового Завета склоняются к мнению, что Иоанн являлся основателем апокалиптической секты, членам которой полюбились ритуальные омовения и к которой в какой-то момент примкнул Иисус[11]. Поскольку факт омовения («крещения») Иисуса Иоанном был широко известен в народе, новозаветным авторам понадобилось подчинить Иоанна Иисусу, что они и сделали с помощью различных «пророчеств» и высказываний, приписанных первому («идуший за мной больше меня» и т. д.)[12]. На самом же деле, по всей вероятности, вскоре после омовения Иисуса Иоанном первый отпочковался от своего учителя и создал собственный кружок. Таким образом, у Иоанна была своя секта, а у Иисуса – своя, что, кстати, подтверждается автором Деяний апостолов: много лет спустя апостол Павел встретил в Эфесе в Малой Азии группу последователей Иоанна, которые не имели ни малейшего представления об Иисусе (19:1-4).

Евангелисты Марк и Матфей рассказывают, что тетрарх Ирод Антипа (сын царя Ирода Великого), управлявший Галилеей и Переей[13], заточил Иоанна в темницу из-за того,

что тот критиковал его за кровосмесительный союз с невесткой. Затем Антипа усек Иоанну голову по просьбе дочери своей новой жены (Мк., 6:17-29; Мф., 14:3-12). Однако Иосиф Флавий рассказывает совсем другую историю, и многие исследователи Нового Завета считают его версию более правдоподобной[14]. Иосиф пишет следующее: «Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода (набатейским царем Аретой IV. – М. Т.) вполне справедливое наказание со стороны Г-спода Б-га за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Г-споду Б-гу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более, что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям (metabole_ – “революции”. – М. Т.). Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен» (Иудейские древности, 18:5:2). Другими словами, и этот иудейский проповедник лишился жизни, поскольку проримский Ирод Антипа решил, что, выбирая между перспективой антиримских беспорядков и ликвидацией Иоанна, стоит выбрать последнее.

Арест Христа. Антонис ван Дейк. 1621 год

Теперь перейдем непосредственно к вопросу о связи между всеми вышеупомянутыми религиозными деятелями и Иисусом из Назарета. Стоит обратить внимание на три аспекта: во-первых, на описание их деятельности; во-вторых, на то, как эта деятельность воспринималась посторонними наблюдателями (Иосифом Флавием); и в-третьих, на то, как отреагировали римляне и проримски настроенные евреи на то, что эти харизматические предводители звали за собой народ, обещая им чудеса и знамения

грядущей свободы. В соответствии с Иосифом, деятельность египетского шарлатана и Февды совмещала чудотворство и символические действия, посредством которых они намеревались изменить существующий порядок. Иосиф считал их колдунами и обманщиками, которые вводили суеверную толпу в заблуждение, приводили к беспорядкам и, в конце концов, обрекли своих последователей на страдания. Римляне видели в них революционеров и борцов за свободу Израиля и реагировали соответственно. Неважно, расступились бы воды Иордана по велению Февды и пали бы стены Иерусалима по приказу Египтянина или нет, – закаленные в боях с варварами римские офицеры не верили в подобную чепуху. Но если какой-либо чудодей из ближневосточной провинции заявлял, что он «царь» или «мессия», они предпочитали думать, что он знает, о чем говорит. Поэтому для подобных «царей» и «мессий» была одна дорога – под топор палача или на крест.

Все сказанное выше может объяснить произошедшее с Иисусом из Назарета, хотя в Евангелиях нет свидетельств о том, что он обещал своим последователям физическое освобождение от римского ига. При этом нет никаких сомнений, что он немало говорил о «царстве Божьем», которое его ученики интерпретировали материально, по-плотски^[15], а также величали его «мессией», то есть царем Израиля из рода Давида. Для римского префекта Понтия Пилата, который, по свидетельствам Филона Александрийского и Иосифа Флавия, был человеком, интеллектом не отягощенным и не особенно вдававшимся в тонкости еврейских обычаев и терминологии, одного этого было бы достаточно, чтобы послать его на распятие. Однако вдобавок к этому Иисус собрал толпы воодушевленных поклонников, разругался с иерусалимским жреческим истеблишментом и учинил беспорядок в Храме. Изгнание бесов, излечение больных, отверзание очей слепым и воскрешения мертвецов лишь усилили народную веру в то, что в данном случае они имели дело с «кем-то великим». Подобно Флавию, иерусалимские первосвященники усмотрели в нем реальный революционный потенциал. Это и является контекстом для знаменитого отрывка из Евангелия от Иоанна: «Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот человек много чудес творит. Если оставим его так, то все уверуют в него, и придут Римляне и овладеют (уничтожат, захватят, заберут. – М. Т.) и местом нашим и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за народ (laos), нежели чтобы весь народ (ethnos) погиб» (11:47-51). Насколько историчен этот отрывок, на самом деле неважно. Неважно в настоящем контексте и то, что «Царствие Небесное», которое проповедовал Иисус, было «не от мира сего». А важно то, что обвинение, повешенное Понтием Пилатом над крестом еврея из Назарета, гласило: «Царь Иудейский».

^[15] О римской религии см.: Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. 2 vols. Cambridge, 1998. Еще одной причиной гонений на христианство было то, что римляне на протяжении всей своей истории преследовали магию, а христианство в их глазах было магией. См. замечательную статью: Smith M. *Pauline Worship as Seen by Pagans* // *Harvard Theological Review*. 1980. Vol. 73. P. 241–249.

^[2] О еврейских восстаниях см.: Иудея и Рим: Еврейские восстания / Ред. Уриэль Рапопорт // Иерусалим, 1983 (на иврите).

^[3] О политических аспектах религиозных движений в Земле Израиля в I веке н. э. см.: Smith M. *The Troublemakers* // Horbury W. et al. (eds.). *The Cambridge History of Judaism*. Volume 3: The Early Roman Period. Cambridge, 1999. P. 501–568.

^[4] Как, впрочем, и римским: римляне позволяли евреям убивать на месте неевреев, проникнувших в запретные для них части Иерусалимского Храма.

^[5] Об этом отрывке см.: Левинская И. *Деяния Апостолов*. Историко-филологический комментарий. М., 1999. С. 198–204.

^[6] О соотношении писаний Флавия с Новым Заветом см.: Mason S. *Josephus and the New Testament*. Peabody, 2003.

^[7] О «колдунах» в Земле Израиля в I веке н. э. см. провокационное исследование: Smith M. *Jesus the Magician* (San Francisco, 1978), а также мою статью «О царе Соломоне, происхождении бесов и Восьмой книге Моисея» в: *Лехаим*. 2007. № 3.

^[8] Об Иуде и традиции еврейского сопротивления Риму см.: Hengel M. *Die Zeloten*. Leiden, 1956.

^[9] Об Иоанне Крестителе в контексте других харизматических лидеров см.: Evans C.A. *Josephus on John the Baptist and Other Jewish Prophets of Deliverance* // Jill-Levine A. et al. (eds.). *The Historical Jesus in Context*. Princeton and Oxford, 2006. P. 55–63.

^[10] См., например: Rudolph K. The Baptist Sects // Horbury W. et al. (eds.). The Cambridge History of Judaism. Vol. 3: The Early Roman Period. Cambridge, 1999. P. 471–500.

^[11] См.: Meier J. P. A Marginal Jew. Vol. 1: Mentor, Message and Miracles. New York, 1994. P. 19–296.

^[12] См.: Dunn J. D. Christianity in the Making. Vol. 1: Jesus Remembered. Grand Rapids, 2003. P. 348–379.

^[13] Т. е. Северным Заиорданьем, где в период Второго храма проживало много евреев.

^[14] См., например: Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ. Vol. 1. Ed. G. Vermes, F. Millar and M. Black. Edinburgh, 1973. P. 346: «...it is highly probable that the real motive for the imprisonment of the Baptist by Antipas was, as Josephus states, fear of political unrest».

^[15] Деяния апостолов, 1:6. См. примечание на этот стих в: Левинская И. С. 82.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРАЗДНИКАХ: ЕВРЕИ И СЛАВЯНЕ О ПУРИМЕ

נָאִוֶּעִיאַ אֵי יִמָּאִי, יְאֵדֶי עַמִּי עֵיאַ

Праздник Пурим – один из самых ярких и красочных в еврейском календаре, про него до сих пор можно услышать множество интересных историй. Евреи говорят, что это был самый веселый и самый любимый праздник в общине, рассказывают, как было принято отмечать его в их детстве, и сравнивают с тем, как это делают сейчас. Славяне, которые прожили с евреями бок о бок не одно столетие, тоже не обходят стороной этот день. Они рассказывают, как евреи праздновали Пурим до второй мировой войны, как приглашали и угощали друг друга и своих соседей и т. д.

Аман проводит Мордехая, сидящего на коне, по улицам города. Настенная роспись из синагоги Дюра Европос. III век н. э.

Наша публикация основана на полевых материалах, которые были записаны в ходе экспедиций в Подолию (города Тульчин, Могилев-Подольский и др.), Буковину (Черновцы, Хотин, Новоселица) и Галицию (Ивано-Франковская обл.)^[1]. Уникальность и специфика этих регионов во многом определяется тем, что здесь в течение долгого времени соседствовали разные этноконфессиональные группы (русские, украинцы, евреи, румыны, молдаване, немцы и другие и, соответственно, православные, иудеи, католики). Выбор Подолии и Буковины в качестве места проведения экспедиций объясняется тем, что в этих регионах до наших дней сохранилась некоторая доля старожильческого еврейского населения, носителей аутентичной этнокультурной и языковой традиции. Во время войны эти регионы входили в Транснистрию – зону румынской оккупации, и части евреев удалось выжить. В отличие от Подолии и Буковины в Галиции немцы уничтожили все еврейское население. Однако там остались нееврейские старожилы, которые еще помнят довоенную жизнь и могут рассказать об обычаях и традициях своих соседей.

Полевые материалы 2004–2009 годов – это детские воспоминания наших информантов (и евреев, и неевреев) об их довоенной жизни. Детские воспоминания довольно часто содержат точные детали событий, происходивших много лет назад, в

данном случае – важные элементы утраченных традиций. Эти материалы позволяют проследить, что в традиции отмерло, что сохранилось и что трансформировалось.

Одним из самых ярких детских впечатлений является празднование Пурима, потому что дети принимали в нем непосредственное участие: переодевались в карнавальные костюмы, слушали пуримские истории и т. д. Для нееврейского населения Пурим – это запоминающийся зрелищный праздник, карнавал, у которого есть аналоги в славянской культуре – Масленица и некоторые рождественские обряды.

В данной статье мы последовательно остановимся на том, как сами евреи описывают традицию довоенного празднования Пурима, а также на славянских описаниях этого чужого для них ритуала, представления о котором стали частью их собственной культуры.

Евреи о Пуриме

Когда в разговорах с еврейскими информантами заходит речь о Пуриме, обычно ярче всего они вспоминают три вещи: историю его происхождения, рассказанную им родителями или учителями; обязательные атрибуты праздника – специальную еду, которую готовили в этот день, трещотки и подарки; а также карнавальную процессию детей, которые ходили по еврейским домам и пели песенки. Мы хотим подробнее остановиться на каждом из этих элементов.

Пересказ библейской истории

Пересказ истории о царице Эстер и злом министре Амани, который хотел погубить всех евреев, – это библейский сюжет, который мы чаще всего записываем в экспедициях. Конкуренцию ему составляет, пожалуй, только рассказ об исходе евреев из Египта, что, впрочем, легко объяснимо, поскольку обе эти истории ежегодно рассказываются (или рассказывались в детстве наших информантов) во время празднования Пурима и Песаха. Остальные библейские сюжеты вовсе исчезли из памяти стариков, сохранившись лишь в рассказах очень немногочисленных носителей традиции. История Пурима, в отличие от происхождения других еврейских праздников: Суккота (Сикес), Хануки (Хонике), Шавуота (Швис) – знакома практически всем евреям, которых мы встретили в изучаемых регионах.

Любопытно проследить некоторые вариации и дополнения к библейскому сюжету о Пуриме, с которыми мы сталкиваемся во время интервью. Самой интересной подробностью, которую наши информанты добавляют к сюжету свитка Эстер, является, на наш взгляд, рассказ о дочери (или жене) Амани, которая вылила на него с верхнего этажа своего дома ведро с помоями, поскольку думала, что это Мордехай. Мы записали два варианта этой истории – в изложении уроженки Могилева-Подольского и уроженки Хотина; приведем один из них:

– Еще мой папа рассказывал, что Аман – он о Пуриме рассказывал, – что Аман шел... он думал... он шел, а те, кто шел за ним, – это были другие люди, они шли к евреям, и когда он шел, он говорил, показывал им, куда надо идти и так далее. А дочка Амани стояла на балконе, на втором этаже. Он сказал: «Возьми – когда пройдет Мордехай – облей его из горшка, простите, мочой». А она облила своего отца. Мочой его облила. Но ничего... Царь уже отменил приказ. Вот так все евреи были спасены благодаря царице Эстер [\[2\]](#).

Старый самодельный грагер

Перед нами на самом деле пересказ талмудической истории. В Вавилонском Талмуде, в трактате, посвященном свитку Эстер, подробно излагается этот сюжет. Более того, там сказано, что, увидев свою ошибку, дочь Амана бросилась с крыши и разбилась (Вавилонский Талмуд, Мегила 16а). Однако характерно, что наши информанты знакомы с этим сюжетом не из Талмуда, а из историй, которые им рассказывали в детстве родные и близкие. Одна информантка услышала этот рассказ от отца, другая – от бабушки и от учителя в хотинской еврейской школе, куда она ходила до войны[3]. Этот эпизод становится неотъемлемой частью устойчивых нарративов о Пуриме, которые воспроизводятся практически слово в слово, что особенно заметно при повторных интервью. Таким образом, классический еврейский комментарий находит свое продолжение в живой устной традиции.

Напротив, новаторской тенденцией, которую мы тоже замечаем при пересказах свитка Эстер, можно назвать стремление наших информантов к актуализации библейского рассказа, приближению его к реалиям настоящего или недавнего прошлого. Так, Амана часто сопоставляют с Гитлером или, реже, со Сталиным, которые тоже хотели уничтожить евреев. Или говорят, что Аман был русским, православным[4]. Иногда наши собеседники возводят топоним Амман (столица Иордании) к имени библейского злодея: «“Откуда это взялось – Амман, Сирия – столица. Это интересно очень. Когда было то государство, Аман дал приказ, прямо как Гитлер, что завтра всех евреев уничтожить. Что служила Эстер красивой секретаршей, ну как у нас. И имела хлопца – Мордхая. <...>” – “То есть Амман – это в память об Аммане, которого повесили?” – “Это его наследники так называли город”»[5].

Еще один пример сочетания традиционных мотивов и новаторских элементов можно увидеть в пересказе библейского сюжета Песей Шаевной Колоденкер из г. Тульчина:

– Это тоже мне мама покойная рассказала, это мы уже ведь сейчас, но она рассказала – почему это Йон Кипер? Был один царевич, но он был очень нехороший человек. И он – сколько девочек было и... на свете, так он всех смотрел – какая ему понравится. И вот ему понравилась Эстерка. Эсфирь. Он выбрал ее. Она – хочешь не хочешь, хоть она его боялась, потом что... Но – она пошла за ним. А нет – так ведь всех, всех евреев убьют. И вот решил один его помощник, что надо всех евреев, надо убивать. Это видишь – сейчас же это Йон Кипер, это всё делают. А как это произошло? Что все евреи – они не спел, они не успели их убивать. Он сказал, этот царевич, что сделал, а... он большой... в ресторан, какие-то именины. Или Эстер-Фирь, или себе, или кому-то

друзьям. И вот она сильно оделась, она же царица стала. Пошла она с ним, она сидела с ним за столом. И она знала, что этот нехороший человек, что он хочет, чтобы всех... всех евреев уничтожить, но он не знал, что она еврейка. <...> Так этот мужчина – она и дала ему примерно больше рюмки выпить. Я так сделаю, что ты не будешь знать, что надо делать с этими евреями. А вот он пошел, выпил еще чарку, еще чарку вместе с ними. Они все пили. А Эстер-Фир сказала: сейчас мы что-то подумаем. И он стал к ней прикидываться, чепляться, этот бандюга, что он евреев ненавидит. И этот встал ревновать, муж. И он его посадил, этого, что он... Тогда он не мог выдать приказ, чтоб всех евреев убивали, вешались. Так это она дала всем – были же люди, что у них работали, так она дала приказ, чтобы всех евреев, чтобы они в этот день – меня аж моросит, – чтоб они не ели. Это Б-г те... создал такие ум, чтоб так надо сделать, чтобы евреи выжили, чтобы евреи остались жить [\[6\]](#).

Библейская история здесь служит объяснением религиозной традиции поститься накануне праздника Пурим, только, как это часто бывает, пост Эстер совместился в памяти Песи Шаевны с другим постом – в Йом Кипур. Поскольку Йом Кипур почти все наши информанты действительно соблюдают, в отличие от прочих постов, установленных в еврейском календаре. Кроме того, в этой истории мы вновь видим сочетание старинной традиции, унаследованной от матери, с попыткой актуализации: пир в царском дворце превращается в именины в ресторане, все герои, за исключением главной героини, утрачивают имена и сохраняют только роли или характеристики: царевич, бандюга, нехороший человек. Таким образом, мы видим, что детская память наших информантов хранит ряд устойчивых в еврейской культуре нарративов, запомнившихся при передаче традиции от родителей или других старших родственников, однако зачастую эти нарративы обогащаются при воспроизведении новыми, актуальными подробностями и деталями, которые вряд ли присутствовали в изначальном варианте.

Информантка Р.О. Штернберг с современным пластмассовым грагером

Атрибуты праздника

Подольские и буковинские евреи хранят яркие воспоминания об основных атрибутах праздника Пурим. Это хументаши (оменташн) – треугольные печенья с маком или вареньем, грагеры – деревянные трещотки, которыми стучат в синагоге во время чтения свитка Эстер, когда встречается имя Амана, а также шалахмонес, или, как их чаще называют в наших регионах, шолхемунес, – наборы из угощений и подарков, которые принято было дарить друг другу в Пурим. Эти атрибуты непосредственно связаны с участием детей в праздновании: чаще всего именно дети носили подарки и хументаши

родственникам и знакомым и стучали в трещотки в синагогах: «На Пурим, я помню, мама готовила обед, очень праздничный, на Пурим, я помню, были эти... ументашн, ументашн. <...> На Пурим шалахмунес разносили дети, обязательно. Дети носят сладенькое, эти подарки несут»[7]. Наши информанты как раз и были теми детьми, которым поручалось разносить подарки и угощения.

«А на праздник Пурим обменивались пирогами?» – «Да. Это было принято у евреев. Это делалось между евреями». – «А кого посылали?» – «Посылали своего мальчика, который уже ориентировался на улице, которого можно было отпустить. Он относил угощение в другой дом, и там ему давали ответное угощение. Христианина не посылали из одного еврейского дома в другой». – «А на Пурим дарили детям трещотки?» – «Да, конечно. Это называется по-еврейски “грагер”. В хеседе их дарят всем на Пурим. Старые были деревянные». – «И что с ними надо делать?» – «Когда произносится имя Амана, которого евреи восприняли как недруга, нужно заглушить это имя. У евреев есть такое проклятие: заглушить имя. Стучали даже ногами в пол, нужно поднять большой шум»[8].

В этом интервью интересно отметить несколько моментов. Во-первых, здесь проводится четкое разграничение между современным праздником – в хеседе всем дарят на Пурим пластмассовые грагеры – и более аутентичной старой традицией делать грагеры деревянными. Мы несколько раз записывали свидетельства о том, что грагеры специально покупали перед праздником Пурим, как и атрибуты для других праздников: флажки на Симхат Тору, открытки на Новый год и т. п. Любопытна в вышеприведенном фрагменте и интерпретация обычая стучать в грагер – таким образом евреи проклинаят Амана, заглушая его имя. Еще одна немаловажная деталь: посылали с подарками детей, которые «ориентировались на улице», то есть знали, где в городе еврейские дома. Наши информанты иногда говорят, что посылали подарки только евреям, а иногда вспоминают, что и русские, и украинцы участвовали в этом обычае: «“Мама пекла не только хументаш, мама специально купила такие корзиночки – на базаре продавались, такие с ручками, чтоб наложить туда все понемножку: и конфеты, и хументаш, и печенье, и все что вы хотите в эти корзиночки было, мама раздавала детям. Эти ушли, другие пришли, и мама много напекла, мама это любила. И соседские дети были”. – “Неевреи или евреи?” – “Неевреи, необязательно евреи. Были и евреи равно, не было разницы”»[9].

Некоторые наши собеседники объясняли, почему было принято печь хументаши треугольной формы. Традиционное объяснение гласит, что у Амана была шапка такой формы, как треуголка у Наполеона[10]. Но дважды встретилась нам не совсем стандартная мотивировка этого обычая: «“Эти хументашн такие вот треугольнички, с такими вот ушками”. – “А почему с ушками?” – “Делается, и мама рассказывала, эти ушки, потому что Аману натягивали уши, когда-то”. – “Натягивали?” – “Да. Поэтому делаются эти вот ушки”. – “А это в память о том, что произошло с Аманом, да?” – “Да-да”. – “А что там произошло?” – “Ну, я, я не могу вам уж это. Мама рассказывала”». Другой информант в том же Хотине сообщил нам, что на Пурим принято делать треугольные пирожки, «потому что ему ухо видрубалы»[11]. Вероятно, мы сталкиваемся здесь с некоторой локальной традицией; кроме того, такое объяснение было наиболее понятно детям и лучше всего запомнилось нашим собеседникам, притом что остальные детали праздника Пурим и библейской истории почти стерлись из их памяти.

Современная пуримская маска

Пуримшпили и пуримшпилеры

Еще одним ярким детским воспоминанием о праздновании Пурима стали описания маскарадных костюмов и театрализованных представлений, которые устраивались до войны в тех городах и местечках, откуда родом наши информанты. Вот как вспоминает праздник Пурим уроженец г. Хотина: «Ходили ряженые. Собирались несколько евреев, надевали маски, ходили по домам, устраивали мини-представление или концерт. Движущим стимулом было то, что им давали несколько копеек – это бедные люди собирались. Заходили, пели несколько песен: “Царица Эсфирь... Эстер... Эстер-а-малке, Умен-а-руше...” Это называли <...> пуримшпиль»[\[12\]](#). Обычно мы встречаем подробное описание именно тех масок и костюмов, в которые наряжались в детстве сами наши собеседники или их друзья: в служанку Эстер, у которой было шелковое платье и веер, чтобы обмахивать им царицу, в саму Эстер, в Амана, для чего разрисовывали картонную маску и приклеивали к ней бороду. Иногда в памяти наших собеседников сохраняются более подробные описания пуримских костюмов:

– Я помню. Я был очень маленький, еще помню один – один был, маска была одна, значит, одна маска была Моше-рабейну, когда принял Тору, носит тут все это [показывает на плечо], чтобы не убивать, чтобы не воровать, чтобы вот все эти 10 запретов, ну, фактически, не все 10 запретов, а все 10 заветов Б-жеские. Вот такое я видел. А потом видел маску – лошадь из картона, вел, один вел лошадь эту, а в середине лошади там два человека, значит. Вот да, такие дела были. Была бригада, которая ходила, танцевала из дома в дом. Они одевались разными одеждами: и молдаванскими, и австрийскими. Да, да, да. Вот такие дела – Пурим было [\[13\]](#).

Тексты, произносимые во время таких представлений, то есть собственно тексты еврейского народного театра, в памяти наших информантов, увы, не сохранились. Однако несколько фраз, которые исполняли дети при входе в дом во время посещения еврейских домов, требуя себе награды за то, что пришли, помнят многие. Эти фразы варьируются, но общий смысл их один: сегодня Пурим, завтра уже нет, дайте нам денег и гоните нас вон.

Такие театральные сценки и представления, устраиваемые на Пурим, назывались «пуримшпили» или, в местной традиции, «пиримшпили». Наряду с еврейским названием в воспоминаниях наших информантов иногда звучит и славянское: «ходили колядовать, пиримпилерс ходили»[\[14\]](#). Так же и в описании пуримских масок и костюмов видно сходство со славянским святочным ряженым: «Одевали маски. Рядились и в бабей, и в чертей, и што ты хочешь»[\[15\]](#). И действительно, обходный обряд, в котором участвуют ряженые, исполняют определенные тексты, а за это получают подарки и

угощения, типологически очень близок славянским святочным и другим обходным обрядам зимнего и весеннего циклов.

Обратимся теперь к славянским представлениям о Пуриме и посмотрим, как отразились в памяти славян довоенные еврейские обычаи и традиции, связанные с этим праздником.

Славяне о Пуриме

Названия Пурима в славянской традиции

Пурим воспринимался славянами как один из самых веселых еврейских праздников. По сообщению нашей еврейской информантки, ее соседи-украинцы говорили, что в Пурим «жиды дуреют», то есть напиваются и веселятся. Пурим в славянской традиции получил множество разнообразных наименований, которые соседи евреев помнят с детства: «Гамана», «Гаманово ухо», «Коляда».

Наиболее частотным названием Пурима у украинцев и русских, которые жили или живут по соседству с евреями, является «Гаман» («Аман», «Хаман»): «Праздновали Гамана почему-то. Гамана праздновали – так называлось»^[16]. Это название зафиксировано и в этнографической литературе XIX века: «Жид с холопом поперечили сї, у кого більше сьвет, у жидів, ци у русинів. <...> Почав жид рахувати: “У нас є Судний день, то раз! Трубки, то два! Кучки, то три! Гамана, то штири! Пейсах, то пять! Зелені сьвета, то шість”»^[17]. Кто такой Аман, равно как и саму историю возникновения праздника Пурим, украинские и русские информанты не знают: «То ось, то таке свято Хамана бул. Але хто це то я не знаю. Я не вчила»^[18]. В наших записях встретилось лишь одно интервью, где информант знал библейскую историю Пурима («Гамана»):

– Ну, если взять из Библии, то когда были в Вавилон переселены евреи, вот, когда Вавилон завоевал Иудею и Израиль, тогда вывезли их все, были... Туда, в Вавилон. Это нынешний Ирак. Ну и там они... вышла замуж было за этого – царь ихний – еврейка. Я там не помню – Юдифь или как? И этот Гаман там хотел, ну... уничтожить евреев, и там так получилось, что Гамана этого... ^[19]

Празднование Пурима. Польша. Начало 1950-х годов

Из этого рассказа видно, что единственный персонаж Книги Эстер, имя которого важно, – это Аман, остальные персонажи остаются анонимными, а некоторые вообще исчезают.

Иногда в славянской традиции Пурим называется не Гаманом, а «Гамановым ухом» («Амановым ухом»)[20]. Например, в стенограммах дела М. Бейлиса в показаниях свидетеля Гулько (неграмотного украинца, шорника) встречается название «Гамено-ухо»: «Председ.: Скажите, свидетель, “Гамено-ухо” и “Пурим” – это одно и то же? Свид.: Это то же самое»[21]. Здесь название пуримского обрядового блюда, хументашн, становится символом и названием праздника. Иногда это печенье называют «гамана», то есть праздник и главное обрядовое кушанье получают одно и то же название[22].

То, что соседи угощали друг друга и детей «ушами Амана», является одним из самых ярких воспоминаний о празднике Пурим:

– У ніх 11 березня, то у ніх називалосі Гамена, такія було свята. Вони пеклі такі пірожки, що мали мати три кутики, тудя давали капусту, повидло, сир, то називалосі гамен. <...> Як ми приходили на то свята Гамена, то за то нам давала два гамани [23].

Еще одно название, которое встретилось нам всего один раз, – Коляда: «Ну, Коляда была, Паска была <...> ну Коляду тако, якись гаманы»[24]. Видимо, здесь происходит перенос славянского названия на еврейский праздник по общему для Пурима и рождественских праздничных обрядов внешнему признаку – обрядовому ряжению. В этом видится своеобразный перевод элементов «чужой» культуры на язык «своей», с тем чтобы сделать их понятными и доступными[25].

Фигура Амана в восприятии славян

В восприятии славян фигура Амана оказывается центральной в празднике Пурим, вероятно, потому, что Аман – обязательный персонаж пуримского обрядового ряженья и пуримских спектаклей – пуримшпилей.

Наши информанты, как правило, говорят не о спектаклях, а лишь о том, что на этот праздник переодевались. В маскарде активно участвовали не только евреи, но и славянская молодежь, за исключением девушек:

«Знаете, на таких гаманів перебиралися, малювались, наши хлопцы, диты на гаманів се перебирали тай йишли, тыи йим гроши давали, за то, шо вони гаманы були». – «Хлопцы украинськи були гаманами?» – «И жидивськи». – «Что делали ряженые гаманы?» – «Гуляли, видкривлялися, скакалы, танцювалы». – «Им что-то за это давали?» – «Давали, давали». – «Они по домам ходили?» – «По подвиру так. Кто котрись пусков до хаты, але переважно не пускали – приде на сходки, чи на коридорчику. Я не знаю, бо я дивчина, я то не видела». – «Рядились в гаманов только мальчики?» – «Але видела, шо ходыли, бигали наши пацаны. И казали: “Гаманы тишы”». – «А до еврэив ходыли чи до укариньцив?» – «Не, до еврэив. Це йихне свято, то до йих идуть» [26].

Примечательно, что всех ряженных называли «гаманами».

В дореволюционных этнографических записях остались сообщения о том, что евреи нанимали своих иноэтничных соседей, чтобы те играли роль Амана, которого водили по местечку и били[27]. Исследователи XIX века приводят выражение, которое

существовало у жителей Галиции: «битый як жидивский Гаман»; так могли говорить про любого побитого человека[28]. В современных записях встречается то же выражение с тем же значением, только кто такой «Гаман», наши галицийские информанты, родившиеся после войны, уже не знают:

– Да, побитый Гаман, да. Це как раз е, что злодий. В сели злодий був, злодий. Не судили, а сразу били. Кто знал, в сели ни хто ничего не закрывалось, було, один – два злодия на целое село. И все знали, что це злодий, что це може зайти, може так, так. Ни який щеклодки не було, просто прикрыли, шо нема никого цих. И кого там, я не знаю, што Гамана словили, што был злодий, ходив, шо це стало якость как на, на, наречие [29].

Для информантов этого поколения, которые совсем не жили или мало жили рядом с евреями, слово «Аман» имеет одно устойчивое значение: «дурак», «идиот», «дебил».

Пурим в аграрном календаре

Пурим оказывается важен для славянской традиции еще и потому, что он совпадает со сменой времен года, переходом от зимы к весне, важным для славянской земледельческой культуры (так же и другой еврейский праздник Суккот [Кучки] совпадает с переходом от лета к осени). На схожесть восприятия этих переходных периодов указывает то, что в некоторых регионах (например, в Балте, Хотине, Крыму) начало весны называется «еврейскими кучками»: «“Кучки – это когда у нас Паска начинается, перед Паской. Это еврейские кучки”. – “Это еврейская Пасха?” – “Это до еврейской Пасхи, там дует, дует, метет это всех <...> это целая неделя, там есть у них Гаман, и эта Евдоха у нас называется”»[30].

В нескольких местечках Подолии нам удалось записать такое выражение, которое знают и славяне, и евреи: «Гаман с Евдохой крутят погоду». Все наши информанты говорят о том, что речь идет о смене сезонов, о непогоде, которая бывает в конце зимы – начале весны: «Амен с Евдохой гуляют. Сперва она начинает гулять отдельно, потом он, потом они вдвоем встречаются и вдвоем гуляют. Потом начинается, вот видите, вроде погода хорошая, потом начинает крутить: снег, дождь»[31]. Евдоха – это персонификация праздника св. Евдокии, а Гаман – праздника Пурим. Персонификация праздничных дней вообще характерна для славянской календарной мифологии.

Наши украинские информанты видят в Евдохе олицетворение весны и теплой погоды, а в Гамане – зимы и холода. То есть здесь прослеживается негативная оценка иноэтничного персонажа:

– Гаман с Евдохой борются, кто кого переборе. Ше Евдоха, а ше Амен, ше еще будэ холодно <...> Ну, они близко, близко между собой. И, мол, когда Евдоха хочет уже шо тепло, а Гамен не дае, шо еще метель, шо еще метель была. Это в марте месяце, в начале марта Евдоха. Это уже сопоставляют, Гаман будэ, шо уже снig, да [32].

* * *

Таким образом, для детской памяти – и евреев, и славян – центральными элементами праздника Пурим оказываются его внешние атрибуты: сладкое угощение и ряженье. При всех отличиях – евреи так или иначе помнят библейскую историю праздника, славяне интегрируют его в свой аграрный календарь – детские воспоминания о Пуриме у соседей во многом сходны. Анализ одного праздника в восприятии двух традиционных культур позволяет нам увидеть особенности локальных традиций, а также результат взаимовлияния культур – формирование некоей единой традиции, которая, несмотря на сохранение дихотомии «свой–чужой», важна для жителей одного региона независимо от их этноконфессиональной принадлежности.

[1] Экспедиции проводились в 2004–2009 годах межфакультетским центром «Петербургская иудаика» Европейского университета в Петербурге, центром «Сэфер» и Центром библеистики и иудаики РГГУ.

[2] Архив центра «Петербургская иудаика», зап. в г. Могилев-Подольский, Винницкая обл., от Рикельман Эти Наумовны, 1930 г. р. Пер. с идиша А. Полян.

[3] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Черновцы от Альтикес Раисы Шаевны, 1922 г. р.

[4] Там же.

[5] Там же. Зап. в г. Черновцы от Вайнштейна Велвла Буюмовича, 1926 г. р.

[6] Там же. Зап. в г. Тульчине от Колоденкер Песи Шаевны, 1927 г. р.

[7] Там же. Зап. в г. Черновцы от Кац Клары Моисеевны, 1935 г. р.

[8] Там же. Зап. в г. Черновцы от Гурфинкеля Лазаря Михайловича, 1924 г. р.

[9] Там же. Зап. в г. Черновцы от Гиммельбрандт Ривы Фридриховны, 1932 г. р.

[10] Подробнее об этом сюжете см.: Дымшиц В. Ухоеды: Пуримские заметки // Booknik.ru: Еврейские тексты и темы. 3.03.2009 (<http://booknik.ru/colonnade/kulinar/?id=28690>).

[11] Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ, зап. в г. Хотин от Вайсман Фани Лейбовны, 1931 г. р., и Медника Хаима Ициковича, 1930 г. р.

[12] Там же. Зап. в г. Черновцы от Гурфинкеля Лазаря Михайловича, 1924 г. р.

[13] Там же. Зап. в г. Новоселица от Крупника Абрама Янкелевича, 1918 г. р.

[14] Там же. Зап. в г. Черновцы от Штернберг Розы Овшиевны, 1925 г. р.

[15] Там же.

[16] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina», The Leonid Nevzlin Research Center for Russian and East European Jewry, Hebrew University of Jerusalem. Зап. в г. Надворно от Владимира, 1927 г. р.

[17] Гнатюк В. Галицько-руські анекдоти // Етнографічний Збірник. Львів, 1899. Т. 6. С. 204.

[18] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina». Зап. в г. Надворно от Стефании Степановны Вольнской, 1923 г. р.

[19] Там же. Зап. в Надворно от Владимира, 1927 г. р.

[20] Белова О., Петрухин В. «Еврейский миф» в славянской культуре. М.–Иерусалим, 2008. С.

[21] Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. С. 239–240. Большое спасибо за указание на этот факт В. Левину.

[22] Ср. в этой связи славянское название праздника – Пасха и название главного пасхального обрядового блюда – пасха.

[23] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina». Зап. в г. Богородчаны от Галины Михайловны Клебан, 1928 г. р.

[24] Там же. Зап. в п. Солотвин от Семанюк Натальи Васильевны, 1923 г. р.

[25] Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 125.

[26] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina». Зап. в г. Надворно от Свидрук (Жигун) Евгении Петровны, 1925 г. р.

[27] См., напр., Белова О., Петрухин В. Указ. соч. С. 345–346.

[28] Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядковав і пояснив І. Франко. Львів, 1910. С. 312.

[29] Archives of the project «Jewish History in Galicia and Bukovina». Зап. в г. Надворно от Василя Степановича, 1955 г. р.

[30] Архив межфакультетского центра «Петербургская иудаика», ЕУСПб. Зап. в г. Балта от Татьяны Силовны, 1939 г. р.

[31] Там же. Зап. в г. Балта от Ривы Зеликовны Пивник, 1918 г. р.

[32] Там же. Зап. в г. Балта от Анны Константиновны Дармороз, 1927 г. р.

ПРОШЛОЕ КАК ПРОБЛЕМА В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТИШ ГЕЙМЛАНД»

פאָרשונג און אַרבעט

«Советиш геймланд» («Советская родина»), орган Союза писателей СССР, издавался в Москве с 1961 по 1991 год и был единственным журналом на идише в Советском Союзе после 1948 года. В «Обращении к читателю» в 1-м номере «Советиш геймланд» главный редактор Арон Вергелис выражал надежду на то, что читатель «почувствует дыхание нового времени, примет весть о литературной жизни»^[1]. Надежда на новую еврейскую литературную жизнь возникла на руинах старой еврейской жизни и культуры. Данная статья рассматривает вопрос о том, как относились авторы и редакторы «Советиш геймланд» именно к этим руинам, как они относились к проблеме прошлого. Статья включает в себя три момента: модель прошлого в публицистических статьях «Советиш геймланд» в послевоенном контексте, модель прошлого в рамках теории травмы и модель прошлого в творчестве Ицика Кипниса.

В послевоенный период, в 1960 годы, современность стала важной художественной ценностью. В своей статье «К новым идишским художественным вершинам» («Цу найе идиш-кинцлерише гейхн») Мойше Нотович цитирует речь Хрущева 1959 года о новой задаче советского писателя, который должен «показать борьбу между старым и новым и непреклонную победу нового»^[2]. Нотович укоряет советских идишских писателей, которые недостаточно занимаются «современностью» (гайтцайтикайт). Слово «победа» играет тут важную роль. Когда речь идет о прошлом, о войне, обязательно должно быть слово «победа»: не только в смысле победы советских войск над фашистами, но и в смысле победы советского образа жизни над старым образом жизни в еврейских штетлах, и более того, победы веры в будущее, победы счастья над тоской, депрессией, тревогой. Нотович восхваляет писателя Иосифа Рабина, который описывает «проблемы людей, страдавших под фашистским гнетом», и кроме того, показывает, как эти люди «облегчают душу счастливым строительством» новой жизни^[3].

Еще одна цитата из Нотовича ярко характеризует модель прошлого в «Советиш геймланд». Нотович использует образ приближающегося поезда: «Упоминания о прошлых годах, мчавших мимо, как поезда, которые не уходят, но приближаются все ближе к нашей современности, показывают, как геройство вызывает геройство»[\[4\]](#).

Поезд как образ прошлого неожидан. Во многих произведениях 20-х–30-х годов поезд символизирует будущее, движение вперед, прогресс, а здесь – прошлое. Образ прошлого и образ будущего отражают друг друга: «геройство вызывает геройство».

Язык и стиль Нотовича, его система понятий – типичны для послевоенного периода. Когда мы смотрим назад, мы видим путь к счастливому настоящему и будущему. В своей работе «Культура два» Владимир Паперный рассматривает историю советской культуры в рамках двух пересекающихся моделей. Культура 1 «устремлена в будущее» и «сжигает за собой свой путь; для другой [культуры 2] – будущее превращается в вечность, а взгляд оборачивается в прошлое»[\[5\]](#). Прошлое в этой системе является «лишь путем к завершению истории»[\[6\]](#).

Взаимодействие «культуры 1» и «культуры 2» можно отметить в речах Хрущева в 1959 и 1963 годах. В 1959-м Хрущев говорит, что «писатели – это своего рода артиллеристы. Они расчищают путь для нашего движения вперед». В 1963-м Хрущев описывает «памятник Победы над фашизмом, который будет сооружен в Москве по проекту тов. Вучетича». Монументальная скульптура Вучетича (например, памятник советским воинам в Берлине), как известно, производит впечатление сверхчеловеческой мощи; в ней отсутствуют намеки на человеческое переживание. Памятник «Победы» снимает память о прошлом.

Можно считать, что такое понятие прошлого, постановленного на службу будущему, в послевоенный период не просто функционирует в идеологической системе Советского Союза, но и является симптомом травмы[\[7\]](#).

Художественное произведение, которое изображает прошлое, но не позволяет зрителю понимать то, что случилось, ради счастливого и светлого будущего, принадлежит к особенной категории повествования. В статье «История по ту сторону принципа наслаждения» Эрик Сантнер описывает свою модель нарративного фетишизма:

Под нарративным фетишизмом я понимаю конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная цель которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу. [...] Нарративный фетишизм освобождает человека от необходимости переосмыслить свою идентичность в посттравматических условиях[\[8\]](#).

Повествование само по себе конструирует «счастливый конец,» а happy ending. Понятие «нарративного фетишизма» проливает свет на фундаментальный прием Нотовича. Уничтожение евреев во время войны не должно оставить следов в жизни выживших. Возвращение к прошлому должно показать положительную картину настоящего.

Статья Нотовича дает примеры новой положительной послевоенной еврейской литературы, в которой прием «нарративного фетишизма» довольно ясно выражен. Нотович выделяет рассказ Тевье Гена «В родном городе» («Ин дер геймштот»). Ген родился в Литве в 1912 году и начал печататься в 1930-м; его произведения были переведены на русский язык. В рассказе «В родном городе» бывший часовщик Боксерман возвращается из лагеря смерти в родной город, но кроме слов «страдание, беда и смерть» (цорес, умглик, тойт) ничего не говорит. После того как соседка рождает сына, бывший часовщик изменяется. Герой как будто «вставил в свои старые, поношенные часы новый циферблат, и таким образом весь механизм заработал легче и лучше»^[9].

Здесь мы видим образ человека как механического устройства и более того – устройства, старые, ненужные части которого можно и даже полезно выбрасывать. Память о своих страданиях и утратах, о своей жизни до войны этому бывшему часовщику больше не нужна, и он начинает снова, с новым циферблатом. Новый циферблат не показывает прошлое.

На самом деле, рассказ Гена более интересен, чем Нотович дает нам понять. История часовщика – лишь один из его эпизодов. Рассказ написан в форме дневника. Дневник, как правило, показывает текущую жизнь его автора и таким образом подчеркивает «современность». Но рассказчик у Гена использует дневник, чтобы показать прошлое. Главный герой рассказа, инженер, работающий в научном институте в Москве, едет в командировку в родной город Азовск, чтобы там заниматься механизацией сталелитейного завода. Там, в родном городе, в сентябре 1941 года, фашисты убили его жену и дочь, и он не может не думать о них, и на протяжении всего рассказа его преследует мысль, что дочь, быть может, не лежит в братской могиле, а еще жива. Он пристально смотрит в глаза каждой молодой женщине, которая ему встречается, спрашивая себя: может быть, это она? Образ прошлого принимает форму этой навязчивой идеи. В самом конце рассказа повествователь понимает, что дочь действительно умерла, и начинает надеяться на новую, хорошую жизнь, которая должна прийти вместе с новым заводом в родном городе.

Чтение таких статей и рассказов, как тексты Нотовича и Вергелиса, в контексте послевоенного дискурса создает одно общее впечатление. Есть, однако, другое, более сложное представление о прошлом: прошлое, поставленное не на службу будущему, а на службу самому себе; прошлое, не подогнанное под требования победы, а прошлое как «иностранный язык», иностранный язык, который нелегко поддается переводу.

Такую усложненную картину прошлого можно найти в журнале «Советиш геймланд» в творчестве Ицика Кипниса, хотя и не в каждом его произведении. Хочу обратить внимание на один интересный пример – его произведение «Из моих дневников» («Фун майне тогбихер», 1965). Сразу оговорим, что Кипнис, как и Ген, использует форму дневника для изображения не только настоящего, но и прошлого. Кипнис (родился в местечке Словечно в 1896 году и умер в Киеве в 1974-м) был известным идишским прозаиком; среди его произведений следует отметить роман «Хадошим ун тег» («Месяцы и дни», 1926), посвященный истории штетла во время гражданской войны, а также «Унтервегнз» («В пути»), который описывает уход героя из штетла с удивительным эротическим оттенком. Его очерк «Он хохмес, он хешбойнес» («Без хитростей, без подсчетов») привел к обвинению автора в «национализме»; его арестовали в 1949 году, и с 1950-го до 1956-го он находился в ГУЛаге^[10].

В жанровом отношении «Из моих дневников» находится между художественной литературой и документальной прозой. В самом начале автор сообщает читателям, что его первая жена и ребенок от этой жены умерли во время гражданской войны. Такое сообщение обычно не встречается в дневниках. О смерти второй жены он не говорит. «Дневники» Кипниса в «Советиш геймланд» рассказывают главным образом о годах войны, об эвакуации с женой и детьми в Саратов и о возвращении в 1944 году в Киев. Автор рассказывает о смерти своего отца и других близких родственников и повторяет несколько раз краткое описание уничтожения родного местечка Словечно: «Мой родной город сгорал уже несколько раз, но теперь его вполне стерли с земли»^[11]. И еще раз: «Женный. Пустой. Стерт с земли. Везде высокий бурьян. Куда делась улица, которая недавно здесь была? Куда делись жизни, которые недавно здесь были?»^[12].

И. Кипнис

Отметим, что слово и понятие «победа» совершенно отсутствуют в описании предпоследнего года войны и возвращения домой. Утраты войны остаются утратами, а не превращаются в надежду и уверенность в будущем. Автор возвращается агейм («домой»), в свою квартиру в Киеве, в свой дом и в свой родной город, но по сути, он не может вернуться, потому что его настоящий дом, штетл Словечно, больше не существует. Советский Союз, как он говорит, дал ему возможность стать писателем, но Советский Союз, зайн ланд, «своя страна», где он провел всю свою жизнь, не является его родиной.

Надо более подробно объяснить, куда и как Кипнис возвращается в конце текста, чтобы понять его модель прошлого. С одной стороны, он приходит домой, в старую квартиру, но с другой стороны, более внимательное чтение показывает, что место, или пространство, куда он приходит, существует на совсем другом, нереальном уровне. Начнем с его пути домой:

Вот как было: в Киеве несколько дней судили немецких военных преступников. На площади Калинина построили нужное число виселиц. [...] Я туда не пошел, но в тот момент, когда там сделали свое дело, я шел с Шулявки [\[13\]](#).

Кипнис дальше говорит, что именно в тот момент когда немецких преступников повесили, он почувствовал радость: «Во мне что-то запело, заплясало». Это не радость от предвкушения светлого будущего, а страшная радость мщения, радость, которая смотрит назад, в прошлое.

Когда наказали немецких военных преступников, Кипнис шел и нес на плечах тяжелые доски, из которых он собирался построить себе новые книжные полки. Книжный шкаф для Кипниса – это не просто деревянные полки. В начале текста Кипнис описывает свой шкаф следующим образом: «Как это случилось, что все книжные шкафы со всеми их полками – как будто целиком из почетных сидений у восточных стен» [\[14\]](#).

Освобожденный Киев. Крещатик. 1944 год

Книжный шкаф у Кипниса более похож на синагогу, где места вдоль «восточной стены» являются почетными местами. Среди авторов, чьи книги стоят в его книжном шкафу, включая Оскара Уайльда, Есенина и Бялика, Кипнис выделяет особое место для своих современников Мани Лейба, Мойше Лейба, Дер Нистера и Переца Маркиша: «От каждого лица светит на меня шхина». Шхина – это присутствие Б-га в мире; она также понимается как женская ипостась Б-га, а помимо того, включает в себя понятие суда. Вспомним, что в конце текста Кипниса – описание того, как судили и казнили немцев в Киеве. Книжный шкаф у Кипниса оказывается совсем особенным строением.

В самом конце повествования Кипнис возвращается к мотиву книжного шкафа. Он говорит самому себе:

Реб Ицик-Айзик, сын Нохема-Арье-Лейба, иди и сделай честь своим книгам. Книги – это свет. [...] На полках, которые я приношу для них, мои книги выстроятся в правильном порядке. Был порядок, но нелюди разрушили и уничтожили его. Теперь ты опять дома со своим маленьким царством и строишь все заново, так вытри свои слезы, найди для себя утешение и чти жизнь. Так надо... [15](#)

Называя себя сыном Нохема-Арье-Лейба, Кипнис оказывает почтение своему отцу, убитому немцами. Отметим три мотива в этом последнем фрагменте: свет (лихт), честь (ковед) и строительство (бойст фунзнай алц). Вспомним вышеназванный мотив суда («в Киеве несколько дней судили немецких военных преступников»). Все эти мотивы показывают нам, что именно Кипнис строит у себя: его новый книжный шкаф является в своем роде мишканом, жилищем Б-га, или, скорее, жилищем божественного присутствия, шхины. Вспомним, что раньше Кипнис говорит: «От каждого лица [авторов, книги которых стоят в шкафу] светит на меня шхина». Радость, которую Кипнис ощущает, когда приближается к дому («во мне что-то запело, заплясало»), очевидно, не является радостью послевоенного социалистического строительства. Его новый книжный шкаф, его новый мишкан принадлежит к новому еврейскому изгнанию, или, более точно, к новому еврейскому исходу из Египта (мишкан строили до изгнания, до разрушения Храма, когда евреи, вышедшие из Египта, ходили по пустыне). В 1965 году, в 20-летнюю годовщину

победы, Кипнис ни слова не говорит о победе. Он возвращается, но не в радостную советскую жизнь, а в древнюю еврейскую историю. Его подход к текущей истории не принадлежит ни к «культуре 1», ни к «культуре 2», а демонстрирует традиционное еврейское представление о настоящем как повторении событий библейской истории. Прошлое не является путем к завершению истории, как в советской «культуре 2»; прошлое нельзя выбросить, как у героя Гена, который приобретает себе новый циферблат. Кипнис оценивает прошлое превыше всего: «иди и сделай честь твоим книгам» означает «чти прошлое, чти еврейскую историю, чти руины еврейской жизни».

[1] Вергелис А. Тайерер лейнер! // Советиш геймланд. 1961. № 1. С. 4. См. тж.: «Советиш геймланд» // Электронная еврейская энциклопедия (<http://www.eleven.co.il/article/13876>).

[2] Нотович М. Цу найе идиш-кинцлерише гейхн // Советиш геймланд. 1961. № 2. С. 109.

[3] Там же. С. 112.

[4] Там же. С. 112.

[5] Паперный В. Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 59.

[6] Там же. С. 50.

[7] Бартов О. Травма и отсутствие после 1914 года. Я признательна Сергею Ушакину, который разрешил мне сослаться на его перевод работы Бартова: Trauma and Absence Since 1914: Part I // The Soldier's Experience of War. Ed. P. Addison and A. Calder. London, 1997.

[8] Я признательна Сергею Ушакину, который разрешил мне сослаться на его перевод этой работы: Santner E. History Beyond the Pleasure Principle: Some Thoughts on the Representation of Trauma // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution". Ed. S. Friedlander. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 143–154.

[9] Ген Т. Ин дер геймштот // Советиш геймланд. 1961. № 1. С. 40.

[10] См.: Altshuler M. Itsik Kipnis: The 'White Crow' of Soviet Yiddish Literature // Jews in Russia and Eastern Europe. Vol. 52. 2004. P. 68–167; Krutikov M. Rediscovering the Shtetl as a New Reality // The Shtetl: New Evaluations. Ed. Steven Katz. New York: New York University Press, 2007. P. 211–232.

[11] Кипнис И. Фун майне тогбихер // Советиш геймланд. 1965. № 1. С. 108.

[12] Там же. С. 116.

[13] Там же. С. 117.

[14] Там же. С. 75.

[15] Там же. С. 117. Мотив книжного шкафа также является ключевым в «Шуме времени» Осипа Мандельштама и в статье Вальтера Бенямина «Я распаковываю свою библиотеку».

ДАЛЬШЕ – НИЦШЕ

Àðéààéé Èíàáéüü àí

*Áí ò èì àò àò èç è: àíéíá í èðíí çáðòáí èá-
ää, íí àðò èíò è: àíéíá*

Ф. Ницше. «Воля к власти»

Хотите знать, что был «мир» для Фридриха Ницше? Вот этот мир: «Исполни силы, без начала и конца, прочная, литая громада силы, которая не становится ни больше, ни меньше, которая не расходуется, не тратится, только превращается, оставаясь как целое величиной неизменной... Дионисийский мир вечного самосотворения, вечного саморазрушения...» Этого «мира» Ницше нет в природе, он всего лишь миф, он никогда не существовал и не будет существовать. Этот «мир» Ницше украл у Платона из диалога «Тимей». Украд же, обвинил Платона в «испорченности потусторонности». Ведь Платон имел наглость считать, что кроме мира становления и превращения есть еще и потусторонний недвижимый мир, мир сущего, мир идей. Главная функция мира идей – служить богу-творцу образцом, шаблоном при творении мира становления и превращения. Бога-творца Платон назвал Ремесленником (Демиургом). Демиург творит материальный мир (мир становления), глядя на недвижимый первообраз, постигаемый разумом.

Александрийский еврей Филон в первом веке христианской эры истолковал Платона через библейский рассказ о творении. Сначала Б-г творит нечто, не имеющее видимого образа, идеальное. Потому и сказано: «Земля же была пуста и безвидна». По образцу мира идеального Б-г возводит материальный и видимый мир. Так архитектор, глядя в чертежи на воцеленных табличках, строит город с дворцами, гаванями и рынками. Вслед за Филоном рабби Ошайя Раба в третьем столетии учил: «Царь земной, если строит дворец, не сам строит его, но зовет ремесленника, а ремесленник тоже не сам строит, но заглядывает в свитки и воцеленные таблички и так узнает, как возвести комнаты, как устроить двери. Так и Святой, благословен Он, смотрел в Тору и творил мир» (Берешит раба, 1:1). Откуда рабби Ошайя узнал толкование Филона? Он жил в Кесарии Приморской (столице римской провинции Палестина) и общался там с отцом церкви Оригеном, который Филона читал и цитировал. От Оригена же пошла традиция к христианским богословам и европейским философам.

Эту традицию Ницше отверг. Время ее отвергло. В XIX столетии небеса рухнули на землю, не стало опоры для морали и ценностей. Нигилизм захлестнул все. И тогда Ницше предложил выход. Если «всеобщее счастье» и «справедливость» – только лицемерный обман евреев и христиан, если нет «потустороннего мира», а «Б-г умер», то ценность осталась лишь одна – самая жизнь в пакете с болью и тоской. Нет ничего «по ту сторону бытия»: ни блага, ни Б-га, ни ангелов. Лишь этот мир существует. «Хотите знать имя этому миру?» – спрашивает философ. И отвечает: «Этот мир есть воля к могуществу и ничего, кроме этого». Если же кого-то тошнит и от воли, и от могущества, если муть подступает к горлу, так ведь Ницше и не обещал «счастья», он презирал «удовольствие». Единственная ценность для него – умножение жизни, изобилие жизни, пусть ценой боли (тем лучше!). Ведь все, что нужно, это (по слову Пастернака)

...áúòüæèâî, æèâî è òíëüéí,

Æèâî è òíëüéí âí éííòà

Воля к могуществу разлита повсюду. Сильный атом притягивает, старается поглотить. Слабый атом отталкивает, сопротивляется поглощению. Протоплазма простирает свои псевдоподии и ощупывает ими все вокруг себя. Здесь нет «закона», говорит Ницше, а есть лишь степень сопротивления и превосходства мощи. Закона нет: каждая власть в каждый данный момент развивается до последних своих пределов.

Поймаем Ницше за руку в карточной игре. Он лукаво играет словами. Ведь в науке понятие закона (физического или химического) – метафора, взятая из мира людей. А в мире атомов или камней нет власти, нет приказывающих и нет повинующихся. Ницше же возвращает метафору в симпатическую магию, где все созвучно всему, все борьба за власть и нет власти на небесах. Потому он и борется со стоиками, с их теорией «естественного закона», которому и камни, и люди послушны.

В Александрии просвещенные евреи «естественный закон» уравнивали с Торой. Почему Тора позволяет к пище животных, отрыгивающих жвачку? Потому что жизнь есть питание, правильная работа желудка. Воспоминание о питании есть «отрыгивание жвачки», образ памяти. Мы должны помнить, Кто наладил пищеварение, Кто связал члены сухожилиями, оснастил мысль для полета. «Ибо Ты создал почки мои, соткал меня в чреве матери моей. Славлю Тебя, ведь удивительно и чудесно я устроен, чудесны дела Твои...» – гласит Псалом (139:13-14). Должны помнить об этом, когда ложимся и когда встаем, ибо переход от сна к бодрствованию – чудо, творимое Г-сподом. И навязать бахрому на одежды свои, и твердить детям своим, и написать на косяках дома своего, и начертать между глазами своими. А раздваивание копыт – символ различения дурного и прекрасного, потому Закон позволяет к пище животных с раздвоенными копытами. Так сказано в «Послании Аристеея Филократу», александрийском романе, созданном в пору натиска и блеска, когда евреи сражались на стороне Клеопатры II в ее сваре с Птолемеем VII.

Ницше против стоиков и Платона, миф против мифа. Протоплазма, обуреваемая волей к власти, мифичнее Демиурга со всеми его затеями. Поэзия против поэзии. Жизнь.

Êàé ôñîí è ò àéüí à æèçí üí!

Êàé î ò èðíááí üý ááññí í ú!

Î í æí í èü ò îñéó ðàçí íçæè òü

Î á í ñò íáíá éáññí ú?

Так у Пастернака в книге «Сестра моя – жизнь».

Сказано в Псалме (1:1): «Счастлив человек, который по совету злодеев не поступает, и на путь грешников не встает, и на заседании насмешников не сидит». Стилисты поднимут меня на смех: что за «заседание» такое? что за насмешка над классикой? Ведь есть перевод архаически-почтенный: «собрание». Увы, перевожу что

написано. Три телесные позиции перечислены в Псалме: хождение, стояние и сидение. Ходить (поступать, ступать) по совету злодеев, вставать на путь грешников, сидеть на заседании насмешников. Третья позиция усилена удвоением корней: счастлив тот, кто «не сидит на заседании» (бе-мошав ло йашав). А вовсе не «собирается на собрание». Септуагинта переводит заседание (мошав) – кафедра, или «кафедра». По-гречески здесь также звучит удвоение: эпи катедран... экатисен.

Тот, кого в еврейской традиции называют Йешу-назаретянин, говорил ученикам: «На Моисеевом сиденье сели книжники и фарисеи». До нас не дошел арамейский текст Евангелия, а по-гречески написано: эпи катедрас... екатисан. Здесь удвоено, как в Псалме: сели на сиденье – на кафедре. Что за сиденье такое, что за низкий стиль? Кафедра – кресло профессора, философа. Ученики окружают кресло, глотают пыль от ног учителя, пьют мудрость из его уст. Кресло профессора и его должность оплачены меценатами. Так Марк Аврелий учредил в Афинах четыре кафедры по числу главных философских школ: академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы. Моисеева кафедра – кресло Моше-рабейну, сиденье Моисея, учителя нашего.

«На заседании насмешников не сидит». А кто же эти «насмешники»? «Насмешники» – те, кто «насмехается над словами мудрецов». Кого из исторических лиц обвинял в насмешках над мудрецами Талмуд, я не буду здесь говорить. Упомяну лишь Брурию, ученую женщину. Она была женой рабби Меира и дочерью сожженного римлянами рабби Ханины бен Традиона. Раши писал о ней: «Как-то раз насмежалась Брурия над словами мудрецов: “Все женщины легкомысленны”. Сказал ей рабби Меир: “Жизнью твоей клянусь – ты сама послужишь этим словам подтверждением”. И велел ученику испытать, устоит ли она против прелюбодеяния. Много дней тот уговаривал Брурию, куда она не согласилась. А рабби Меир бежал в Вавилон от стыда и тоски». Великому мудрецу не привыкать было бежать: то от римлян, то от слуг Иуды Князя, то от тоски и стыда.

Ф. Ницше

Отец же всех насмешников и критиканов – Корах (Корей), который издевался в пустыне над Моше и Аароном, обвиняя их в лицемерии. Собрал он все общество и рассказал анекдот о бедной вдове. Моше и Аарон сначала заморочили ей голову заповедями («на упряжке из осла и быка не паши», «смесью семян не сей...»), а потом и обобрали. Так в Мидраш раба на Песнь песней. Кораха и друзей его, Датана и Авирама, живьем поглотила земля.

Таковы эти насмешники и таковы их истории. Вот что пишет о них Фридрих Ницше в книге «Воля к власти»: «Забыл сказать, что философы эти необычайно веселы и любят восседать в проеме пропасти совершенно безоблачного неба – им надобны иные средства, чем всем прочим людям, чтобы выносить жизнь...» И что еще удивительнее, философ хотел бы «проводить жизнь среди нежных и абсурдных вещей; вчуже от реальности; полухудожником, полуптицей и метафизиком; без “да” и “нет” по отношению к реальности, за исключением разве что тех мигнов, когда, подобно хорошему танцору, снисходишь до нее и легким касанием мыска признаешь...». Этот мир превращения, «исполин силы без начала и конца», он все же недостойн того, чтобы ступать на него всей стопой, чтобы признавать его вполне. «Антиметафизическое мирозерцание – да, но артистическое».

Осталось только понять, почему Пастернак назвал свою книгу «Сестра моя – жизнь», почему странный, почти ницшеанский троп жизни мелькает у него непрерывно. Не потому ли, что сказано в Песни песней (4:9): «Пленила ты меня, сестра моя, невеста, пленила ты меня одним из глаз твоих, одним ожерельем на шее твоей»? И ответ на это (8:1): «О, если бы ты был мне брат, сосавший грудь матери моей, встретила бы я тебя на

улице, целовала бы тебя, и не срамили бы». Пушкин же перевел Песнь песней легким танцующим стихом:

Áaðò íãðä ä í áé ññò ðü,

Áaðò íãðää óäèí áí í úé;

× èñò úé èëþ÷ ó í áé ññò ðü

Í á ááæ èò çäí á÷ àò èáí í úé...

«СКРИПАЧ НА КРЫШЕ» В КРЕМЛЕ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

В декабре 2009 года в седьмой раз была вручена премия Федерации еврейских общин России «Человек года – 5769». Церемония прошла в Государственном Кремлевском дворце на следующий день после того, как завершился праздник Ханука. Лауреатами премии ФЕОР «Человек года – 5769» стали: в номинациях «Журналистика» – Матвей Ганапольский, «Издательская деятельность» – раввин Александр Фейгин, «Телевидение» – генеральный директор компании «АБ-ТВ» Яков Каллер, «Общинная жизнь» – председатель иркутской еврейской общины Игорь Мельцер, «Государственный деятель» – начальник УФСИН Архангельской области генерал-майор Александр Протопопов, «Общественная активность» – правозащитник Борис Альтшуллер, «Меценат» – предприниматель Михаил Мирилашвили, «Культурное событие года» – Дмитрий Крымов, «Кинематограф» – Джордж МакКей, «Мужество» – бывший партизан Арон Бельский, «Человек-легенда» – глава агентства «Сохнут» Натан Щаранский. Каждый лауреат, помимо денежной премии, по традиции получил статуэтку «Скрипач на крыше», которая, как определил Борух Горин, «символизирует собой то, что каждый из нас, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, должен оставаться “скрипачом духа” и продолжать играть на своей скрипке».

Ведущие церемонии Иван и Андрей Ургант

Взгляд из прошлого

Глядя на «Скрипача», утвердившегося на сцене Кремлевского дворца, вспомнила о «Скрипаче на крыше», оставшемся дома, прижившемся, с уже нестираемыми пылинками в складках жилетки...

Этот живой, не устающий играть скрипач с лукавой улыбкой мудреца – замечательная работа скульптора Франка Мейслера – нашел у меня дома уютное и вместе с тем заметное местечко и неизменно обращает на себя внимание каждого заходящего в гости. Про него спрашивают: «Кто он?», как будто желая узнать подробности биографии или откуда он приехал. Живой скрипач. И у многих возникает желание прикоснуться к нему – «потрепать по плечу», рассмотреть скрипку. Оказавшись в руках, он вызывает дополнительное уважение – несколькими килограммами благородного сплава.

Это было в далеком 5762-м. Хотя, ежедневно вращаясь в деловых, новостных, информационных 2000-х, произнося «5762-й...», чувствуешь себя человеком из будущего или из какого-то фантастического фильма... Впрочем, это наша реальность – жизнь в двух измерениях с разницей всего в какие-нибудь три тысячи лет.

Итак, премия появилась в 2002 (5762) году, а в июне 2003-го в номинации «Журналистика» ее получила я, так у меня и поселился «Скрипач». (С конца 1990-х годов я работала корреспондентом «Коммерсанта», в те же годы началась активная деятельность ФЕОР, что нашло отражение в моих статьях, а это, в свою очередь, спустя несколько лет нашло отражение в премии.)

В 5763 году премия вручалась в новом концертном зале только что тогда построенного здания МЕОЦ. Ту церемонию можно назвать камерной по сравнению с размахом Кремлевского дворца последних лет. И в этой камерности были свои плюсы, во всяком случае, для меня: не так страшно подниматься на сцену и приятно смотреть в зал, где можешь увидеть каждого в нем сидящего.

Правда, когда я наблюдала за происходящим из зрительного зала, мне нравилась и меня радовала значительность последней церемонии: бескрайняя сцена Кремлевского дворца и почти полностью заполненный шеститысячный зал, конец декабря (время, когда залы «нарасхват»), да и ведущие – double Ургант, Иван и Андрей. Солидно.

Однако, как оказалось, солидность и размах мероприятия не у всех евреев вызывают одинаковое приятие, радость и гордость. Незадолго до праздника я услышала, как в одной из телепередач Геннадий Хазанов говорил о том, что «нетактично отмечать праздник Ханука в Кремле». «Почему именно в Кремле надо проводить прекрасный праздник Ханука? – недоумевает Хазанов и продолжает: – Скромнее надо быть». То есть, видимо, знать свое место, например, относительно титульной нации. Продолжая эту мысль, можно было бы предложить ввести, скажем, «ценз на залы», согласно численности и значимости национальности предоставлять зал с учетом его размера и местоположения (так, «народам-миллионникам», например, выделять залы не более чем на 1000 мест, а меньшим – не более чем на 500 и где-нибудь в глубинке и т. д.).

Д. Фишер, А. Фрид

Свет будущего

Церемония вручения премии «Человек года», проходившая на следующий день после Хануки, 3 тевета 5770 (20 декабря 2009) года у меня оставила ощущение детского праздника, в лучшем смысле этого слова, или праздника, прошедшего под знаком детей. Так случилось, что тема детства и детей стала главной в этот вечер.

В зале было много малышей – несмотря на то что день выдался морозный, было под тридцать, на «огонек» Хануки многие привели своих детишек. Или даже принесли – одному зрителю (или зрительнице), замеченному в зале, было от силы несколько месяцев. И ведущий Ургант-старший пришел на церемонию с сыном Иваном, о чем Иван Ургант сказал: «Ну, наконец-то, а то давно, папа, ты меня никуда не выводил».

И в зарисовках театра «Тень», которые возникали между выходом лауреатов на сцену и получением ими наград, было что-то детское. Растения, цветы, рыбки, звери, как будто вырезанные детской рукой из бумаги, отражались тенями на заднике сцены. Или тени ангелоподобных созданий с лопатами, стремянками и молотками в руках, готовые все благоустроить, – уж точно с детского рисунка или из фантазии ребенка о том, как могла бы выглядеть муза строителя или дворника.

Но некоторым особо чутким зрителям эти по-лубочному наивные и немного нелепые «теневые фигуры» напомнили книгу Брейшит, дни Сотворения мира – сначала свет и тень, ангелы-вестники, появление Слова, ветвящихся растений, рыб, животных...

Среди лауреатов премии этого года тема детства тоже активно звучала: правозащитник Борис Альтшуллер стал «человеком года» за многолетнюю работу по защите прав детей. Другой лауреат, 17-летний британский актер Джордж МакКей, по сути сам еще ребенок, получил статуэтку в номинации «Кинематография» за исполнение роли советского партизана Арона Бельского в фильме «Вызов» режиссера Эдварда Цвика. Фильм рассказывает о боевой деятельности на территории Белоруссии партизанского отряда, созданного в 1942 году братьями Бельскими. Арону, которого сыграл МакКей, было в то время всего 12 лет, но он, будучи связным, активно помогал своим старшим братьям и товарищам. На сцене Кремлевского дворца произошла редкая встреча (нечасто актер может познакомиться с прототипом своего персонажа и пожать ему руку): МакКей имел возможность приветствовать Арона Бельского, получившего премию в номинации «Мужество».

После официальной части вечер продолжился прекрасными вокальными выступлениями. Зажигательным, эффектным и, увы, коротким было появление «Jukebox trio», исполнившего попурри из еврейских песен. Трио прекрасно сочетает техники а капелла и битбокс (выступает без сопровождения музыкальных инструментов). А затем было безграничное и объемное пение Авраама Фрида, пение на идише и иврите, возвращающее к корням, к истокам, к детству. Его сменил яркий и многогранный Дуду Фишер, который в одну из пауз между песнями вспомнил, как его бабушка, когда он был еще ребенком, с уверенностью сказала ему: будешь певцом, хотя тогда этого никто и не предполагал. И он исполнил следующую песню «специально для бабушки, которая наблюдает сверху за своим маленьким мальчиком и беспокоится, не замерз ли он здесь в такой мороз...». А когда к Дуду присоединился Авраам и они запели дуэтом, многие зрители, как дети, начали танцевать, и танцевальные хороводы потянулись через проходы между рядами к сцене, где зрительские хороводы встретились с танцующими главным раввином России Берлом Лазаром, главным редактором «Лехаима» Борухом Гориным, руководителем агентства «Сохнут» Натаном Щаранским. Царило ощущение искренней радости и общего подъема. Танцевать готовы были дальше, еще и еще, но вечер завершился.

Уже на выходе, покидая Кремлевский дворец, разные группы людей, кутающихся в шарфы и воротники от мороза, то тут, то там с интересом обсуждали одну номинацию. Начальник Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Архангельской области Александр Протопопов получил премию в номинации «Представитель власти» за содействие открытию первой синагоги в местах лишения свободы. «И это только начало!» – заверил лауреат. «Хорошо, конечно, что он там синагогу построил, но откуда там так много наших?..» – недоумевала одна женщина. «Мне так и хотелось на это ему сказать: нет, уж лучше вы к нам!» – ответил ей мужчина.

После церемонии корреспондент «Лехаима» Михаил Эдельштейн побеседовал с двумя лауреатами – Ароном Бельским и Натаном Щаранским.

Арон Бельский уже больше полувека живет в Америке (где превратился в мистера Белла), но и сегодня при воспоминании о событиях 65-летней давности на глаза ему наворачиваются слезы. Давать интервью бывший партизанский связной предпочитает по-английски, однако то и дело вставляет в свою речь русско-украинско-белорусские фразы и отдельные слова.

Дж. МакКей и А. Бельский

– **Вы родились в местечке Станкевичи близ Новогрудка, в Белоруссии. Расскажите, пожалуйста, о вашей семье, о вашей жизни до войны, в начале войны.**

– Мои родители были крестьяне. У нас было собственное хозяйство, с водяной мельницей, где производилась мука всех сортов, толокно, что-то еще. Молоко, мясо, яички, качки – у нас все было свое. А потом наступило 22 июня 1941 года. И нас стали терроризировать. Не было буквально ни одного спокойного дня. Мой старший брат Тевье в то время жил в городе, на ферме оставались родители, два моих брата, Асоэль и Зисл, и я (всего в нашей семье было 11 детей). На братьев многие затаили зло, потому что до войны их в округе побаивались. Было известно, что Бельских лучше не задирать, потому что если уж проиграешь, то проиграешь по-крупному. Братья выросли очень дюжими и упрямыми – настоящие белорусские крестьянские парни, так что даже некоторые евреи не хотели иметь дела с нашей семьей. И вот теперь, в первые дни войны, те, кто боялись их, попытались отыграться.

Но страх перед братьями, видимо, был все еще силен – думаю, благодаря этому я и дожил до сего дня. Плюс некоторые белорусские соседи, которые всегда были очень добры к нам. Плюс Сталин, да покоится он с миром, кто бы что ни говорил о нем сегодня. Плюс советская армия, простые русские люди, которые всех нас спасли в конце концов.

– **Станкевичи до войны были Польшей?**

– Да. Но польского языка я тогда не знал, я выучил его позднее, когда мне было уже за двадцать. В округе все говорили по-белорусски.

– **Ваши соседи были в основном белорусы?**

– Да, в нашей деревне из тринадцати нееврейских семей была, кажется, только одна польская, все остальные белорусские. Мы были единственными евреями.

– **Я читал, что после прихода советской власти, в 1939-м, у вашего брата Тевье были некоторые проблемы – он был хозяином магазина, а значит, «капиталистом»...**

– Не знаю. Я никогда не видел ничего плохого от русских. Могу только повторить: русские и белорусы нас спасли. Для многих народов убивать евреев стало в то время любимым занятием. Если бы мы жили среди поляков, литовцев или украинцев, то вряд ли пережили бы войну.

– **Решение уйти в партизаны, бороться с нацистами, спасти евреев пришло к вашим братьям сразу или же сначала это было просто бегство в лес от неминуемой гибели?**

– Немцы собрали всех евреев нашей округи в Новогрудке. Среди шести тысяч согнанных на бойню оказались мои родители и два моих брата, Абрам и Янкель. Но у нас были белорусские друзья, в том числе один парень по фамилии Козловский, говоривший на идише не хуже любого еврея. Он-то и рассказал нам о том, что происходит в городе. И Асоэль с Зислом, которые тогда уже скрывались в лесу, решили пойти в соседнюю деревню, в шести-семи километрах от Станкевичей, где жила наша сестра Тойба со своей семьей – родители мужа, дети, еще какие-то родственники, всего человек 15–20. Братья увели в лес их всех. Так это началось.

А уже потом Тевье решил, что наша задача спасти всех евреев. Как он до этого додумался – я не знаю. Но он сказал: «Давайте принимать всех – женщин, детей, стариков. Если они евреи, им найдется у нас место». К тому времени в отряде уже было человек 40–50 – сначала, как я говорил, братья вывели в лес семью сестры, потом, зимой 1941/1942 года, из новогрудского гетто к нам бежали другие родственники, которым рассказал об отряде все тот же Козловский. А в феврале-марте 1942-го к отряду присоединился Тевье – до этого он оставался где-то в районе Лиды, там он жил перед войной. Надо сказать, что члены отряда были против того, чтобы принимать всех, они считали, что нам нужны только молодые люди, способные сражаться. Но Тевье решил по-другому.

Он вообще был удивительным человеком. Асоэль и Зисл были как близнецы, но Тевье – Тевье был совсем другим. Он мог то, чего другие люди не могут. До того, как он появился в отряде, он несколько раз обедал и выпивал с немецкими офицерами – один раз представившись поляком, другой – белорусом. И они верили, что он гой. Вот такой это был человек. Но даже он не выжил бы без Асоэля и Зисла, нужно было именно сочетание трех братьев, чтобы сделать то, что они сделали.

– **Вы контактировали с другими партизанскими отрядами?**

– Да, мы должны были отчитываться перед начальством, существовало ведь единое командование, ему поступали приказы из Москвы. В нашем отряде, кстати, был представитель командования, родом из Минска, я не помню его имени, мы называли его Колхозник. Он жив до сих пор, живет в Бруклине вместе с женой, хотя он старше меня, намного.

– Существуют свидетельства об антисемитизме среди партизан. По вашим ощущениям, это правда?

– До некоторой степени – да, но антисемитизм исходил в первую очередь от местного населения. Если еврейский партизан приходил на хутор за продуктами, то крестьянин потом шел к русским партизанам и жаловался: «Жида были, нас ограбили». А если приходили русские или белорусские партизаны, крестьяне давали им еду по доброй воле и без всяких жалоб. Это, конечно, касается не всех местных жителей, а только некоторых из них, но тем не менее.

В конце концов жалобы на «жидовские грабежи» дошли до генерала Платона (Василий Ефимович Чернышов. – Ред.), командовавшего партизанскими отрядами в Белоруссии, и моим братьям пришлось ехать и объяснять ему, как обстоит дело. Впрочем, все это не имело последствий.

Один или два раза в начале войны – кажется, все же дважды – были случаи, когда приходили люди из русских партизанских отрядов и забирали у нас огнестрельное оружие. А без ружья во время войны ты не человек, ты не можешь защитить себя, твоя жизнь ничего не стоит. И вновь братьям пришлось идти и объяснять тем людям, что мы не враги, что мы воюем за одни и те же цели. Дело удалось уладить миром и даже разойтись друзьями – не в последнюю очередь благодаря тому, что братья прекрасно владели русским языком, говорили на нем как на родном. Позднее русские партизаны по разным делам приходили в наш лагерь, но никаких конфликтов уже не было.

– Но и среди нееврейского населения Западной Белоруссии антисемитизм, по вашим ощущениям, был меньше, чем во многих других местах...

– Я расскажу одну историю. Когда моих родителей увезли, Асоэль и Зисл, как я говорил, отправились спасать Тойбу с семьей. Меня они оставили в Станкевичах у соседей. И к этим соседям зашел полицай, разыскивавший меня. Я был в кухне, он в комнате. Я слышал, как он спрашивает: «Малый утек. Може, вы ховаете его?» Я мог убежать через заднюю дверь, но у соседей была очень злая собака, и я ее боялся. «Не, у нас его нема», – сказала хозяйка. В доме была ее дочь с двумя братьями, они все могли погибнуть, но она так ответила. Полицай пробыл там, может, с полчаса, потом ушел...

– Решение создать в лесу «маленький Иерусалим» было очень опасным – партизанский отряд должен сохранять постоянную мобильность, чтобы спастись от облав. Как удалось избежать гибели?

– Налибокская пуца, где мы скрывались, – это километры и километры леса. До сих пор там остаются места, куда не ступала нога человека. Кроме Тевье, Асоэля и Зисла, в отряде были и другие люди, в том числе хорошо образованные (никто из моих братьев не получил высшего образования). Например, там был парень по фамилии Махлис, который ориентировался в Налибокской пуце лучше, чем коренной москвич в Москве. Он мог увести отряд от любых облав.

Кроме того, немцы устраивали облавы со всей своей техникой – грузовики, машины и все прочее. А партизаны уходили от них по пояс в воде, через болота, в поисках островка, где можно передохнуть. Немцы не могли там проехать, а преследовать нас пешком по грязи они не желали. Конечно, они обстреливали леса, и неизвестно было, где разорвется очередной снаряд – у тебя под ногами или чуть подальше. Но преследовать не преследовали – они хотели убивать, но оставаться при этом чистыми.

– **А в военных операциях ваш отряд участвовал?**

– Да, в отряде было около 500 бойцов, молодых людей, участвовавших в диверсиях и боях. Генерал Платон приказал отделить боеспособных мужчин от «маленького Иерусалима» и организовать из них отдельную часть, которая бы сражалась «за родину, за Сталина, за советскую власть».

Но не менее важны были акции устрашения местного населения, потому что для некоторых местных жителей выдача евреев стала выгодным делом – немцы ведь платили за это. Была такая история, я забыл название деревни, но помню фамилию семьи – Белоус. К ним пришли переодетые партизаны и спросили: «Ну что, как здесь с евреями?» И тогда эти люди стали хвастаться, сколько евреев они выдали полиции – на прошлой неделе столько-то, на этой еще столько-то. Женщина даже принесла и показала талес, который она сняла с кого-то из выданных. И тут один из членов нашего отряда, Фридберг, не выдержал, подошел к Асоэлю и Зислу и сказал: «Хватит, достаточно!» И партизаны убили их всех, всю семью.

Могу рассказать еще один случай. Когда Абрам и Янкель были арестованы, кто-то сказал матери, что их можно выкупить за золото. Она собрала что было в доме, и мы с ней пошли в Новогрудок. Мать тогда уже носила желтую звезду, а я нет, почему – не знаю, так что ей пришлось идти по дороге, а я шел чуть сзади по тротуару. И наш польский сосед указал на меня немецкому солдату – вот, мол, еще один мальчишка из той же семьи. Меня привели в полицейский участок и заставили копать яму. Я вырыл яму примерно в метр глубиной, и они заставили меня лечь в нее, а сами стояли вокруг, поигрывая пистолетами. Они сказали, что убьют меня, если я не скажу им, где скрываются Асоэль и Зисл. Но я не знал, действительно не знал точного места, только приблизительно. В любом случае я не сказал бы им, не мог сказать, я не мог даже кричать. Мне сказали копать – я копал, сказали лечь – я лег... Через пару часов они отвели меня обратно, туда, откуда забрали.

Так вот, тот наш сосед, который выдал меня немцам, – его в начале 1942-го поймали партизаны. Он служил полицаем в городе, у него там была подружка, и наши друзья-белорусы рассказали моим братьям, где он ночует. Несколько партизан из нашей части пошли туда, схватили его и привели на мост – маленький деревянный мостик, ничего общего с мостом Джорджа Вашингтона в Нью-Йорке. Его положили на этот мостик, и один из наших товарищей вынул топор и двумя ударами отрубил ему голову. Тело оставили там же, на мосту, прикрепив к нему клочок бумаги, где было написано, кем и за что этот человек был убит... Евреи довольно миролюбивый народ, они не убийцы по натуре. Но этот парень из нашего отряда вместе с женой чудом выбрался из Новогрудка, когда немцы устроили там бойню евреев, – чтобы спастись, им пришлось буквально плыть по нечистотам. И он был настолько зол и разгневан, что смог зарубить человека топором. Таких было немало среди партизан.

– **Вместе с вами премию «Человек года» получил Джордж МакКей, сыгравший роль Арона Бельского в фильме Эдварда Цвика «Вызов». Какие у вас впечатления от этой ленты?**

– Я не буду критиковать молодую британскую звезду. Просто фильм сделан для американской аудитории с целью заработать денег. Но две вещи в нем все же правдивы. Первое – наш отряд действительно спас 1200 евреев, и эта идея принадлежала моему брату Тевье. Второе – это пуца. Фильм снимался в Литве, но лес очень похож. Все прочее... Я думаю, вы можете заметить разницу между тем, что я вам сейчас

рассказываю, и тем, что показано в фильме. Еще раз: я никого не критикую. Но, конечно, ужасы, через которые пришлось пройти евреям, в том числе моей семье, там не показаны даже в малой степени.

– **Вы, конечно, смотрели «Список Шиндлера», другие картины на эту тему. Как вы думаете, возможно ли вообще снять реалистичный фильм о Холокосте, о войне?**

– Я знаю единственную правдивую картину о войне – «Падение Берлина». Все остальные... Вы видели в каком-нибудь фильме, как молодой полицаи, держа ружье за ствол, забивает прикладом насмерть старого еврея? Я нет.

– **Эд Цвик сказал, что он снимал «Вызов», чтобы понять, можно ли сохранить на войне человечность или необходимо стать монстром, чтобы бороться с монстрами. Как бы вы ответили на этот вопрос?**

– Если мы спасали детей и женщин, то, наверное, мы сохранили человечность. Конечно, когда ты говоришь с выродком, то должен говорить на его языке, он не понимает другого. Но не каждый человек выродок. Даже на войне важно проводить эту грань.

– **Вы, конечно, знаете о той дискуссии, которая началась после выхода «Вызова» в Польше, где считают, что история вашего отряда в фильме идеализирована: на самом деле в деятельности белорусско-еврейских партизан было меньше героизма и больше жестокости и насилия, в том числе в отношении польского населения. Как вы к этому относитесь?**

– Да, я слышал об этом. Но и в Англии, и в Америке, и в других странах есть люди, которые отрицают Холокост – не было ничего такого, и все тут. По мне, так и пусть говорят, почему на это нужно обращать внимание? Так же, как израильтяне, – мало ли что про них говорят в мире, они не реагируют.

Но с другой стороны смотрите, что происходит: израильтяне входят в Газу, чтобы защититься от многолетних обстрелов. В ответ не только арабы, но и часть белого мира называет израильских солдат преступниками. Израильские офицеры и члены правительства боятся выезжать из страны, потому что их могут арестовать...

У евреев были проблемы тысячи лет назад, и с теми же проблемами они сталкиваются сегодня – что тут можно сказать еще?

– **Почему слава к отряду Бельских пришла с таким опозданием? Книги Нехамы Тек и Питера Даффи, фильм Эдварда Цвика – все это появилось спустя много десятилетий после войны.**

– Я должен снова напомнить вам, что мой брат Тевье был необычайной личностью. Он несколько раз повторял, что слава придет к нему посмертно, – так и случилось... На самом деле ни я, ни мои братья, Тевье и Зисл (Асоэль вступил в советскую армию и погиб под Кенигсбергом), практически никогда обо всем этом не рассказывали, даже своим детям. Наверное, сейчас, после книг и фильма, они уже знают нашу историю...

– **Было слишком тяжело вспоминать?**

– Да, не хотелось ни вспоминать, ни обсуждать.

– **Как складывалась ваша жизнь после войны?**

– На следующий день после падения Берлина мы ушли в Румынию, затем перебрались в Югославию (кстати, сербы – прекрасные люди, могу сравнить их только с русскими и белорусами), оттуда – в Италию. Там я расстался со своими братьями, они отправились в Палестину, а я еще два года прожил между Лондоном, Парижем и Швейцарией: высылали из Лондона – я перебирался в Париж, высылали оттуда – возвращался в Лондон. Наконец в 1947 году я встретил агентов «Хаганы», прибывших в Европу в поисках молодых людей, которые могли бы служить в создававшейся тогда израильской армии. Я поехал в Палестину и там, как и мои братья, участвовал в Войне за независимость.

– **В середине 50-х братья Бельские перебрались в Америку. Тевье работал шофером, Зисл стал владельцем небольшого таксопарка – а чем занимались вы?**

– Я работал на один банк, там в руководстве было много антисемитов, но у меня как-то получается ладить с людьми. Думаю, я научился этому в израильской армии. Я разбогател, потом все потерял, потом снова поправил свои дела... Обычная жизнь, что об этом говорить...

– **Вам было 11, когда началась война. Понятно, что военные впечатления, да еще пережитые в детстве, остаются самыми сильными на всю жизнь. И все-таки: были ли в вашей жизни какие-то события, которые можно сравнить с потрясениями тех лет?**

– Не знаю. Разве что тот факт, что после всего пережитого я получил шанс приехать из Америки и увидеть российскую еврейскую общину, пользующуюся в Москве невероятной свободой и устраивающую церемонии в Кремле. У меня нет слов, чтобы описать свои чувства, свои впечатления от увиденного в эти дни. Я много слышал о том, как влиятельны евреи в Америке, – но пока что еврейские мероприятия в Белом доме не проводятся, не правда ли?..

Бывший правозащитник и активист еврейского движения в Советском Союзе, а ныне израильский политический и общественный деятель Натан Щаранский прилетел в Москву на два дня – однако в эти дни уместилось не только вручение ему премии «Человек года», но и появление сигнальных экземпляров его новой книги «ID: identity и ее решающая роль в защите демократии» (публикацию глав из нее см. в прошлом номере «Лехаима»).

Н. Щаранский

– **Ваша новая книга, «ID», кажется продолжением предыдущей, «В защиту демократии». Вы сами рассматриваете их как единое целое, как своего рода дилогию?**

– Да, конечно. Более того, мне представляется, что обе они продолжают мою первую книгу, «Не убоюсь зла». В ней я говорю о том же самом, о неразрывной связи демократии и identity, только в мемуарной форме, непосредственно на основании своего диссидентского и тюремно-лагерного опыта. Я же не писатель, не теоретик, все мои идеи напрямую вытекают из моей биографии. Я обрел свободу именно вследствие возвращения к корням – сначала я ощутил себя евреем, стал бороться за выезд в Израиль, а уже потом начал участвовать в правозащитном движении. Мне это казалось абсолютно естественным, я не видел здесь никакого противоречия. Хотя надо сказать, что такая позиция сразу вызвала недоумение и нарекания с обеих сторон – и среди диссидентов, и среди отказников.

– **Про недоумение диссидентов вы неоднократно писали, пишете и в новой книге, рассказывая, как Лидия Чуковская укоряла вас за желание репатрироваться: «Разве мы не боролись вместе за одни и те же идеалы? Разве мы не разделяем одни и те же убеждения? А теперь вы говорите нам, что у вас своя собственная история, своя собственная страна, что у вас своя собственная истина». А как отреагировали на ваше вступление в Хельсинкскую группу соратники по борьбе за репатриацию?**

– Среди активистов сионистского движения общались с диссидентами и подписывали правозащитные письма Владимир Слепак, Виталий Рубин, еще два-три человека. Но мы были в абсолютном меньшинстве. Подавляющее большинство наших соратников считали, что наше дело уехать – и не надо пытаться решать внутренние проблемы покидаемой страны. Одни полагали, что это обострит ситуацию, разозлит КГБ – якобы он готов терпеть борьбу за эмиграцию, но не правозащитную деятельность. Другим казалось, что евреи и так слишком много вмешивались в дела других народов. В общем, нас мало кто поддерживал.

Особенно отрицательно относились к такому «совмещению» израильские официальные лица, занимавшиеся проблемой эмиграции из Советского Союза. Незадолго до моего ареста мне позвонила из Израиля моя жена Авиталь – ее просили передать, что мне как сионистскому активисту следует прекратить участие в работе Хельсинкской группы и в демократическом движении вообще, пора отделить одно от другого и сделать выбор. Мне же этот выбор казался ложным, диссидентство и еврейское движение были для меня двумя сторонами одной медали.

– **Когда вы заканчивали «В защиту демократии», то знали уже, что напишете «продолжение»?**

– Нет, тогда, наверное, я об этом еще не думал. Но новая книга, как мы уже говорили, логически вытекает из предыдущей.

Смотрите, некоторое время назад нашумела книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Основной ее тезис – в очень огрубленном приближении, конечно, – таков: во всем мире воцаряется демократия, а все частные identities в ближайшее время отомрут. Когда эта теория не подтвердилась, возникла новая – с подачи Сэмюэля Хантингтона заговорили о «столкновении цивилизаций»: в мире существуют несколько конфликтующих между собой цивилизаций, и демократия – это не всеобщий принцип, а лишь частный атрибут одной из них.

И такое противопоставление повторяется постоянно. Мне казалось очень важным снять его, показать, что демократия и identity не антонимы, а взаимодополняющие понятия. Более того, их разделение опасно. Identity без демократии – это тоталитаризм, деспотия. Свобода же без identity вырождается в декадентство, приводит к внутреннему бессилию, к неготовности защищать ту же свободу.

Кстати, многие в связи с последней книгой говорят, что я написал манифест «Сохнута». На самом деле, конечно, книга задумывалась и писалась, когда я еще не думал ни о каком «Сохнуте», не предполагал, что там будут выборы председателя и я займу этот пост. Но она действительно выражает идеологию Еврейского агентства, лозунгом которого тоже могли бы быть эти слова: «демократия и identity».

– **Ваша предыдущая книга была, мне кажется, достаточно очевидной по основному посылу, нынешняя же содержит большой «полемикообразующий» или даже скандальный потенциал – ведь вы резко критикуете влиятельное направление в современной политической мысли: весь комплекс теорий postidentity и их идеологов. В связи с этим: как было принято американское издание, появившееся год назад?**

– Конечно, реакция на новую книгу была более полемической, чем на предыдущую. Видите ли, никто не скажет прямо, что он против демократии. Хотя

основная идея моей предыдущей книги, «В защиту демократии», – о необходимости увязки внешней политики стран свободного мира с идеей прав человека – очень редко реализуется на практике, просто вслух об этом говорить не принято. А вот мысль о том, что демократии нужны какие-то «довески», что Европе необходимо задуматься о возвращении к корням, приводит многих в недоумение. На разных дискуссиях и круглых столах мои оппоненты, в основном из числа так называемых либералов (так называемых – потому что я не думаю, что подлинный либерализм заключается в отказе от корней), неоднократно говорили об этом. При этом они признавали интересным, скажем, описание моего лагерного и диссидентского опыта, то есть то, с чем не могли спорить, но видеть в единстве демократии и identity универсальный принцип отказывались.

Кстати, не так давно был один любопытный отзыв на книгу. В Канаде ко мне подошла женщина, еврейская активистка, и горячо благодарила за то, что я помог ей решить важную жизненную проблему. Раньше, говорила она, у нее не было аргументов, чтобы доказать своим сыновьям, вполне светским и прогрессивным молодым людям, что им надо обязательно жениться на еврейках, а по прочтении моей книги такие аргументы у нее появились...

– Ваши книги выходят сначала по-английски, а уже потом переводятся на русский и иврит. Это вопрос прагматики?

– Мой опыт показывает, что если ты хочешь что-то доказать в Израиле, то легче сделать это, если сначала апробируешь свою точку зрения в США. Наверное, это особенности израильского мышления. А может, вообще современный мир так устроен.

– «Лехаим» поместил препринт той главы вашей книги, где речь идет о выступлении известного израильского писателя А.Б. Иегошуа перед вашингтонской аудиторией в 2006 году. Тогда Иегошуа заявил, что вне Израиля сколько-нибудь значимая еврейская identity сегодня невозможна. Почему вы, убежденный сионист и бывший министр израильского правительства, выступили против «диаспорофобской» и «израилецентричной» речи Иегошуа?

– Все возмущались, как мог Иегошуа так оскорбить диаспору. Но это как раз тот аспект его речи, который мне кажется не самым важным и опасным. Как израильтянин, я считаю, что гораздо опаснее другое, а именно стремление отказаться от собственных диаспорных корней, отречься от всей многотысячелетней еврейской истории, проходившей вне Земли Израиля. Такая позиция лишает Израиль его силы и смысла.

Конечно, как сионист я считаю, что самое правильное, самое эффективное место для еврея сегодня – это Израиль. Но репатриация – глубоко интимный выбор. И если человек к нему не готов, то как можно его осуждать за это? Уникальность Израиля в том и состоит, что он принадлежит евреям всего мира, независимо от их местожительства, а не только израильтянам.

– Планируете ли вы продолжение вашей «дилогии», превратится ли она в «трилогию»?

– Я уже говорил, что все мои книги – это обобщение моего опыта. Поэтому, наверное, сейчас мне нужно некоторое время поработать в «Сохнута» и получить новые впечатления, новый жизненный опыт, а потом уже переходить к его обобщению.

ЕВРЕИ И СВОБОДА

Аידען עײן

Всевозможные державники-государственники частенько напоминают почтеннейшей публике об участии евреев в различных противоправительственных движениях и организациях. И о том, что евреи в революциях играют более чем заметную роль. Так охранители пытаются культивировать среди подданных очередного диктатора недоверие к евреям. Что, конечно, не отменяет того факта, что среди евреев и в самом деле оказывается немало ниспровергателей режимов. Но только следует отметить, что, как правило, евреи оказываются в оппозиции не к государству как институту, а к диктатурам. И неважно, носит ли диктатор корону и эполеты, френч или костюм от модного европейского портного и дорогие швейцарские часы...

THE ALARMED AUTOCRAT!

CHIEF OF ALL THE RUMORS, "TAKE HIM AWAY!—TAKE HIM AWAY! HE FRIGHTENS ME!"

«Уведите его! Он меня пугает!» Карикатура на Николая II в журнале «Панч». Лондон. 1891 год

Природа диктатуры такова, что ей необходимы враги. Внешние и внутренние. Причем первые должны быть могущественны и, по большому счету, неуязвимы. Вторые

же должны быть абсолютно беззащитны. Враги нужны диктатуре, чтобы сплачивать подданных вокруг правителя. Неважно, какой титул он носит – императора, президента, генерального секретаря партии или председателя партии. Наличие врага позволяет диктаторам списать на них все свои ошибки, просчеты и преступления. Внешний враг – это враг «долгоиграющий». Воевать с ним диктатор будет лишь в самом крайнем случае – в том, если этот враг все пропагандистские выходки примет на свой счет всерьез. Едва ли Саддам Хусейн предполагал, что его антиамериканская риторика произведет на Белый дом столь неизгладимое впечатление и американцы и в самом деле нападут на Ирак...

Гораздо полезнее диктаторам враг внутренний, ибо победы над ним легко достижимы, их можно демонстрировать подданным без особых затрат и рисков.

На роль врага внутреннего диктаторы, как правило, выбирают национальное, религиозное или классовое меньшинство.

До 1917 года в России таким врагом были евреи. Поэтому неудивительно, что и среди революционеров их оказалось немало. Дискриминационные законы ничего другого породить не могли. Даже современные лидеры Русской православной церкви, патриарх Кирилл в частности, признают: стремление к свободе естественно для человека, ибо свобода человека дана Самим Всевышним. А венценосные диктаторы посягнули на Б-годанную свободу, лишая людей возможности жить там, где им хочется, учиться, выбирать себе профессию. Ничего удивительного в активном участии евреев в революции нет. Более того, странно было бы, если бы евреи в ней не участвовали. Другого выбора, по сути, и не было. Императоры не оставляли евреям шанса на продвижение по карьерной лестнице, возможность достойно обеспечивать свои семьи, дать своим детям приличное образование. Правда, таких возможностей было лишено абсолютное большинство населения. Русского – в первую очередь. Но часть русских (небольшая), гвардейские офицеры по крайней мере, могли периодически душировать своими шарфами императоров. Недаром говорилось, что в России произвол самодержца ограничен гвардией... Но евреев в гвардию не брали, и осталась только революция.

Однако и отношения с новой, коммунистической властью тоже не сложились. Коммунизм декларировал в качестве целей свободу и равенство. На практике все оказалось по-другому. В стране вновь возник режим личной власти. И вскоре появился анекдот, приписываемый Карлу Радеку: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро». И не только из Политбюро, но и из других важных органов государственного управления. Апофеозом стало «дело врачей», но и задолго до него евреи уже считались неблагонадежными. Они опять были востребованы в качестве внутреннего врага.

Преемники Сталина хоть и не были такими людоедами, ввели для евреев известные еще с царских времен процентные нормы на обучение в вузах. Да, были еврей-академики, ковавшие ядерный щит. Ну так и у Гитлера были полезные евреи. Академиков таких было всего несколько человек. Для остальных социальный лифт был отключен. Зато появилось множество евреев-диссидентов.

И вот наступили 90-е. Теперь разнообразные придурки (так в лагерях называли заключенных на сытных должностях хлеботорговцев, кладовщиков и т. п.) называют их «лихими 90-ми». На самом деле это было время небывалой для России свободы. Время настоящей свободы, неотъемлемым принципом которой является свободная конкуренция. И люди впервые получили возможность проявить себя во всех отраслях жизни: от искусства и экономики до государственного управления.

Но прав оказался Игорь Губерман, написавший: «Как просто отнять у народа свободу: / ее надо просто доверить народу». Россияне добровольно отказались от свободы, власть вновь оказалась в руках чиновников и вождей. Врагами режима стали Михаил Ходорковский, Борис Березовский и Владимир Гусинский – евреи, якобы «разбогатевшие в силу ослабления государства, изнемогшего в борьбе с извечными противниками – Западом и США». Процессы против этих миллионеров, к счастью, не дали старта новой антисемитской кампании (нашлись более удобные на тот момент «внутренние враги» – кавказцы). Но так называемая «борьба с олигархами», среди которых оказалось немало евреев, добившихся успеха, стала своего рода символом конца свободы, конца свободной конкуренции в экономике, в средствах массовой информации, в политике. То есть всего того, что принято считать подлинной свободой. Новыми владельцами «заводов, газет, пароходов» стали чиновники с биографиями, хорошо проверенными еще в КГБ. Зато ряды правозащитников-диссидентов и оппозиционеров стали пополняться евреями. Видимо, срабатывает историческая память. Память о несправии, о пережитых диктатурах, о том, что в несвободной стране еврей обречен в лучшем случае на прозябание. А про худшие мы и так знаем...

Уничтожение американских башен действительно напоминает библейское предание о Вавилонской башне. Кстати, эта история трактуется так: наказана была человеческая гордыня. Но, простите, в предании прямо говорится, Б-г не хотел, чтобы был один язык. Потому что Б-г – это Б-г разнообразия. Как только мы видим, что в истории начинает доминировать кто-то один, каким-то чудесным образом это немедленно уничтожается, причем с поразительной быстротой. Что стоило, к примеру, Александру Македонскому вернуться в Европу, завоевать ее западную часть, а потом и Карфаген. Но Александр умер, и империя распалась, хотя казалось, что можно удержать полмира, организовав еще один поход в Индию.

Распадается Советский Союз... Трудно сказать, насколько во всем этом есть что-то рациональное или иррациональное, но, похоже, в природе какая-то сила противится однообразию. Диктатура в масштабе страны – милое дело. Но в масштабе целого мира? Так не бывает.

Что касается еврейской истории, тут как нигде заметна неравномерность времени. Иногда оно тянется столетиями, и кажется, ничего не происходит. Кстати, обычно это столетия счастья. Иногда время начинает нестись с бешеной скоростью.

Вот прошедшие десятилетия, предшествующие нашему, были, наверное, временем самого большого «исхода» в истории цивилизации, причем даже в абсолютных цифрах, как мне кажется. Конечно, были вавилонский плен и взятие Иерусалима Титом с последующим порабощением или уничтожением в цирках: евреев было больше, однако непонятно, сколько осталось в живых. Вроде бы шесть миллионов. Но такого добровольного «исхода», наблюдаемого нами, – более миллиона человек – не было, наверное, никогда. И то, что это была самая образованная эмиграция за всю историю человечества, сомнения не вызывает.

Исход евреев из России совершенно изменил саму Россию, а следовательно, и мир. Он превратил Израиль в интеллектуальную и технологическую сверхдержаву, которой он не был ранее.

Мне однажды показывали технологическую карту Израиля, так там высокотехнологических компаний в разы больше, чем в России, так что кто из этих стран технологическая держава, сомнения не вызывает. Урок Израиля в том, что Давид и Голиаф могут меняться местами, причем во всем. Если сравнить Израиль, который на глобусе можно разглядеть лишь в лупу, и Россию, раскинувшуюся аж на одиннадцати часовых поясах, и задаться вопросом, кто из них сегодня является технологической сверхдержавой, ответ будет очевиден. И противоположен тому, какой можно было бы ожидать лет двадцать назад.

Так вот, о неравномерности времени, которая в еврейской истории особенно заметна. Исход из Египта, сорок лет по пустыне – краткое событие, а до того мы даже не знаем, сколько столетий прошло. Потом, после Исхода, время как будто останавливается снова. Семь веков от Исхода до Вавилонского пленения. От момента пленения до написания Талмуда – еще двенадцать столетий. И хотя десять колен Израилевых пропали в результате ассирийского пленения в VIII веке до н.э., оставшиеся два выжили и возвращались – изо всех пленений и изгнаний. Вообще, одним из законов сохранения я бы назвал «закон сохранения евреев», по крайней мере, в благословенные времена. Он – как закон сохранения энергии. Это особая энергия в мире, если рассматривать мистическую историю.

Сколько было нас перед разрушением Второго храма? Понятно, точную цифру сейчас никто не назовет, но что-то около шести миллионов в провинции Иудея. Народ, скажем, немалый, если сравнивать с греками, римлянами, египтянами. Кстати, в Египте, если верить Иосифу Флавию, проживало около миллиона евреев. То есть уже семь. Добавьте тех, кто был, например, в Персии в диаспоре, кто жил в Риме, – в общем, примерно десять миллионов. В Средние века евреев было меньше. Сейчас четырнадцать миллионов. И примерно столько же до Холокоста. Получается поразительная вещь: само количество евреев – величина постоянная, с точностью до флуктуации. По крайней мере, в цивилизованные эпохи это именно так! В то время как число египтян за сто лет увеличилось в сто раз, число русских увеличилось в сорок раз примерно за двести лет. А мы – мировая константа. Двадцатый век, начавшийся в 1914 году вместе с первой мировой войной, был эпохой великих перемен. То же касается последнего десятилетия прошлого века, когда распался СССР. Все это для нашей цивилизации оказалось подобным цунами, волны от которого колеблются по миру до сих пор. «Не дай мне Б-г жить в эпоху перемен», – сказали не мы, а китайцы – умные вещи говорят не только евреи. А вот последнее десятилетие стало временем релаксации, эпохой общего успокоения.

– Но вряд ли релаксацией и успокоением можно назвать то, что происходило в это десятилетие в Израиле.

– Если бы мне нужно было дать название нашей беседе, я бы назвал ее «еврейская пружина», определяя ту удивительную еврейскую энергию, о которой мы говорим. Евреи каждый раз, будучи униженными, падая, тем не менее во все времена, именно как пружина, возвращались, может быть в другой форме, другим путем, но к той же мощи.

В Советском Союзе элементарный подсчет показывал, что в Академии наук, в ведущих отделениях, таких, как физика, математика, где как-то умудрялись обходиться без антисемитизма, было процентов сорок евреев. То же – в союзах композиторов, писателей, архитекторов... Примерно сорок на шестьдесят, то есть число, близкое к половине. Примерно такое же положение было в Австрии и Германии перед приходом Гитлера.

Думаю, евреи всегда будут «горячей точкой», пока существуют христиане и мусульмане. Проблема возникает оттого, что Священное Писание состоит из двух частей. И дело даже не только в том, что девяносто процентов оно – так называемый Ветхий Завет (тоже, кстати, занятый «перевод» аббревиатуры «Танах», хоть психиатрический диагноз ставь по одному этому «переводу») посвящен истории евреев, а десять – тоже про евреев, но уже в обращении к миру. Кстати, решение о сохранении Ветхого и Нового Заветов в Писании христиан было сделано лютыми антисемитами, что не помешало им стать святыми. Но даже они при всей антипатии к народу Книги понимали, что, выброси они первую часть, Писание будет неполноценным. Есть и другое нетривиальное различие. Еврей – это тот, кто обращается ко Всевышнему напрямую. В других конфессиях к Нему обращаются через посредников. Это общение напрямую крайне важно. Евреи могли спорить с Б-гом, спрашивать Б-га. То, что евреи привыкли вопрошать Б-га, а иногда и спорить со Всевышним, – факт, засвидетельствованный в Писании. Еврей, обращающийся ко Вселенной, она же Б-г, она же Мир, – это правило. Он может обращаться через религию, науку, искусство, обращается и не боится задавать вопросы.

Ю. Магаршак

Когда в «Седьмой печати» Бергмана рыцарь задает вопросы Смерти, это кажется чем-то особо вызывающим. Момент, когда Смерть спрашивает рыцаря, скоро ли он перестанет задавать вопросы, а рыцарь отвечает, что никогда, считается классикой вызова Миру в искусстве XX века. Фокус в том, что в еврейской традиции это было всегда.

Израиль постоянно рассматривается человечеством в лупу. Он увеличен совершенно непропорционально его площади. То же и с евреями. Надо привыкнуть к тому, что нас много даже тогда, когда ты один на всех, и что самое поразительное: нас много даже там, где нас вообще нет! Поэтому Израиль, в силу того, о чем я сейчас говорил, и в результате многого другого всегда будет оставаться в центре событий.

– Опыт жизни евреев в России десятилетия, если не столетия, был печален. Черта оседлости сменялась государственным антисемитизмом. Потом несколько волн «исхода», о которых вы говорили. Конечно, хорошо, что евреи из бывшего СССР подняли технологии Израиля и Силиконовой долины. Но как вы видите их перспективы на родине, в России?

– Во-первых, как мне кажется, в России объективно ситуация сейчас намного лучше, чем принято говорить, а в некоторых вещах даже лучше, чем в Америке. Есть вещи, за которые не следует несправедливо обвинять. Приведу простой пример: антисемитские группы и антисемитские форумы в американских университетах – это абсолютно нормально, даже в таком, как Колумбийский университет в центре Нью-Йорка, казалось бы мировой цитадели еврейской мысли и капитала. Но я не могу себе представить, чтобы в Московском университете или в другом каком-то вузе, которые в недавнем прошлом были в этом вопросе далеко не нейтральны, можно было бы выступить с речью на такую тему или провести подобную дискуссию. Поэтому, мне кажется, что есть вещи, за которые следует отдавать должное, в данном случае правительству России.

Вообще же, если говорить несколько шире, то Россия только сейчас начинает понимать, что она потеряла с исходом евреев. Дело не в том, что это было «сорок процентов», о которых я говорил. Дело в том, что это было сочетание; евреи во многом были необходимой частью, неким запалом, мотором что ли. Без них блюдо не получалось полным, как плов без риса, шашлык без мяса.

Вот Гитлер думал, что он уничтожает только евреев. Но в результате уничтожил Европу и саму Германию. Посмотрите, какие усилия предпринимаются, чтобы вернуть лидирующее положение Германии в науке. Но не удастся, и, по всей видимости, уже не удастся.

То же и в России. Страна, из которой евреи уходят, перестает быть сверхдержавой. Страна, в которую евреи приходят, становится сверхдержавой. Так было в истории много раз. Понимаете, разговор с Б-гом напрямую и не напрямую – важные взаимосвязанные компоненты. И колоссальная разница: в психологии, укладе жизни, познании и созидании. Во взаимодействии евреев с людьми других культур был конгломерат, основанный на тонком взаимовлиянии. Так получалось, да и сейчас получается, что в умах людей любой человек, который смеет говорить о вещах открыто, смело и бесстрашно, – еврей. Вот был этот важный конгломерат, без сомнения ключевой для развития Советского Интеллекта, и... исчез. А что осталось, пока, к сожалению, не работает.

Мой следующий тезис может показаться странным. Озвучиваю осторожно, с учетом всего нашего разговора. Я бы сказал так: спасением России сегодня во многом являются евреи. Судите сами: Россия – страна великой научной традиции, великой культуры – в прошлом. Сейчас мы видим коррупцию, крышевание, повальное нарушение всех правил жизни. Скажите, вы где-нибудь видели, чтобы в таких условиях создавалась конкурентоспособная на мировом рынке продукция? Конечно, нет, об этом смешно даже говорить, несмотря на благие намерения президента и правительства.

Но главное, что из России ушла передовая интеллектуальная сила, причем всех национальностей. Смешно, но даже русских ученых высылали по еврейской линии. Сейчас, к сожалению, в России крайне аморальная среда, и создать что-то реально конкурентоспособное будет очень трудно, потому что районных чемпионатов по технологиям не бывает.

Никому не нужен лучший автомобиль из Сыктывкара или лучший мобильник России.

Что сделала Корея? Она послала несколько сот тысяч ребят, заметьте, проиграв войну в 1950-х годах, учиться в лучшие университеты мира. И после этого, через десять лет, в Корею появляется лучшее кораблестроение мира, наконец, появляется «Самсунг»! То же самое сделала Индия, чуть раньше Япония. Сейчас это делает Китай, причем в гигантских масштабах.

А на Россию это все свалилось за так – Россия не только не оплатила, она выгоняла элиту, проклиная по-всякому. Но при этом оказалось, что русскоговорящая диаспора во всем мире составляет империю в технологиях, превосходящих технологии России на порядки. И не случайно российское правительство думает о привлечении диаспоры. Теперь моя ключевая мысль, внимание: а кто это – интеллектуальная российская диаспора? Глядя из Америки – русские, но глядя из России – конечно, евреи. На девяносто процентов это либо чистые евреи, либо наполовину. Важно понять, что я говорю не о каком-то национальном преимуществе, просто так эта диаспора исторически складывалась. И это была могучая интеллектуальная сила, и к нынешнему времени она только приумножилась. Поэтому, когда по телевидению говорят, что «надо вернуть русскую диаспору», то, конечно, прямо это можно не говорить, но надо учитывать, что эта творческая, технологическая и научная диаспора является во многом еврейской. И это должно быть абсолютно стратегическое понимание на всех уровнях. Даже если из политических соображений его не очень пропагандировать в прессе.

Сейчас Россия ведет себя в отношении евреев вполне корректно – латентный антисемитизм есть во всем мире, но, повторюсь, инспирированного государством в России, по-моему, нет.

Если Москва, осознав все это, установит особые отношения именно с Израилем, который исторически, пока в нем есть русскоговорящая диаспора, связан с Россией совершенно уникальными узами, то это мощнейший шанс поднять страну. То же самое и с американской диаспорой.

Надо все время помнить: сегодня в мире русская интеллектуальная диаспора во многом еврейская. Если России удастся создать условия для творческого и свободного взаимодействия, это может оказаться исключительно важным, быть может, даже решающим фактором для возрождения России, о котором говорят и ее премьер-министр, и президент. И которое, несомненно, нужно всем нам.

КЛОД ЛАНЦМАН – РЕЖИССЕР И ПИСАТЕЛЬ

Àáâäå çæàè Ì èéêëäé Åæàèñá äðîâ

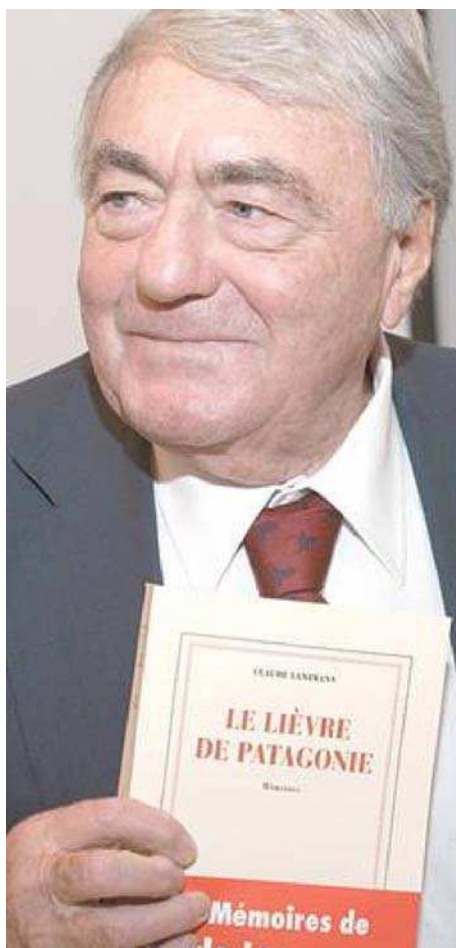
Клод Ланцман, писатель и режиссер, приехал в Москву представлять свою новую книгу «Патагонский заяц» и знаменитый киноэпос о Холокосте «Шоа», который до сих пор почти не известен в России.

Клод Ланцман родился в 1925 году во Франции в еврейской семье. Участник французского Сопротивления, он после войны изучал философию в Париже. Затем, по совету своего друга Мишеля Турнье, отправился в Германию и продолжил занятия философией в Тюбингенском университете и в университете Западного Берлина. Вернувшись во Францию, сотрудничал во многих периодических изданиях. В 1952 году по приглашению Жана Поля Сартра и Симоны де Бовуар возглавил журнал «Ле там модерн» (основанный Сартром и де Бовуар в 1945 году). С этого же времени начинается долгая история близких отношений с Сартром и де Бовуар.

Фильм «Шоа» вышел в 1985 году и стал настоящей сенсацией.

Автобиографический роман «Патагонский заяц» выпущен в свет издательством «Галлимар» в марте прошлого года.

После пресс-конференции, состоявшейся перед показом фильма в Центральном доме художника 5 декабря 2009 года, Клод Ланцман любезно согласился ответить на наши вопросы.

– Я хотел бы рассказать сначала о происхождении, о генезисе «Шоа». Все началось с фильма об Израиле, который я сделал задолго до «Шоа». Назывался он «Почему Израиль», но без вопросительного знака. Лента на три часа двадцать минут. Это был фильм, обыгрывающий нормальность и ненормальность. «Почему Израиль» получился достаточно смешной, со своими приколами. Можете себе представить, что такое было для французского еврея, воспитанного во Франции, на французской культуре, не знающего никакого иного языка, кроме французского, открыть для себя страну, где кругом – одни евреи. Первый раз в Израиле я побывал в 1952 году. Поехал, чтобы написать репортаж для «Ле Монд». Нужно сказать, что тогда в жизни я ориентировался по книге Жана Поля Сартра «Рассуждения о еврейском вопросе». Это такой портрет антисемита, нарисованный Сартром. До сих пор книга является ведущей из существующих на данную тему. Сартр описывает в ней такой тип человеческого поведения, который называет неаутентичным поведением еврея. Это весьма живые поступки, случающиеся в жизни достаточно часто, да и сам я долгие годы был тем самым неаутентичным евреем, если исходить из определения Сартра. Сердцевина его книги состоит в том, что евреев на самом-то деле создают антисемиты. Однако это не так. Далеко не так. Я открыл это для себя как раз в том самом 1952 году, оказавшись в Израиле, когда воочию увидел еврейский народ – носитель древней культуры, многовековой традиции, народ, живущий этой культурой и в рамках этой традиции. Именно в Израиле я сам поймал себя на мысли, что превращаюсь в антисемита, настолько израильтяне казались мне противными и раздражающими. Многие из тех, кого я встречал, частенько вели себя подобно карикатурному образу еврея, от которого как раз и отталкиваются классические антисемиты. Нет, наверное, ничего странного, что у меня накопилось немало вопросов, но формулировки пришли много позже. И то, что было в голове, вряд ли уложилось бы в статью, обещанную «Ле Монд». В результате я так ничего и не написал.

Вернувшись в Париж и повстречавшись с Сартром, я открыл ему глаза на то обстоятельство, что евреи успешно существуют и на пространстве свободном от антисемитов. Тогда он сказал мне: «Вы правы», – после чего посоветовал написать об этом книгу. Что я и не замедлил начать делать. Однако в какой-то момент остановился, осознав, что слишком молод для подобного исследования. И только спустя двадцать лет так и не вышедший репортаж, не родившаяся, скажем так, книга, вылились в тот самый первый фильм. «Почему Израиль» был снят довольно быстро. Именно такой фильм я должен был сделать, чтобы ответить на те вопросы, которые сам себе задавал. Ответить эмпатически, но не по-манихейски. Абсолютно не уходя от правды, не боясь ее. Более того – показывая все трудности, противоречия, тупики и не забывая об успехах. Странный фильм получился, но я очень гордился, когда он вышел. Поскольку фильм был выбран для показа на Нью-Йоркском фестивале, одна журналистка спросила меня: «Месье, скажите, ваша родина – Франция или Израиль?» Я совершенно спонтанно ответил ей тогда: «Моя родина – этот фильм». Вышло так, что сами израильтяне, посмотрев ленту «Почему Израиль», посчитали ее лучшей из снятых об их стране. Именно тогда один израильтянин спросил меня, не смог бы я снять фильм, который не столько бы рассказывал о Холокосте, сколько сам был бы им. Я недолго думал, погулял ночь по Парижу и сказал этому израильтянину: «Да, я согласен!» Не зная сам при этом, что влез в совершенно невозможную авантюру. Опасную. Стоившую мне двенадцати лет жизни. Вот так!..

Сцена с парикмахером из Ченстоховы, ставшая классикой мирового документального кино

О ФИЛЬМЕ «ШОА»

– Мне нужно было найти центральную тему фильма. Я говорил со многими выжившими и слышал похожие истории – ночные налеты, аресты, депортации... Но чего-то во всем этом не хватало, я, признаться, не сразу понял, чего именно. Когда я это все же

осознал, сам собою выткался главный сюжет фильма. Все люди, с которыми я общался, были «выжившие» – так их называют. Мертвые не присутствовали, их не было. Тут я и понял, что главной темой фильма должна быть смерть. То есть неизбежность смерти в газовых камерах. Это привело к тому, что я избрал некоторую категорию «выживших»: те, кто был непосредственными, прямыми свидетелями убийства, смерти их народа – еврей-мужчины – члены зондеркоманд. Те, кто обслуживал газовые камеры, сжигал тела. Они тоже не должны были выжить. Когда я снимал фильм, этих людей оставалось немного, их знали по именам, все они были известны. Очень трудно оказалось их разговорить. Убедить, объяснить им, что это нужно. Отличительной особенностью этих людей является то, что они никогда не говорили «я». Никогда не рассказывали о себе – как им удалось сбежать, как они выжили. Для них это было неважно, для меня – тем более. Они говорили от имени погибших. Потому и живых историй в моей картине нет. Все выжившие – призраки, случайно проникшие в наши дни с того света.

Лагеря уничтожения людей находились только в Польше. В Бельжице было убито 800 тысяч. Нет ни одной фотографии, никаких следов существования этого лагеря. Тела сжигали, а пепел сбрасывали в озера и реки. Идеальное преступление.

В Трешлинке также было убито 800 тысяч, существует только одна фотография, на которой виден бульдозер. Посмотрев фильм, вы сможете понять разницу между концентрационными лагерями и лагерями смерти.

Концентрационные лагеря находились на германской территории, там не было газовых камер. Там люди умирали от ужасных условий, эпидемий, скудного питания. Все эти тела из фильмов – результат эпидемий. Концентрационные лагеря – совсем другая категория. Там можно было выжить. В лагерях смерти выжить было невозможно.

Людей привозили, раздевали и в течение двух часов убивали, потом тела закапывали или сжигали. Уничтожались не только люди, но и следы их уничтожения. В Освенциме лагерь был поделен надвое. То есть был концентрационный лагерь, где располагались заводы «Сименс» и «Крупп», и лагерь смерти. И те, что были в концентрационном лагере, почти ничего не знали о втором, самом крупном из всех лагерей смерти. Там можно было уничтожить в одном отсеке до 3 тысяч человек за один раз, в другом – 1,5 тысячи. Приезжавших сортировали: тех, кто посильнее, – в концентрационный, остальных немедленно отправляли в раздевалку и газовую камеру. Потому и свидетельств об этом преступлении почти не осталось, – все, кто там был, погибли. На этом и построен сюжет «Шоа».

Когда я показывал свой фильм в Китае, ко мне в одном из университетов (в Шанхае, по-моему) подошла студентка и попросила дать ей совет. Она собиралась снять фильм о массовых убийствах китайцев японцами в 1935 году. Там не было газовых камер, но дела это не меняет. Было убито 300 тысяч человек. Все палачи похожи, и все жертвы сходны между собой. Она спросила, что ей делать, как снять такой фильм. И я сказал: «Поезжайте в Японию». Как я когда-то поехал в Германию...

О СЕМЬЕ

– Моему деду было тридцать девять лет, когда он стал гражданином Франции. У них был мебельный магазин в восемнадцатом округе Парижа. В первый день первой мировой, в августе четырнадцатого года витрины магазина разбились – забросали камнями. И поскольку фамилия Ланцман звучала, как немецкая, его самого немедленно мобилизовали со всеми, кого должны были мобилизовать в четырнадцатом году. Он попал

в пехоту, всю войну прошел пехотинцем. Был в первой линии окопов... Ранен, получил крест и т. д. А бабушка с двумя детьми осталась. Отец родился в Париже 14 июля 1900-го. Получается старинная французская семья. По-французски не говорил ни слова. Только на идише. Он уехал в Нормандию. Я в шестом классе изучал латынь. Был послушным мальчиком. Письма писал на плохой латыни... В любом случае, он читать мои письма не мог, потому что был неграмотен. Дед брал мое письмо, шел к местному кюре, показывал, говорил, вот видите, господин кюре, мой внук... Это как бы являлось подтверждением его французскости. Отец в семнадцатилетнем возрасте ушел добровольцем во Французскую армию. В 1917 году под Сомой был отравлен газом.

Мать другое дело. Семья матери (она урожденная Гроберман) была из Кишинева. Деда я не знал, мне рассказывали, что он занимался лошадьми. Кишинев той поры – погромы, отзвуки русско-японской войны... Евреи тогда в России погибали и в погромах, и в войнах. И они решили из Кишинева уехать во Францию. Моя мать Полина (Полетта) родилась на пароходе, шедшем из Одессы в Марсель. Семья приехала в Париж. И сначала у них была мебельная мастерская, а затем антикварная лавка. Во время первой мировой войны дед мой поставлял мебель для американских киностудий. Потом, когда смотрели какой-нибудь американский фильм, указывали пальцем на экран и кричали: «Смотри, смотри – это наше кресло!»

О КНИГЕ «ПАТАГОНСКИЙ ЗАЯЦ»

– Я считаю, что моя книга куда забавнее, чем то, что о ней говорят. В книге есть все. Есть женщины, любовь и секс. Да, да... Настоящий секс. Разве этого мало? В книге почти шестьсот страниц. В Париже она вышла в марте и продано уже 150 тысяч экземпляров. Это и бестселлер и лонгселлер одновременно. Но могу сказать, что история еще не завершилась. Не знаю, умеете ли вы читать по-французски, но если умеете, пожалуйста, пойдите купите и прочтите книгу. Обещаю, жалеть не будете. Начнете читать – остановиться не сможете. Я знаю несколько человек, которые боялись дочитать эту книгу, так им не хотелось ее дочитывать! Они останавливались где-то на пятисотой странице, откладывали в сторону, а потом все-таки не выдерживали и снова брались за нее. Короче говоря, я очень горд, что сумел осуществить в жизни два начинания – «Шоа» и «Патагонского зайца»... И горжусь одинаково и тем и другим произведением. Никакой похвалы здесь нет. Я вообще не тщеславный человек, но не скромный. Скажем так, я и не тщеславный и не скромный. А почему? Да потому, что я не являюсь наследником. Я не унаследовал ничего ни от кого, я сам себя сделал. Поэтому, философски выражаясь, моими устами ныне говорит дух объективизма.

Структура книги не хронологическая. Я долго думал с чего начать. Начал со своей жизни и с описания гильотины – то есть страха смерти. Затем стал писать о Сопротивлении. Получалась такая спираль. Одна ассоциация сменяет другую. Я люблю такую конструкцию.

У меня не было плана (так же, как при создании «Шоа»). Я начал писать и ощущал радость от письма (писать или диктовать – неважно). Это меня обязывало описывать детство, и это были трудные страницы: отношения между родителями, отношения с матерью.

Важный момент в книге – как я впервые заработал деньги на винограднике (на юге Франции). Мы работали вместе с братом Жаком. И эти деньги мы отдали отцу.

План появлялся в процессе написания.

Я живу своей жизнью и так же я пишу в мемуарах. Я заметил, что в процессе письма начал говорить вещи, о которых не говорил раньше. Я был подавлен грузом ответственности, старшинства – перед братом Жаком и сестрой Эвелиной.

Трудной была глава о сестре. Вообще-то это глава о любви. Не легко было рассказать о жизни сестры. Так же как я не рассказывал никогда откровенно ни о Сартре, ни о Симоне де Бовуар – ведь это была если не жизнь втроем, то очень долгий роман, длившийся семь лет. Я уважал в Сартре его необыкновенный ум. Многие, кто пишет о нем, подчеркивают карикатурность его облика, внешнюю непривлекательность. Я нашел в нем особую красоту. Они дали мне многое – они научили думать.

Сестра напомнила мне о другом. Ее роман с Жилем Делёзом, Клодом Руа, с Сартром. Но когда речь идет о самоубийстве (актриса Эвелина Рей покончила собой в 1966 году), невольно начинаешь думать о судьбе и о своей ответственности. Тем более, когда самоубийца – женщина 36 лет, красивая, талантливая. Это так больно, мучительно, трудно, что начинаешь думать, кто в этом виноват. И сначала большую часть вины я возлагал на Клода Руа. Но потом сказал себе – нет. Мы все в этом виновны. Сартр – конечно. Делез – безусловно. И я тоже виноват... Виноват своим невниманием, потому что, например, когда я женился на актрисе Жюдит Магре, я тем самым как бы сказал Эвелине, что Жюдит мне нравится как актриса больше, чем она... Но, так или иначе, сестра осталась навсегда, какой была, – молодой и прекрасной.

ФАБРИКА ЗВЕРЯ

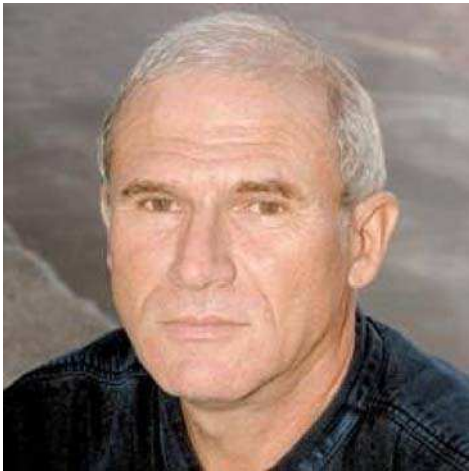
На четыре вопроса отвечают: Виктор Матизен, Элла Митина, Марк Саньоль, Семен Чарный

Беседу ведет Афанасий Мамедов

Клод Ланцман – французский интеллектуал: журналист, писатель, режиссер, главный редактор журнала «Новые времена» («Les Temps modernes») – приехал в Москву, чтобы представить свою новую книгу, «Патагонский заяц», и показать на Открытом фестивале авторского документального кино «АРТДОКФЕСТ-2009» ставший давно уже классическим девятичасовой фильм-свидетельство «Шоа», снятый им без привлечения архивных материалов. Вдыхать привычно воздух после увиденного – тяжело. Бывшие нацисты (хотя, судя по фильму, бывших нацистов не бывает) и еврей-мужчины из зондер-команд (обслуживавшие газовые камеры, сжигавшие трупы, помогавшие заматывать следы) рассказывают, как работала Фабрика Зверя, уничтожившая более шести миллионов евреев. Работала бесперебойно, но кому-то удавалось выжить. Эти чудом уцелевшие – особая каста, на них держится фильм. «Когда я снимал “Шоа”, – говорит Клод Ланцман, – этих людей оставалось немного, все их знали, все они были известны. Невероятно трудно оказалось убедить их разговориться перед камерой, перед киногруппой, объяснить, что это очень нужно. Говорить для них означало платить самую высокую цену – пережить все еще раз». Только это мы и можем сделать с прошлым – пережить, чтобы избежать повторения. «Бутылочное послание» следующим поколениям: «Прошу вас, продолжайте, мы должны это сделать», – говорит режиссер парикмахеру из Ченстоховы, прошедшему через ужасы Трешлинка, когда тот просит, молит его лишь об одном: оставить в покое, – делает фильм страшнее любой документальной хроники о зверствах фашизма. «Шоа» – эпическое полотно, миф о беспрецедентной человеческой жестокости, абсолютном зле. А мифу не нужны документы, ему нужна нагота человеческого голоса. У мифа не может быть начала и конца. Миф – воронка, всасывающая души. Думаю, именно по этой причине зал в ЦДХ, где демонстрировался фильм, оказался заполненным лишь наполовину: одно дело знать о существовании мифа, и совсем другое – ценой невероятных усилий обрести в нем свой голос. Человеческий.

«ШОА» – ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ МИРА

Àèèòíð Ì àòèçáí, ìðàçèááí ò Àèèüüèè èèííááíá è èèííèèèèèèá

– Когда режиссер фильма «Шоа» пообещал небольшому залу ЦДХ, не заполненному даже наполовину, «удовольствие от просмотра ленты», показалось, что я ослышался: его обещание находилось в полушаге от ерничанья. Я ошибся. Хотя, конечно, чувство, которое испытал при просмотре, нельзя было назвать «удовольствием» в привычном смысле этого слова. Режиссер решал задачу в том числе и с помощью поэтического языка. Однако это все равно походило на вскрытие тайны консервным ножом. А вы получили от просмотра обещанное режиссером удовольствие, вылетела ли как «Б-жье имя из груди большая птица»?

– Я не уверен, что слово, которое употребил Ланцман, следует перевести как «удовольствие», и не хочу вдаваться в тонкости словоупотребления. Картину я впервые увидел в начале 90-х, и она произвела на меня огромное эмоциональное впечатление. То, что я испытал, называется «катарсис». Глубокое потрясение, соединенное с моральным и эстетическим удовлетворением. «Шоа» – один из величайших документальных фильмов мира.

– Продолжительность фильма, а он длится около девяти с половиной часов и смотрится в два приема (можно и в три, и в четыре), автор объясняет тем, что, работая над фильмом, находился в особых отношениях со временем: «Я находился в подвешенном состоянии, время для меня остановилось». Вам, как кинокритику, достаточно такого объяснения?

– Как кинокритику, мне не нужны никакие авторские объяснения вне фильма. Мне было вполне достаточно того, что я увидел. Продолжительность фильма совершенно адекватна его замыслу. Для проживания того, о чем рассказывает «Шоа», нужно время, существенно превышающее длительность обычного фильма и иначе организованное, чем время телесериала.

– Говорят, манера Ланцмана задавать вопросы была заимствована им из психоанализа Сартра. Вообще, влияние Сартра, школы Сартра в фильме заметно, экзистенциальный подход очевиден: Ланцман помещает интервьюируемых в ситуации, похожие на ситуации из их прошлого, заставляет пережить их вновь перед камерой. В результате чего единственным вопросом, которым мы задаемся,

становится вопрос о существовании Б-га и ценности человеческой жизни. То есть, по существу, вопросы предела человеческого бытия. Насколько гуманен такой подход? Как лично вы приходили в себя после просмотра «Шоа»?

– Смотря «Шоа», я не задавался ни одним из перечисленных вами вопросов. Для меня и до этого фильма было ясно, что Холокост и Б-г – вещи несовместные, и раз первое неоспоримо, то второго не существует. Человеческая жизнь имеет цену, назначенную тем обществом, в котором живут люди, и тем проектом, согласно которому устроено данное общество. Фашистский и коммунистический проекты дали человеческой жизни нулевую или бесконечно малую цену. Слово «гуманность» настолько размыто, что называть подход Ланцмана «гуманным» или «негуманным» бессмысленно. Экзистенциальные вопросы, которые он ставит, беспощадны по определению. Гуманно ли так обращаться со зрителем? Меня это не интересует.

– Ланцман считает, что война, которую вел Гитлер, была в первую очередь войной против евреев. Свой вывод автор делает на основании того, что Гитлер «не только хотел избавиться от этого народа, стереть его с лица земли, он также хотел истребить сами следы истребления». Вам не кажется, что такая авторская позиция в значительной мере сузила рамки фильма?

– Вопрос о том, кого Гитлер хотел уничтожить в первую очередь и кого – во вторую, имел значение в 1939 году, когда от ответа на него зависели жизни миллионов людей. Сейчас он представляет чисто научный интерес, а для оценки фильма вообще не важен. Ланцман воссоздает уничтожение евреев, которое имело свои особенности ввиду маниакальной фиксации фюрера на «решении еврейского вопроса», но выводы, которые можно извлечь из «Шоа», не замкнуты в национальных рамках, а имеют всеобщую ценность.

Я СНЯЛА БЫ КАРТИНУ О ТЕХ, КТО ПОЗВОЛИЛ СВЕРШИТЬСЯ ЗЛУ

Υέεα Ἰ ἐὸ ἐεία, ἐπέυῖνὸ αἰαἰ, ἀὰὸ ἰδ ἐ ἰδῖ ἀρῖαδ αἰέοι αἰ ὀαἰῖῖ ὑὸ ὀεἰῖῖ ἰά ἐ ὀαἰἰ ὀῖ ἄἰἰ ἰ

– Юрий Олеша, посмотрев «Войну и мир» Сергея Бондарчука, писал, что, если бы ему довелось снимать фильм по роману Толстого, он бы начал с того, как Пьер Безухов рассказывает историю своей любви капитану Рамбалою. Если бы вам предложили снимать фильм о Катастрофе, с чего бы вы начали?

– Я бы снимала документальное, а не игровое кино, потому что только документы, только живые свидетельства и только факты убеждают нас в масштабах происходящего. Фильмов о Холокосте снято множество. Какие-то рассказывают о судьбе одного человека, как документальная лента Алексея Федорченко «Давид», какие-то – о тех, кто был ребенком и уцелел, как картина Павла Чухрая «Дети из бездны», какие-то – о судьбах сотен спасенных, как, например, «Список Киселева» Юрия Малюгина. И всякий раз нам предъявляются все новые и новые доказательства низости и зверств одних и величия и стойкости других. А с чего бы я начала свой фильм? Я бы, пожалуй, сняла картину о тех, кто промолчал, кто позволил свершиться злу и, таким образом, способствовал его появлению и распространению в мире. Здесь были бы и главы государств, которые все знали, но ничего не делали, чтобы прекратить уничтожение еврейского народа. Но еще больше меня бы интересовали отдельные граждане – свои, советские, те, кто по доброй воле выдавал, пытал и казнил, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Ведь далеко не все из этих палачей понесли наказание после войны. Многие преспокойно доживали до своей старости. А может быть, живут и сейчас. Интересно было бы с ними поговорить. У Ланцмана много об этом в картине «Шоа». Но мне думается, эта тема неисчерпаема.

– Геббельс обещал двести тысяч марок тому, кто доставит Левитана живым в Берлин. Гитлер назначил за голову Мессинга баснословную сумму в миллион рейхсмарок. Думаю, что, если бы оба посмотрели «Обыкновенный фашизм», цена за голову Ромма тоже бы впечатлила. На мой взгляд, если чего-то ланцмановскому фильму и недостает, так это памфлетности, иронии, которая хотя бы на время загнала фашизм в землю. Странное дело, правда о великой человеческой трагедии у Ланцмана оказалась пропорциональной росту значимости ее виновников – совершенных ничтожеств. Как вы думаете, режиссер такого уровня, как Клод Ланцман, приступая к работе над «Шоа», мог не знать о существовании «Обыкновенного фашизма» Михаила Ромма?

– Трудно сказать, знал он или нет. Но даже если и знал, каждый режиссер снимает свою картину. «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма вышел в 1965 году и был для своего времени шокирующим откровением. Но все-таки эта картина снята советским режиссером, не свободным от идеологических пут и запретов, которые давили на любого художника того времени. Фильм Ланцмана появился через 20 лет в 1985 году и снят человеком, не знавшим давления государственной идеологии. И потому его фильм изначально должен был быть иным. Он и стал другим. Но один без другого существовать в истории Холокоста, как и в истории мирового кинематографа, просто не могут.

– Гуляя по Интернету в поисках сведений о современном фашизме, я был немало удивлен обилием всевозможных его форм. Кто ряженые, кто настоящие? Какого фашизма нынче только не существует, с кем и с чем его не связывают. Антифашистские сайты мало чем отличаются от своих оппонентов. Говорит ли все это о перерождении фашизма? Стоит ли нам бояться этой нацистской чехарды? И не кажется ли вам, что кого-то она устраивает?

– Фашизм всегда появляется в смутное, переломное время. Россия – страна, которая всегда на перепутье, всегда в начале какого-то пути, всегда живет будущим и никогда – настоящим. В этой неустойчивой нестабильной ситуации очень хорошо ловить на крючок неустроенных, не нашедших себя в очередное смутное время граждан и обещать им золотые горы. И в этом занятии преуспели как фашисты, так и антифашисты. Думается, бояться не нужно ни тех, ни других, поскольку, по моему убеждению, обе стороны иницируются определенными государственными органами для поддержания

– Могу согласиться с вами лишь отчасти. Согласен, что Ланцман широкой публике известен именно как автор одной большой состоявшейся вещи, можно сказать культовой, – «Шоа», но ни в коем случае нельзя упускать из виду, что он снимал еще другие фильмы, не менее состоявшиеся, и писал замечательные тексты. Ланцман очень важная, я бы даже сказал, знаковая фигура во французском интеллектуальном мире, во французском обществе. Он главный редактор журнала «Новые времена», основателем которого, если вы помните, являлся Жан-Поль Сартр. Сартр создал журнал после войны и был его первым главным редактором, вторым стала Симона де Бовуар, третьим – вот уже более двадцати пяти лет – является Клод Ланцман. Журнал этот и сегодня занимает ведущее место, может быть, его влияние на французскую интеллигенцию, франкоговорящее общество, не столь сильно, как во времена его создателя, но все же вполне ощутимо. И в этом главная заслуга Клода Ланцмана. В уходящем году он издал свои мемуары, которые вышли под названием «Патагонский заяц». К сожалению, российский читатель пока еще не может с ними познакомиться: «Патагонский заяц» не переведен на русский. Если бы он имел такую возможность, уверен, знакомство с творчеством Клода Ланцмана и с ним самим стало бы глубже. В этой книге вся жизнь Ланцмана. Он описывает, как скрывался от немцев, будучи евреем, как воевал во французском Сопротивлении во время оккупации, как решил продолжить учебу в Париже, как познакомился со знаменитыми французскими интеллектуалами, среди которых, конечно же, были и Жан-Поль Сартр, и Симона де Бовуар. Кстати, он достаточно подробно описывает, как повлияла на него книга Сартра «Портрет антисемита». Ланцман пишет, что, именно прочитав эту книгу, понял, что такое быть на самом деле евреем – и Сартр поддерживал его в этих поисках. Позже Ланцман на некоторое время уехал в Израиль и там, на Святой земле, Шоа стала восприниматься им как тема всей жизни. Ростки фильма «Шоа» начали пробиваться именно тогда. Тут следовало бы еще заметить, что «Патагонский заяц» не просто исповедь человека, художника, прожившего долгую и яркую жизнь. Ланцман – прекрасный писатель, со своим уникальным стилем и языком. Его мемуарный труд можно сравнить с такими известными образцами этого жанра, как воспоминания Шатобриана или Руссо, настолько это, поверьте мне, высококачественная литература. Он также рассказывает о Симоне де Бовуар, вообще о женщинах, о своих романах, которых у него было немало даже по французским меркам. Очень важное место в книге занимает и война в Алжире. Ланцман был против этой войны. Не знаю, как кому, но мне, когда я читал «Патагонского зайца», вторая половина XX века становилась более ясной, более понятной.

– Не знаю почему, но больше всего в «Шоа» меня проняла сцена из второй части с парикмахером, я просто не знал, что мне делать: остаться зрителем или превратиться в самую паузу, которая вот-вот разнесет экран на шесть миллионов осколков. А какое место в фильме вы не можете забыть, какое не дает покоя вам?

– Знаете, сцена с парикмахером и мне не дает покоя. Кстати, в своей книге «Патагонский заяц», в которой последние сто пятьдесят страниц посвящены фильму «Шоа», Ланцман рассказывает, как находил участников фильма. Каким это было сложным и интересным предприятием. В поисках персонажей, несомненно, присутствовал и иррациональный момент. Некая высшая сила помогала Ланцману. Парикмахеру из Ченстоховы и сам Ланцман уделяет особое внимание. Рассказывает, как нашел его сначала в США и обещал снять, как только будет готов, как будет готова вся съемочная группа, но когда Ланцман приехал в Америку вновь, кажется, спустя два года, парикмахер уже уехал из США в Израиль. Так что Ланцману нужно было вновь искать его. И он нашел его дважды. Ланцман обратился в общество бывших жителей Ченстоховы и таким образом нашел его. Парикмахер был уже на пенсии. Однако Ланцман попросил его, чтобы

он «вышел на работу» – в Тель-Авиве в парикмахерской он стриг людей так же, как стриг их в Америке... Согласен, сцена, когда парикмахера одолевает немота, которую вместе с ним побеждают и режиссер фильма, и сотни тысяч зрителей, – очень важный момент, один из центральных в фильме. Но ведь есть в «Шоа» и другие очень сильные сцены. На меня, к примеру, большое впечатление произвело интервью с нацистом из Трешлинка. Помните, как Ланцман его спрашивает и как этот человек очень подробно, детально, нормальным, спокойным тоном рассказывает, что они делали с евреями и как самым главным для них было, чтобы евреи по пути в газовую камеру не узнали, не догадались раньше времени, куда их ведут, чтобы не было паники, и как они, конечно же, догадывались, и как оставались после них испражнения, потому что перед смертью человек должен очиститься от земного мира... А помните, как чуть ли не со скрытой иронией он рассказывает, как вели себя еврейские женщины за минуту до смерти, как собирали срезанные с них волосы... Когда я вижу эту сцену из фильма, я вспоминаю Хайдеггера, его философию «Sein zum Tode» («бытие для смерти»), именно так этот нацист и смотрит на идущих в газовую камеру: ему кажется, что ничего страшного не происходит, ведь смерть, по Хайдеггеру, есть конечная цель нашего существования, мы все испытываем «Todesangst» («влечение к смерти»). Страшно невероятно, когда человек нормальным человеческим тоном описывает такие ненормальные вещи, участником которых он был. Я считаю, работа Ланцмана в этой сцене, да и в других, сильнее, чем работа судей на Нюрнбергском процессе. Этот фашист даже не представляет себе, что находится на самом страшном суде – суде потомков. А помните человека из Варшавского гетто? Разве эта сцена уступает сценам с нацистом и парикмахером?.. А машинист локомотива из Трешлинка! А польские жители, которые рассказывают, что они все видели... А встреча Симона Трешника, который пел как тринадцатилетний мальчик и только поэтому выжил, со своими бывшими соседями – как его встречают поляки, знавшие его сорок лет назад...

– **Известно, что документальное кино Ланцмана, и в значительной степени «Шоа», повлияло на мировой кинематограф, причем не только на «холокостный»: до Ланцмана не знали, что можно так снимать, можно так относиться к киноленте, так расходовать ее. Как повлиял фильм «Шоа» на французский кинематограф, известный в мире своей подвижностью? Кто конкретно пошел в кильватере Клода Ланцмана?**

– «Шоа» действительно повлиял на французский кинематограф, и не только на французский. Можно сказать, что Ланцман создал новую кинематографическую школу: после него нельзя снимать так, как снимали до него. Вы даже не представляете себе, как, например, сцена с парикмахером была потом растиражирована в кинематографе. Ее цитировали неоднократно. Тогда это был новый подход к кино. Ведь, по существу, в фильме есть только места и люди. Время-пространство в «Шоа» организовано особым образом: Ланцман не показывает хроники, не цитирует документов. Хотя хроника в его распоряжении была, она могла бы создать атмосферу того времени, настроение... Но Ланцман умышленно не пошел на это, за что его и упрекали. Кинокритики не могли взять в толк, как можно снимать такой фильм и отказаться от кинодокументов, положиться только на человека – свидетеля и участника событий. Многие люди не идут на этот фильм, потому что боятся рассказов других людей. Хроники они бы побоялись в меньшей степени, вот в чем парадокс. Но ведь «Шоа» – фильм не только тяжелый, но еще и мастерски снятый. Смотреть его означает еще и получать удовольствие от таланта автора, от его мастерства. Люди должны понять, что ланцмановский фильм не является фильмом ужасов. Для Ланцмана такой подход неприемлем. И важнее важного для него не столько подход к самой истории, сколько к памяти человеческой. Он не просто снимал людей, он с их помощью воссоздавал картину прошлого, и мы наблюдаем за этим процессом на

протяжении всего фильма. Потому он и длинный. Ланцман мог бы остановиться, но он не останавливается, даже видя, что человек уже не в состоянии говорить. Это очень жестко, иногда даже жестоко: «Дальше, дальше, – говорит Ланцман парикмахеру, – вы должны нам рассказать». Благодаря этой жесткости, за которую ему также приходилось держать ответ перед кинокритиками, мы открываем для себя то прошлое, тот мир, который не могут нам дать кинодокументы, потому что сняты они в другое время.

– На пресс-конференции Ланцман говорил, что, когда в 1985 году вышел его фильм, негацианисты-антисемиты, отрицавшие факт Шоа, просто не знали, что им делать. «По телевизору мой фильм впервые показали в 1987 году, он прошел по Первому каналу французского телевидения. И негацианисты посходили с ума. Печатали листовки, расклеивали, рассовывали по почтовым ящикам... В листовках говорилось: “Откройте глаза, разбейте ваши телевизоры”. Они не только сами не хотели видеть истину, они мешали видеть ее другим». Господин Саньоль, чем отличается типичный французский антисемит от типично российского?

– К счастью, не могу сказать, что хорошо знаком с российским антисемитизмом и российским антисемитом. Знаю, что во Франции были тогда такие негацианисты-антисемиты, которые отрицали сам факт Катастрофы. Они не только не признавали Шоа, но делали все возможное, чтобы также поступали и другие. Раньше их было во Франции больше, теперь меньше. Но они есть, и не только в нашей стране. Фильм Клода Ланцмана снят без архивных документов, но сомнений в том, что люди – поляки, евреи, сами нацисты – говорят правду, ни у кого не остается. Шоа – факт, который нельзя отрицать. Почему этот фильм не показали по российскому телевидению, я не знаю. Может, кто-то считает, что общество еще не созрело для правды, может, тут какие-то политические соображения, не знаю. Думаю, что в любом случае вам, задавшему этот вопрос, виднее.

ОТРИЦАТЕЛЕЙ ХОЛОКОСТА НЕ УБЕДЯТ НИКАКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Ναὶ αἱ χὰδί ὑέ, ἐπὶ ἰδέε, αὐδὶ ἀέεπὸ

– Может ли фильм, в основе которого лежат только воспоминания участников трагедии и ее соглядатаев, считаться историческим документом? Вообще, какая печать должна стоять на исторических документах, чтобы отрицатели Холокоста наконец изменили свою позицию?

– Воспоминания очевидцев, по-моему, вполне достоверный исторический документ, на основании которого может быть создан фильм, написана книга и так далее. Естественно, на него должны распространяться те же правила критики источников, что и на остальные документы. Что же касается отрицателей Холокоста, то этих людей не убедят никакие документы – они упрямо будут говорить, что документы написаны под давлением еврейского лобби, неправильно истолкованы, сфальсифицированы и так далее – как они, собственно, говорят сейчас об огромном массиве документов, повествующих о Катастрофе.

– **Когда вышел фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», бельгийская королева отдала распоряжение, чтобы все школьники страны его посмотрели. В России фильм Клода Ланцмана не пошел даже «вторым фронтом» с купюрами. Чего боимся?**

– Скорее не боимся, а не желаем перегружать население лишней, с точки зрения чиновников, информацией. Есть у нас четкая версия того, что было во время второй мировой войны, с кем нацисты расправлялись – и ладно. Никаких дополнений не надо. Впрочем, остается надеяться, что признание факта того, что немцам весьма активно содействовали коллаборационисты различных мастей, постепенно переползет латышскую и украинскую границы и утвердится в России.

– **Следует ли историку Холокоста временами уклоняться от постановки «больших исторических вопросов», ведь известно, что сначала человек уходит от всего, что грозит превратиться в идеологию, затем, когда становится тяжело нести бремя ответственности, занимает позицию либо «за», либо «против», так ему и удобнее, и безопаснее?**

– Холокост представляет собой такое явление, при исследовании которого уклониться от больших исторических вопросов невозможно. Собственно, без ответов на эти вопросы невозможно и проведение сколько-нибудь масштабных исследований, поскольку вопросы играют роль несущих опор при подобных исследованиях.

– **Когда Клод Ланцман снимал «Шоа», ему самому приходилось искать уцелевших жертв, рассказы которых были основным документом. Эра Интернета изменила подходы в изучении Катастрофы? Что стало сложнее, что легче?**

– Всемирная паутина существенно облегчила жизнь исследователей. Теперь, не выходя из-за стола, можно ознакомиться с листами свидетельств в «Яд ва-Шеме», посмотреть свидетельства, собранные Фондом Спилберга, фотографии из коллекций, собранных исследователями Холокоста. Это также облегчило поиск свидетелей Холокоста – появилась возможность найти их адреса, размещать объявления о списке людей на популярных ресурсах и так далее. Впрочем, это все больше актуально для Европы и США. Что же касается постсоветского пространства, где большинство живых еще свидетелей Катастрофы живут в сельской местности или небольших городках, то здесь ситуация остается неизменной несмотря ни на какие технические новинки: исследователь, занимающийся oral history, прежде всего должен полагаться на свои ноги.

История человечества – величайший из сочинителей, чудом уцелевший рассказчик-свидетель, увлекающий за собою поколения людей от одного события к другому. События эти, обрываясь на том месте, где, казалось бы, самим сюжетом им уготована классическая романная концовка – выход из лабиринта, – незримо перетекают из одного незавершившегося века в другой, из одной страны в другую, по ходу меняя

языки, народы и героев. Остается лишь записывать за ней или снимать бесконечно долгий фильм, как это сделал режиссер Клод Ланцман. Участник французского Сопротивления и последователь Жан-Поль-Сартровского экзистенциализма, Ланцман знает склонность Большой истории к мистификациям и забвению, под маской которых скрывается абсолютное зло. Зверь подкарауливает нас везде, особенно там, где волею Всевышнего решается судьба очередного Нового времени.

Вы читали? [Из нашей почты // 2010. №1](#)

Реакция. Уважаемая редакция!

Я, бывший узник гетто, партизан и инвалид ВОВ, выражаю свое возмущение публикацией в вашем журнале письма политзаключенного Бориса Стомахина. Этот неадекватный еврей, призывающий в интернете убивать русских, поддерживающий теракт на Дубровке, теперь вступил в полемику с Матвеем Ганапольским и снова, в который раз, высказывается в защиту бендеровцев, у которых руки по локоть в еврейской крови. Снова обвиняет Россию в голодоморе на Украине. Все это старое, все это уже было. А вот вам и новое. Этот молодой еще человек критикует Нюрнбергский процесс 1946 года над немецкими фашистами, считая его организованным Сталиным, цитирую: «при жалком и позорном участии западных демократий в роли статистов». В лояльном правительству журнале, имеющем соответствующую лицензию, автор пишет о «государственном фашизме», «великодержавном шовинизме» и прочих грехах существующей власти. По моему разумению, какая бы ни была власть, она – не антисемитская. Об этом все время говорит главный раввин России Берл Лазар. Зачем такое письмо надо было публиковать в еврейском русскоязычном журнале?

איאע נ, עי אדמא

Наш ответ. В рубрике «Из нашей почты» мы публикуем письма читателей, как правило дискуссионные, по возможности широко представляющие спектр мнений, тем более когда речь идет об откликах на материалы нашего журнала.

Публикация писем в нашем издании отнюдь не значит, что редакция разделяет те или иные мнения, в них высказываемые. Мы стремимся к тому, чтобы дискуссия по важным для общества проблемам проходила полноценно, с учетом множества взглядов, в том числе радикальных.

Публикуя письмо Б. Стомахина, мы рассчитывали на реакцию наших читателей. Ваше письмо подтвердило наши ожидания, наверняка оно окажется не единственным.

Вы читали? *Матвей Ганапольский.* [Зло как товар // 2009. №10](#)

Реакция. Уважаемый г-н Ганапольский!

Вы правы, жизнь поставила перед нами новый вопрос. Как вы относитесь к тому, что наших детей из России за подобную идеологию судят в Израиле? Там был реальный «Арбат», когда их поместили в тюрьму, пришлось изолировать и охранять. Осудили. Потом раскрыли другую группу: намеревались взорвать «Яд ва-Шем». Об этом написано в «ЕС» в текущем году. Вопрос риторический, скорее – ЧП! Прочитала в журнале «Лехаим», что самый большой недостаток у человека – равнодушие. Решила избавиться хотя бы от одного.

В. Дудник, п. Краснообск

Реакция. Вы пишете, что представили себе, как на Старом Арбате продают куклу Гитлера. «Интересно, продавца линчевали бы сразу или дали б позвонить домой, попрощаться?» Господин Ганапольский, скажите на милость, кому на Арбате есть дело до какой-то там куклы Гитлера, все равно каких размеров? Я сам видел, как возле Исторического музея продавали националистическую литературу. И тот, кто продавал, не казался мне смельчаком.

Ài èòðèé, Í ìñáì

Вы читали? *Марина Топаз.* [Владимир Молчанов: «Я думал о вас...» // 2010. №](#)

1

Заранее трудно предугадать, сколько писем окажется в Гостевой книге журнала за месяц и какие именно статьи вызовут отклик. Единодушных откликов с разных концов света на беседу Марины Топаз с Владимиром Молчановым оказалось так много, что мы решили сделать из них небольшую подборку.

Реакция. Давно уважаю Молчанова как журналиста. Из этой статьи узнал много интересного, подумал: как нам в наше время не хватает таких вот Молчановых – настоящих людей, честных, по-своему праведников. Желаю Молчанову счастья и успехов в благородной работе!

Nisson, Los Angeles

Спасибо, уважаемый Владимир, за все, что Вы сделали, чтобы сохранить память о погибших в гетто невинных людях! Низко кланяюсь Вам.

Л.А. Короб, Москва

У меня нет слов, чтобы выразить благодарность человеку, который, несмотря на наши непростые времена, верит в справедливость, в добро и делает то, что составляет смысл жизни нормального человека. К сожалению, большинство людей занято повседневной мишурой. Спасибо за то, что напоминаете нам: мы все-таки мыслящие существа.

Стелла, Нюрнберг

Замечательный человек! Смелый. Счастье наше, что есть и такие люди!

Леонид Шерман, Seattle WA, USA

Мне очень понравилось то, что делает Владимир Молчанов. Надеюсь, когда-нибудь он заговорит и о нашем поколении, о поколении евреев, которых в институты не впускали (особенно на Украине), на работу не принимали (особенно в 60-х и 70-х), вынудили эмигрировать и не впускали обратно увидеть оставшихся в Советском Союзе родителей или детей, семью. Никто не говорит о горе разорванных семей и трагедии нашей еврейской иммиграции.

Alla, Hillsborough

Не было в гетто мелодий. Были стоны под музыку! Спасибо Молчанову за правдивую картину. С неудачным, к сожалению, названием...

Матис, Рига

Как еврейка я благодарна судьбе, что у нас есть такие друзья, как Молчанов, и очень надеюсь, что он один из многих.

Стелла, Ramot Meir

РАССКАЗЫ О БААЛЬ-ШЕМ-ТОВЕ

Оי הוֹיִם עִינֵי אֵיִן

Его служение и учение Торы

Семьдесят языков

Рассказывал престарелый хасид реб Берл Липилис, внук святого учителя рабби Лейба Шаргеса, да будет и в мире грядущем благословенна память праведника и святого, со слов своего святого прадеда, который сказал однажды: «[Как-то] был я у Бешта всю субботу, к третьей трапезе, когда все его святые великие ученики сидели за столом своего учителя Бешта и ожидали его прихода, они условились между собой спросить своего учителя Бешта по его приходе о том, что сказано у наших мудрецов, благословенной памяти (Сота, 36): “Пришел Гавриэль и преподавал Йосефу семьдесят языков”, чтобы разъяснил им эту вещь, ибо непонятно: ведь в каждом языке несколько тысяч слов, а если взять все семьдесят языков вкупе, выйдет всех слов и выражений без числа и счета, и невозможно человеческому разуму постичь все это за одну ночь в течение считанных часов. И было условлено меж ними, что святой учитель рабби Гершон из Кут, благословенной памяти, – шурин Бешта, – что он будет тем, кто задаст вопрос Бешту, когда тот придет за стол. По приходе Бешта вопрошающий задал вопрос: “Да разъяснит нам учитель наш речение наших мудрецов, благословенной памяти: „Пришел Гавриэль и преподавал Йосефу семьдесят языков“, как объяснить сказанное с точки зрения разума, ведь в каждом языке несколько тысяч слов?..” Закончил вопрошающий свой вопрос и замолчал. И стал учитель Бешт говорить слова Торы, но казалось, они не имеют отношения к делу. И был пространен в своих святых речах, но посреди его слов – слов Торы – начал святой учитель рабби Яаков-Йосеф из Полонного, благословенной памяти, стучать рукой по столу и говорить такие слова: “турецкий, татарский, греческий, английский, русский, волынский” и так далее и тому подобное, то есть как бы благодаря святым словам Торы его учителя Бешта, да будет благословенна его память и в мире грядущем, постиг источник и корень всех семидесяти языков. И не мог сдержаться Йосеф, и стучал рукой по столу, и все произносил святыми своими устами “турецкий, татарский...”, то есть как бы постиг знание всех этих языков, и мысли претворялись у него в слова, слетавшие с его уст на языках [разных] народов, то на одном, то на другом. Так он продолжал все то время, что Бешт говорил слова Торы. Когда же Бешт, благословенной памяти, закончил говорить слова Торы, прекратил повторять свое и рабби из Полонного, благословенной памяти. А после всего этого открыл учитель Бешт рот и сказал так: «И говорил он о деревьях...» (Млахим I, 5:13), – имея в виду, что не осталось у них больше сил для постижения языков после того, как он закончил говорить слова Торы».

(Сипурей цадиким а-хадаш,
раздел 3, лист 3:71)

Трапезничающие за его столом

Бешт, бывало, говорил, что всякому, кто удостоился провести субботу у него дома и вкушать трапезу за его столом, он дает снадобье жизни, избавляющее от всех вожделений и в дальнейшем влияющее на человека так, чтобы он и у себя дома мог блюсти себя в святости и чистоте. И так, людское целительство приводит к излечению больного от болезни, которая уже была, но на будущее [человеку] все равно следует остерегаться, чтобы его болезнь не вернулась к нему; тем-то и хороша сила праведника за чистым его столом, что он дает человеку охрану на будущее, спасая его от всякого зла.

(Тиферет Шломо, раздел Итро;
Дерех эмуна у-маасе рав, с. 91;
Мазкерет шем а-гдолим, 202;
Маасийот у-маамарим йекарим, 9)

Во время, когда святой [его] стол бывал накрыт, дом не запирался, но ни один человек не осмеливался войти туда без разрешения. И к каждому кануну субботы он составлял [цетл](#)^[1] пришедших гостей и записывал, кто сядет за стол, а кто нет.

(Кеаль а-хасидим а-хадаш, 6)

Меркевет а-Мишна

Со слов Бешта, благословенной памяти, [рассказывают], что [как-то] он остался на субботу в одном городе, где жил ярый противник книги Меркевет а-Мишна^[2], и тот рассказал притчу о царе, возжелавшем, чтобы изготовили для него такое снадобье, чтобы жить вечно, и все врачи сбились с ног, потому что хоть и находился один, кто был готов пользоваться царя так, чтобы тот прожил на десять лет больше, чем положено ему было природой, и тому подобное, но средства для вечной жизни не находилось. И пришел

один убогий, и сказал: «Я сумею дать ему вечную жизнь». И дал ему совет, чтобы тот избрал для себя путь смирения, ибо что мудрости служит венцом (как сказано: «Начало мудрости – благоговение пред Г-сподом»^[3]), то смирению служит каблуком (как сказано: «За смирение, страх пред Г-сподом...»^[4]), и так будет жить вечно^[5]. И стал царь вести себя смиренно. Что же он делал? Когда желал ехать в царской колеснице, велел, чтобы колесница ехала впереди, а сам шел за ней пешком. Сказал ему убогий: «Не таков путь. Ты сиди в колеснице, но проявляй смирение, а то смирение, что в сердце, – самое трудное». А мораль ясна.

(Сифтей цадиким, Лемберг, 1874;
издано рабби Менахемом-Мендлом Зегилем)

Глаз видящий

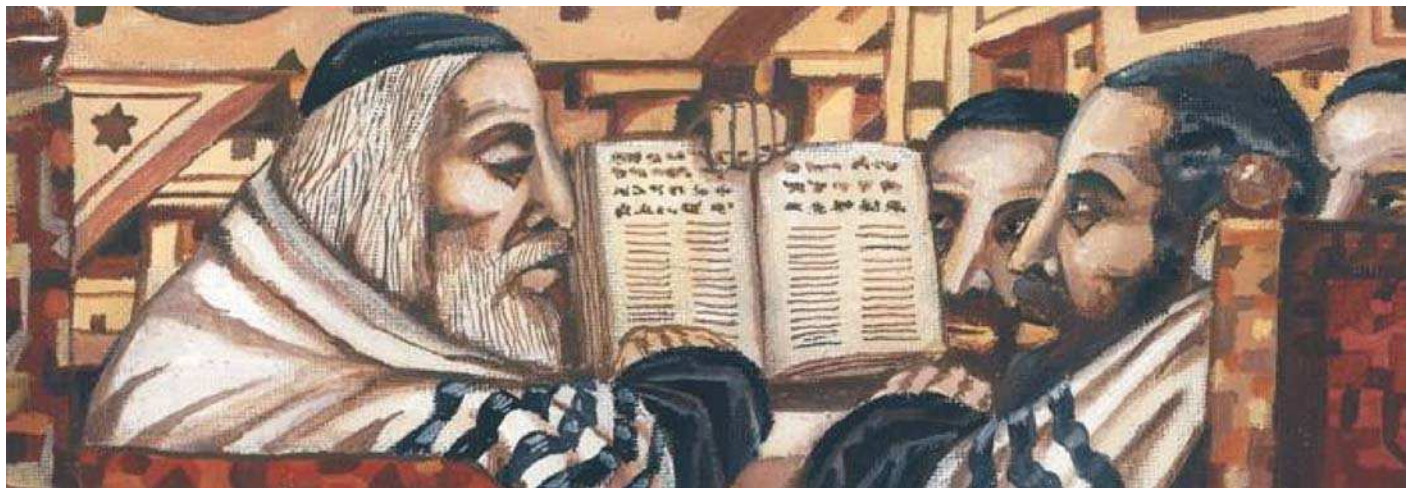
«Знай, что выше тебя, – глаз видящий и ухо слышащее, и все дела твои записываются в книгу» (Авот, раздел 2, мишна 1). Знай, что выше тебя, – дни, которые выше тебя, это времена Первого и Второго храма. Глаз видящий – во времена Первого храма: смотрели на урим и тумим и видели, что должно произойти. Ухо слышащее – во времена Второго храма, когда прибегали к помощи небесного гласа (бат коль). А «все дела твои записываются в книгу» – даже и теперь, во время горького изгнания, праведник может знать все, ибо все дела записаны в книге. Это то, что сказал Бааль-Шем-Тов, благословенной памяти: «Когда праведник открывает книгу, он видит все».

(Сифтей цадиким, раздел Беар, со слов Магида из Козниц)

Сокрытый свет

Когда учителю нашему Рибашу задавали вопрос о чем-нибудь, он открывал книгу Зоар или Гемару, изучал [написанное там], а затем отвечал спросившему. Говорил, что в свете, созданном Пресвятым, да будет благословен Он, человек прозревает мир от края и до края. А где он его, [свет], сокрыл? Для праведников в Торе. И когда праведник учит Тору ради нее самой, он прозревает и видит мир от края и до края. Это то, что мы учим (Авот, 5:22): «И зри в нее (в Тору), [и увидишь мир] от края и до края».

(Нощар хесед, раздел 5;
Маасийот у-маамарим йекарим, 6)

Писал святой учитель рабби Яков-Йосеф из Полонного в своей книге Порат Йосеф, и вот его слова: «Приводится в Мидраш а-неэлам на конец книги Эйха: “Пока не померкло солнце и свет, и луна, и звезды” (Коелет, 12:2), вот те ученые люди, которые были в Святой земле, все те танайи и аморайи... и когда они стояли все вместе, один говорил другому слова, что исходили из уст его: “Видел я, что сегодня или завтра будет так и так...” И подобное я слышал от учителя моего[6], да будет благословенна память его, когда кто-нибудь изучал Мишну, он говорил ему о том, что произойдет в будущем в земном мире, как об уже свершившемся событии и т. п.».

А вот этот рассказ приводится в книге Шивхей а-Бешт так: «Слышал я от сего раввина святых общин Полонного и Немирова, а это святой учитель рабби Яков-Йосеф, который толковал написанное в Зоаре по-новому... А я слышал о Беште, что, когда тот слушал кого-нибудь, толкующего какую-либо мишну, он знал заранее, что будет в конце толкования. Однажды я приехал в святую общину Бродов[7] и не застал рабби Гершона[8] дома, ибо он куда-то уехал. Но тем временем рабби Гершон приехал домой. Сказал сын рабби Гершона своей матери: “Весть у меня для тебя, что заковали того проходимца в железные цепи”. Сказал ему рабби Гершон: “Говорил же мне в прошлом году зять мой рабби Исраэль, что так будет. Я толковал одну мишну, и сказал мне Бешт: „Знаешь ли ты, что выучил?“ Сказал я: „Знаю я“. Полагал же, что он имеет в виду простой смысл мишны – пшат, а он сказал: „Ты узнал две новые вещи, два ненавистника есть у тебя здесь, один помирится с тобой, второго же ждет великое падение“». Так и было, когда рабби Гершон пошел поздравить в праздник досточтимых людей, проходил перед домом одного из своих врагов, тот же послал своего зятя и просил, чтобы [рабби Гершон] зашел в его дом, и примирился с ним».

(Маасийот у-маамарим йекарим, 5)

[Бешт и его шуриин рабби Гершон из Кут]

Это я слышал из уст великого светоча, праведника рабби Гдальи, раввина нашей общины. Однажды Бешт попросил на время книгу Зоар у раввина святой общины Кут. По дороге домой встретился ему его шуриин рабби Гершон. Спросил его: «Что это у тебя за пазухой?» А [тот] не сказал ему. Слез рабби Гершон с телеги, и вынул у него из-за пазухи книгу Зоар, и забрал ее у него. И сказал изумленно: «Неужто тебе нужна книга Зоар?» Потом пошел Бешт в город помолиться в бейт мидраше. Во время молитвы горько вздыхал. После молитвы спросил его рабби Моше, раввин святой общины Кут: «Что это, я слышал, ты горько вздыхал во время молитвы?» Стал его путать и сказал ему: «По правде, вздохи эти шли от сердца». Наконец, сказал ему: «Мезуза испорчена». [Тот] проверил и нашел, что она испорчена. Дал ему книгу Зоар и благословил, пожелав, чтобы [по дороге] его не встретил рабби Гершон.

(Шивхей а-Бешт, 24)

Слышал я от своего тестя, благословенной памяти, что была у него, у Бешта, лошадь, и украли ее у него. Рабби Гершон стал укорять его. Вырвалось вдруг у него: «Вернут мне лошадь». Посмеялся над ним рабби Гершон. И всякий раз, когда он приезжал в город, рабби Гершон задирает его, спрашивая: «Исраэль, а лошадь-то вернули тебе?» Спустя год приехал один иноверец верхом на той самой лошади, и постучал в окно, чтобы дали ему огонька раскурить трубку. Узнал Бешт свою лошадь и сказал: «А ведь это моя лошадь». Слез иноверец с лошади и вернул ее Бешту.

(Шивхей а-Бешт, 25)

[С легкостью входит в рай]

Досточтимый староста Яков Гольдгамер из Дукли^[9] жаловался Бешту на сына, реб Гирша, прозываемого Гершкой, что не усерден в учении. Ответил ему Бешт, чтобы оставил сына в покое, и удостоится увидеть от него сынов сыновей, которые станут светочами Торы во всем мире. А занимался реб Яков Гольдгамер торговлей вином. И реб Гершке тоже был торговец вином. И перед смертью составил реб Гершке завещание о своем наследстве. И завещал отдать свою трость – серебряную свою трость – праведному рабби Менделе из Риманова. Когда принесли тому трость, сказал праведный рабби так: «Сколь же велико было преуспевание реб Гершке, что благодаря успеху своему он с легкостью входит в Райский сад».

(Атерет Менахем, 56)

[Вся Тора за один час]

Один раз был Бешт в доме язычников, и там занимались идолопоклонством, когда же Бешт вышел оттуда, сказал своим ученикам, что [теперь пребывает] он в великой радости, потому как за один час исполнил все [заповеди] Торы, ибо закон приравнивает идолопоклонство к калу, а запрещено размышлять о словах Торы в отхожем месте, и то, что он удержал свой разум от размышлений о чем-либо из слов Торы, должно считаться, как если бы исполнил все [заповеди] Торы.

(Цемах Давид, раздел Ваишлах; Таамей а-минагим, последняя тетрадь [кунтерес аарон], 101)

Третья трапеза

Однажды Бешт остановился на субботу в одной деревне. Когда подошло время третьей трапезы, собрал деревенский фактор^[10] несколько человек и сидел за столом, ел и пил с ними и премного усердствовал в услужении и угощении их. Увидел Бешт, что Небеса споспешествуют ему. После трапезы спросил его Бешт: «Отчего ты счел нужным истратить столько денег на третью трапезу?» Сказал ему: «Я слышал, как Б-гобоязненные люди говорят: “Да отлетит душа моя среди сынов Израиля, когда придет срок мой”, и еще слышал, что в субботу у каждого из Израиля прибавляется одна душа, а на исходе субботы она отлетает от него, вот и я говорю: “Да отлетит прибавленная моя душа среди людей из Израиля”, потому и собираю людей-израильтян на третью трапезу, чтобы прибавленная моя душа отлетала среди них». Выслушал это Бешт и порадовался этому.

(Маасе а-кдошим, 12)

Плата за [игру в] карты

Слышал я, что в одном свитке Торы вечно находили ошибку, раз за разом исправляли ее и, несмотря на это, [снова] находили ошибку в свитке. Показали этот свиток Торы Бешту. Сказал Бешт: «Этот свиток написан на деньги, что называют салдер гелд, то есть люди играют в карты и с каждого кона дают хозяину монету за пристанище, вот из тех монет он и заплатил переписчикам Торы». Проверили и выяснили, что это так. И сказал Бешт: «Этот свиток веками не исправить, и сколько бы его ни правили, он не перестанет быть ущербным».

(Шивхей а-Бешт, 94)

Бешт не позволяет наложить херем на рабби Якова Эмдена

Во времена известной дискуссии между гаонами рабби Йонатаном Эйбешюцем и рабби Яковом Эмденом, да будет благословенна их память, собрались мудрецы Бродов, отстаивая сторону рабби Йонатана, и хотели наложить херем, упаси Г-сподь, на гаона рабби Якова Эмдена. И решение это уже почти совсем созрело. Почувствовал это Бешт и поспешил в комнату, где они собрались на великое бдение, и сказал: «Как вы можете учинить такое сыну автора Хахам Цви, да будет благословенна память праведника, ведь даже если бы Хахам Цви оставил после себя посох, то и посоху невместно было бы учинить такое. И решение сразу же было отменено.

(Кеаль а-хасидим а-хадаш, 8)

Проклятие

Учитель рабби Озер из Каменца^[11], сочинитель книги Лухот а-эдут, рассказывал, что святой учитель рабби Меир из Староконстантинова был сватом рабби Йозпе из Острога^[12] и он упомянут во вступлении к книге Барух ми-баним Ашер и в книге Шивхей а-Бешт. И вышла ссора между этими двумя из-за старосты рабби Йозпе. И учитель рабби Меир много сил прикладывал, чтобы восстановить между ними мир, но не выходило у него. И позвал Бешта, может, [так] сменит рабби Йозпе гнев на милость. Но и это не помогло. И проклял Бешт рабби Йозпе шестью проклятиями, и при каждом проклятии, которым проклинал его, говорил: «Что я сделаю? Подаяния, что делает рабби Йозпе, стоят как стена, защищая его». Вначале он видел деревянную стену, за ней – железную, за ней – медную, за ней – серебряную, за ней – золотую, а за ней – стену из камней сапир. И несмотря на это, проклял его Бешт, сказав, что не будет у него своего савана, а похоронят его в чужом. И сказал учитель рабби Озер, что проклятие Бешта исполнилось. Но не так, как Бешт имел в виду, то есть что по бедности не будет у рабби Йозпе своего савана, а потому, что он умер в праздник Шавуот, а потому вынуждены были взять для него саван у других людей.

(Шемен а-тув, 152)

Сын

Одна женщина пришла к святому Магиду из Козниц, да будет благословенна память праведника, и попросила у него, чтобы призвал милость [Г-сподню] на нее и [так] зачала бы она сына. Сказал ей Магид: «Матери моей тоже нужен был сын, и она пошла к Бешту, и просила у него, чтобы дал ей сына, а тот сказал ей: “А ты что мне дашь?” А она сказала ему, что она женщина бедная и нет у нее ничего, только одна одежда, что называют котинка^[13]. И сказал ей Бешт, чтобы принесла ему эту котинку, и будет у нее сын. Тем временем Бешт уехал в Меджибож, а мать моя, благословенной памяти, пошла домой, взяла ту котинку и отправилась из города в город, в великом волнении, пока не пришла в Меджибож к Бешту. Когда пришла к Бешту, он забрал у нее котинку, повесил на стену и сказал ей, что будет у нее сын и чтобы назвала его Израэлем, как его и зовут. Сказала та женщина Магиду, благословенна память праведника: «И я принесу вам свою одежду, чтобы был у меня сын». Сказал Магид: «Мать моя не знала ничего о котинке, сама по себе проделала все это, ты же слышала историю моей матери, благословенна память ее».

(Ликутим хадашим, 104)

Добрый совет

«Определил я путь себе: стопы свои направляю к свидетельствам Твоим»^[14] (Теилим, 119:59). Сказал господин наш, свет Израйля: «Положит себе человек встать в полночный час, а Злое начало, конечно, уготавливает ему ловушку, наводит на него сон и тому подобное, [в таком случае] совет ему: пусть проснется сначала для чего-нибудь, что связано с плотью, – сходит по надобности, займется телесными потребностями, а после этого [поступит согласно стиху] – “стопы свои направляю к свидетельствам Твоим”».

(Нетив мицвотеха, Швиль алеф; см. Кетер Шем-Тов, Хемед [в славутской версии], раздел 1, лист 9б)

Царство священников

«А вы будете у Меня царством священников»^[15] (Шмот, 19:6). Кажется, лучше всего толковать так, как я слышал от Рибаша, то есть от святого Бешта, который говорил, что, когда приходило время новомесячья нисана, а это – новый год для царей, он [Бешт] усаживал каждого ангела на [предназначенное] ему место, а когда видел какого-либо ангела, не бывшего праведным в глазах его, назначал другого на его место. Так и следует толковать стих «И вы будете Мне царством священников» – говорит Пресвятой: «...вы будете назначать и мазать на царство прислуживающих Мне царей, по вашему усмотрению».

(Аводат Исраэль, друш ле-Шавуот;
Маасийот у-маамарим йекарим, б)

Святой Бешт говорил, что известно: на двенадцать первых дней месяца нисан назначается двенадцать ангелов, и каждый день один ангел определяет для каждого из месяцев грядущего года часы, которые будут благоприятны. И сказал святой Бешт: «Если то, что присудил ангел, не праведно будет в глазах моих, то я отстраню его от занятия его, и я же назначу на место его ангела лучшего, нежели он». И так он истолковал речение (Авот, 2:6): «Там, где нет людей...» – то есть там, где ангелы, именно потому, что нет там людей, – «старайся быть человеком» и направлять их к лучшему, амен. И это истолкование стиха «Месяц этот для вас...» (Шмот, 12:2) означает: в ваши руки дан он^[16].

(Биркат Авраам, Дварим аревим,
раздел 1, лист 5, рассказ 12)

Знаки

У святого учителя рабби Хаима из Красного имя жены было Хая. Однажды, когда он был у Бешта и пришел получить от того прощальное благословение, попросил Бешта, чтобы и во время поездки тот держал его в святой своей памяти и чтобы поминал и жену его праведницу, и сказал ему: «А знак на память тебе – “жена друга – как друг”[\[17\]](#)». Сказал ему Бешт: «Есть у меня знак получше, ведь гематрия Хаима и Хаи как у [слов] “Г-сподь Б-г”».

(Сипурим нехмадим)

[Избавление]

Один праведник хотел привести Избавление посредством усиления меры Суда по отношению к злодеям, и спросил его Рибаш, да охранят нас его заслуги, каким образом спасет он Израиль посредством усиления меры Суда, если они, [сыны Израиля], не совладают с ней. А это значит, что многие из Израиля оступятся и будут отвергнуты, не дай Б-г. И за то, что тот праведник забыл о спасении Израиля, получил он кару с небес.

(Дерех эмуна у-маасе Рав, с. 70)

[Мир воздаяния]

Рассказывал праведный учитель рабби Ицхак-Айзик из Комарно[\[18\]](#): «Слышал я от учителя моего и тестя, известного праведника рабби Авраама-Мордехая из Пиньчува[\[19\]](#), который рассказал мне со слов Б-говдохновенного нашего учителя Бешта, да охранят нас его заслуги, что однажды он увидел одного праведника и сказал ему, что в мире воздаяния смеются над ним, потому как праведник сей поражает своей праведностью и воздержанием, и аскезой, и чудесными озарениями, но примешалось ко всему этому намерение удостоиться духа святости. И из-за легчайшего этого намерения, направленного не на служение Г-споду, достигли все деяния его мира воздаяния, и там смеются над ним, мол, из-за такой малости он теряет достигнутую им ступень святости.

(Мазкерет шем а-гдолим, Менорат заав, 91)

Миньян

История о святом учителе рабби Аароне а-Леви, ученике автора книги Танья[20], который молился перед ковчегом в вечер святой субботы. После кидуша сказал он хасидам: «В час встречи субботы явился мне Бешт из высшего мира и сказал мне, что тяжелое испытание было суждено Израилю, да помилует нас Г-сподь, а он сделал так, чтобы взяты были десять праведников из этого мира в мир высший, дабы отменить приговор. Девять праведников он уже забрал в высший мир, теперь же спросил меня, не пожелаю ли и я быть в миньяне. И согласился я быть в миньяне». После этих слов лег святой учитель рабби Аарон на свою кровать и тотчас удалился из этого мира.

(Ликутим хадашим, 110)

Цель его сотворения

Слышал я от правдивых людей, что в час своей кончины сказал Бешт: «Теперь я знаю, зачем был сотворен».

(Гаамей а-минагим,
кунтерес ахарон)

Жертвенность

Незадолго до своего ухода из мира, [когда] оставалось ему еще два часа, сказал он, [обращаясь] к Г-споду, да будет благословен Он: «Эти два часа я приношу Тебе в дар. И это – истинная жертвенность».

(Мидраш Пинхас)

Его величие

Все истории, что рассказывают о нем, о Беште, да охранят его заслуги нас и весь Израиль, не [отражают] и тысячной части его величия, как мы учим из грозных величием и благолепием своим речений господина и учителя нашего, да пребудет душа его в небесных чертогах, и как написано в книге Ликутей аамарим, и как писал учитель наш рабби Менахем-Мендл из Святой земли, и вот его слова: «Поистине слово Г-сподне дано было Бааль-Шему, один он был такой, начиная с древних не восстал такой, как он, и после него – кто встанет [вровень] с прахом [его]?»

(Шивхей а-Бешт)

Сила его слов

Жители Меджибожа рассказывают, что всякий, кто слышал слова Торы из уст Бешта, запоминал их навсегда.

(Тиферет бейт Леви)

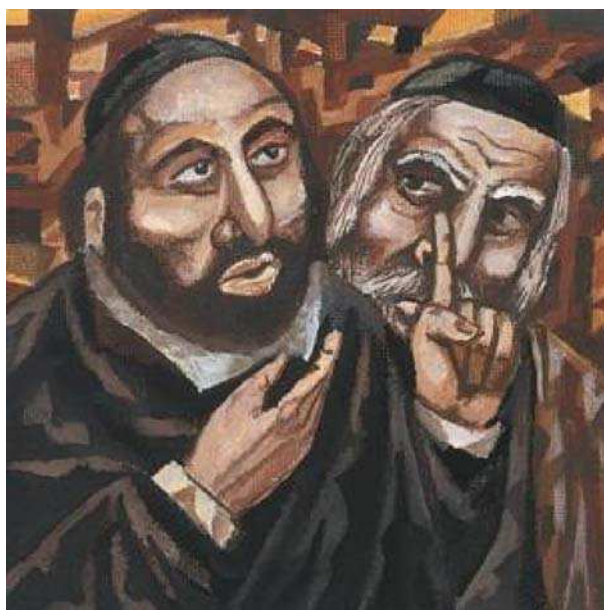
Восхваления праведников

Бешт говорил, что сказывающий о славных деяниях праведников как будто устройством Колесницы занят.

(Шивхей а-Бешт)

Отец мой, благословенной памяти, говорил мне: «Знай мое правило – я не передаю никаких рассказов о Беште, да будет и в грядущем мире благословенна его память, кроме тех, что слышал от отца моего, благословенной памяти, а это – то, что он видел своими глазами и слышал своими ушами [и что исходило] от светоча мира. Ибо в истории, которые рассказывают по миру, вкрадываются ошибки, и поэтому я осторожен и не рассказываю ничего, но только что видели мои глаза и слышали мои уши. Читатель должен знать сие – все истории, рассказанные в этой книге, истинны, как сами они, так и их толкования, ибо это то, что рассказал мне мой отец, благословенной памяти, и что он слышал от своего отца, а тот видел своими глазами и слышал своими ушами, и довольно сказанного.

(Квудат Яаков; Кегаль а-хасидим а-хадаш, 5;
Эмунат цадиким, 5)

Подложная книга

Однажды увидел Бешт черта, а в руке у него – книга. Сказал ему: «Книга эта, что у тебя в руке, что это?» Сказал ему: «Это книга, что ты сочинил». Понял Бешт, что есть кто-то, кто записывает поучения, которые слышит из его уст. Собрал всех своих людей и расспросил их, кто из них записывает его поучения. Встал один и признался, что он записывает. Сказал ему Бешт, чтобы принес ему записи. Принес ему. Просмотрел их Бешт и сказал: «Ни одного моего речения нет здесь».

(Шивхей а-Бешт)

Восхваления Бешта

Когда вышла книга Шивхей а-Бешт («Восхваления Бешта»), сказал праведный учитель рабби Йеуда-Цви из Стрешина: «И это вот восхваления Бешта? Все те знамения и чудеса, которые сочинитель книги ставит Бешту в заслугу, и мы можем явить, а вот страх [пред Г-сподом] и любовь [к Г-споду], которые были у Бешта, – это [подлинные] достоинства Бешта».

(Дегель махане Йеуда)

Действительное и возможное

Праведник рабби Ицхак из Несхижа, благословенной памяти, говорил: «Отец мой и учитель, благословенна память праведника, бывало, говорил: “Я не принимаю [всерьез] рассказы и байки, что рассказывают о праведниках, ибо в байках много вымысла вперемешку с ошибками, за исключением историй, что рассказывают о Беште, да будет благословенна его память, ибо даже если рассказанное и не происходило в действительности, Бешт был способен сделать все”».

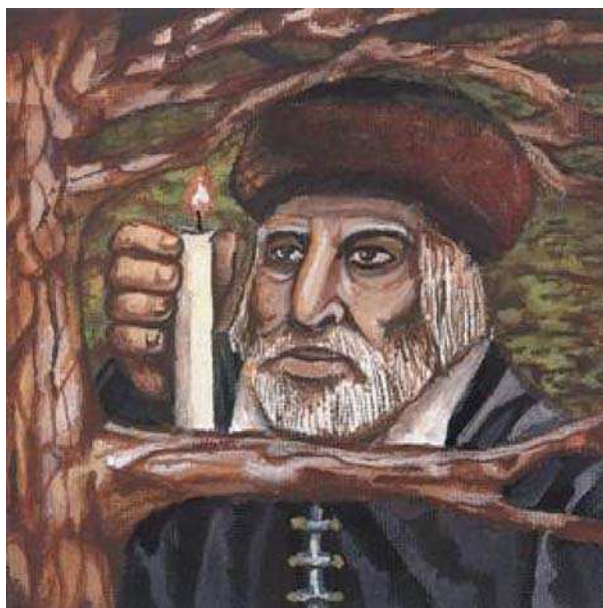
(Зикарон тов)

И [еще] я слышал от рабби Цви-Меира Рабиновича со слов его святого деда, сочинителя книги Тиферет Шломо, что тот, кто верит в истории книги Шивхей а-Бешт, – глупец, кто же отрицает [возможность описанного] в историях книги Шивхей а-Бешт, тот эпикорес.

Наказание

Слышал я от людей Святой земли, что, когда в Святой земле была чума, упаси нас Г-сподь [от такого], святой учитель рабби Мендл из Витебска затворился с миньяном евреев в своем доме, и во все время затворничества молитвы их были особенно глубоки; однако в святую субботу он, вопреки своему обыкновению, не говорил слов Торы во время третьей трапезы, но сидел за столом с друзьями, вслушивавшимися в его слова, и был с ним один старик из учеников Бешта, который рассказывал истории во славу Бешта. Однажды в субботу явился ему во сне Магид, да будет благословенна память праведника, и сказал ему: «Ведь ты ученик мой, отчего же ты не рассказываешь обо мне, восхваляя меня?» Подумав, согласился он говорить во время третьей трапезы слова во славу великого учителя нашего Магида. Когда начал он рассказывать о чудесах Магида, начал и старик рассказывать о Беште, он же прервал старика и тотчас понял, что, конечно, будет наказан за это. И так и случилось с ним: тотчас после трапезы был он наказан кишечным расстройством и спустя немного дней перешел в мир грядущий.

(Шивхей а-Бешт)

И это хорошо

После кончины Бааль-Шем-Това сидели избранные его друзья и рассказывали о нем истории и байки. За разговорами задремал праведник реб Цви, сын Бааль-Шем-Това. Увидел [во сне] святого своего отца, который сказал ему: «Почему рассказывают обо мне, говоря о чудесах, которые я творил? Что им пользы в том и что мне с того? Лучше бы рассказали о покорном служении моем Всевышнему в этом мире, да будет благословен Он, это было бы хорошо и им, и мне».

(Бейт Авраам Слоним)

Рассказывал святой учитель рабби Авраам из Триска^[21]: «Дед мой, святой учитель рабби Нахум из Чернобыля, благословенной памяти, был кумом святого и грозного учителя рабби Цви-Гирша, праведного проповедника святой общины Коростышева^[22], ибо сын его, святой учитель рабби Авраам, в честь которого я назван, был зятем моего деда рабби Нахума, благословенной памяти. Обычай же рабби Цви-Гирша в его служении были иными, отличными от обычаев хасидов Бешта, да будет благословенна память праведника. И в то время, когда святой учитель рабби Авраам был на иждивении своего отца в Коростышеве, наставляли его в обычаях отца, когда же уезжал рабби Авраам в Чернобыль и жил [там] на хлебах у деда моего, благословенной памяти, дед наставлял его в обычаях Бешта, да будет благословенна его память. И такое повторялось раз за разом, пока святой учитель рабби Цви-Гирш не умер. По смерти его явился он своему сыну и сказал тому: «Сын мой, при жизни моей я не наставлял тебя в обычаях Бешта, да будет благословенна память праведника, но в мире истины вижу я, что ничто не мило так в глазах Всевышнего, как обычай Бешта, да будет благословенна память праведника». И начиная с этого часа святой учитель рабби Авраам стал жить по обычаям учителя нашего Бешта, да будет благословенна память праведника.

(Биркат Йосеф,
Нью-Йорк, 5679 [1919], с. 53)

Земное зрение

Однажды стоял зять святого гаона рабби Менделе из Любавичей, да будет благословенна память праведника, в комнате своей тещи, жены рабби, и там на столе ее лежали молитвенник Корбан Минха[23] и книга Шивхей а-Бешт. Вошел рабби Менделе, а к напрасной трате времени он относился весьма строго. И когда увидел, что зять его стоит ничего не делая, спросил его: «Почему ты стоишь и ничего не делаешь?» Сказал ему: «Нет тут никакой книги, только молитвенник Корбан Минха». Сказал ему: «Но ведь есть тут еще одна книга». И указал ему на книгу Шивхей а-Бешт. Сказал ему: «Она мне не подходит». Сказал ему: «Все, что написано в восхваление Бешта, ничтожно по сравнению с величию Бешта». И [еще] сказал ему: «Слышал я от моего деда, а это – святой учитель рабби Шнеур-Залман, сочинитель книг Танья и Шульхан арух, что он слышал, как его учитель, великий Магид из Межирича, говорил: “Он, Бешт, обладал земным зрением, [позволявшим ему] видеть на четыреста верст в любую сторону, а реб Цви, сын Бешта, обладал земным зрением, [позволявшим ему] видеть на сорок верст в любую сторону. И это без учета духовного зрения, которое было беспредельно, но лишь одним земным зрением”».

(Маасийот у-маамарим йекарим)

[Измельчание поколений]

Святой наш учитель рабби Исраэль из Ружина рассказывал о [таком] случае из [жизни] Бешта, да будет и в грядущем мире благословенна память праведника. Однажды случилось, что возникла острая необходимость в спасении человеческой жизни, то есть единственный сын, очень хороший человек и тому подобное, и [Бешт] велел изготовить свечу из воска, пошел с ней в лес, прикрепил к дереву, и еще делал разное, и вершил единения, и всякое тому подобное, и добился спасения с помощью Г-спода, да будет благословен. Впоследствии такое же случилось у деда его[24], святого Магида, и он сделал то же самое, и сказал: «Тех молитв и тех единений, что были у Бешта, я не знаю, но сделаю все, подразумевая то же, что имел в виду Бешт», и снова было принято. А еще позже такой же случай был у святого учителя рабби Моше-Лейба из Сасова, благословенной памяти, и он сказал: «Нет у нас сил даже так сделать, вот я расскажу эту историю, и Г-сподь, да будет благословен Он, поможет», и так и было с помощью Г-спода, да будет благословен Он.

(Кнесет Исраэль, 23)

Перевод с иврита Сергея Гойзмана

[1] Список (идиш).

[2] «Колесница Мишны».

[3] Теилим, 111:10.

[4] «За смирение, страх пред Г-сподом – богатство, почет и жизнь» (Мишлей, 22:4). Игра слов: «за» и «каблук» здесь в оригинале совпадают.

[5] См.: Иерусалимский Талмуд, Шабат, раздел 1; Танхума, 1.

[6] От Бешта.

[7] Город Броды в Галиции.

- [8] Рабби Гершон из Кут.
- [9] Дукля – город в Польше, входит в Подкарпатское воеводство.
- [10] Арендатор.
- [11] Каменец-Подольский.
- [12] Город Острог неподалеку от города Ровно (Украина).
- [13] Одежда из кошачьих шкур. – Примеч. Ш.-Й. Агнона. Традиционная верхняя одежда, видимо, из меха.
- [14] Перевод М. Левинова.
- [15] Перевод А. Фейгина, И. Гиссера.
- [16] См.: Рош а-Шана, 22.
- [17] См.: Авода зара, 39.
- [18] Город неподалеку от Львова.
- [19] Город под Кельцем (Свентокшиское воеводство, Польша).
- [20] Алтер Ребе, рабби Шнеур-Залман из Ляд.
- [21] Турийск, Волынская область, Украина.
- [22] Коростышев, Житомирская область, Украина.
- [23] Молитвенник для женщин с переводом на идиш.
- [24] То есть у деда рабби Исраэля из Ружина.

ПОХОРОНЫ

וְאֵלֵי אֲדָמָה

Реб Тевеле Агрес, ширвинтский меламед, иной раз просиживал в своем уголке в Немом миньяне часами, погрузившись в оцепенение, или спал, положив голову на жесткий пюпитр. Проснувшись, он растерянно оглядывался и не мог понять, где он находится. Понемногу к нему возвращалась память, и тогда он нетерпеливо махал рукой: уже пора! Там, в истинном мире, ждут все его друзья и недруги; здесь у него уже почти никого не осталось. Ай, дети? Они подобны всем детям. Уже пора!

И на этот раз на небесах его услышали.

Однажды вечером, когда ученики реб Тевеле уже собрались вокруг стола, он все еще спал, положив голову на пюпитр. Евреи знали, что их ребе выходит из себя от гнева, если его не будят вовремя к уроку, который он проводит за столом. Один еврей деликатно тронул его за плечо – раз, другой – старик не шевельнулся. Он заснул навсегда и словно прирос к пюпитру, как пчела, замерзшая и покрывшаяся льдом прямо на цветке.

То, чего реб Тевеле Агрес ждал и не дождался при жизни, он получил после смерти. Виднейшие евреи старого поколения пришли проводить его в последний путь. Старые набожные обыватели в молельнях вспомнили, что ширвинтский меламед вел войну против просвещенцев в те годы, когда вожди поколения еще не видели угрозы, таящейся в образовании. Похоронная процессия должна была остановиться у Немого миньяна, где по усопшему собирались читать надгробные проповеди и речи. День был морозный, мороз резал лоб, как нож. Снег слепил глаза. Далекое солнце повисло как чужое в высоком, ясном, ярко-голубом небе. Виленские раввины надели меховые штраймлы^[1], шубы с бобровыми воротниками и медленными шагами направились на похороны. Из молельни Гаона, что в Синагогальном дворе, спустились десять избранных аскетов в жестких шляпах. Чтобы не замерзнуть, они втянули головы до самых ушей в поднятые воротники пальто, а нижнюю часть лиц вместе с бородами до самого носа укутали в шерстяные шарфы.

Весть о кончине ширвинтского меламеда достигла и богадельни и подняла с постелей стариков, давно уже не выходявших на улицу. С кряхтением и ойканьем медленно оделись и укутались в шубы бывшие мелаеды, евреи с выпадающими бородами и мутными, затуманенными глазами, непримиримые упрямы под стать реб Тевеле. Эти старые фанатики все еще препираются со своими противниками с соседних кроватей, бывшими просвещенцами – горстью сухих костей в пожелтевших кожаных мешках. Руки и ноги просвещенцев уже трясутся от старости. В теплые летние дни они лежат в своих кроватях и дрожат от холода. Но они не отступаются и по-прежнему считают, что следует подстригать бороды и пейсы, окорачивать лапсердаки, изучать русский язык и ремесла, а не жить на подачки. Дети и внуки, приходящие навестить старцев, рассказывают им, что времена изменились. По большей части евреи уже ходят без шапок, а не только с подстриженными бородами и в укороченных лапсердаках, открыто и без споров учат польский язык, а не русский, потому что власть теперь – польская. От страха перед новыми веяниями упорные, долгими годами не сдававшиеся просвещенцы начинают бормотать псалмы, как бабуси бормочут заговоры против дурного глаза. Но когда родственники уходят, старцы забывают то, что им рассказывали про изменившиеся нравы, и принимаются ругать руководителей Воложинской ешивы^[2], которые преследуют парней, изучающих русский язык. Для этих закоренелых просвещенцев Воложинская ешива еще не закрыта. Их мысль остановилась на допотопных казенных раввинах с заостренными бородками и жесткими воротничками. Перед их глазами еще стоят русские директора с закрученными усами из вымершей учительской семинарии Вильны. В их мозгу еще путаются выкресты, говорящие по-немецки. Но, услышав, что умер великий воитель, ведущий непримиримую борьбу против реформированного хедера, ширвинтский меламед реб Тевеле Агрес, просвещенцы сползают со своих кроватей. С огромным трудом они натягивают на свои тощие тела длинные широкие пальто, укутывают головы коричневыми башлыками и, опираясь на палки, отправляются на похороны.

Тощие лавочники стояли в узких как селедки дверях своих лавок. Торговки фруктами сидели на улице с корзинами своего товара, спрятав для обогрева под длинными платьями горшки с углями. Увидев, что со всех концов города евреи идут ко двору Песелеса, они сразу поняли, что евреи идут на похороны, и принялись выспрашивать, кто умер. Тут же по переулкам разнеслась весть, что в Немом миньяне большой праведник вернул Творцу свою святую душу, изучая Гемару. Чуть позже стали рассказывать, что праведник умер от голода. Мужчины и женщины громко возмущались на улицах: «Виноваты виленские раввины!» Уличная толпа, как эхо, вторила реб Тевеле Агресу, который тоже имел обыкновение кричать, что во всем виноваты виленские

равнины. Кто-то сказал в похвалу усопшему, что он расклеивал призывы в Синагогальном дворе, напоминая честным беднякам, как им подобает себя вести. Это еще больше понравилось публике, и торговки втащили корзины с товаром в свои квартиры, а лавочники на час закрыли лавки – все направились к Немому миньяну послушать поминальные речи.

Поминальную проповедь произносил реб Мануш Мац, которому утром пришлось сильно переживать из-за своего племянника. С тех пор как Сендерке пошел учиться в народную школу, еще не случалось, чтобы слепой дядя приставал к нему так, как на этот раз, прося проводить его на поминальную проповедь в молельню, а после этого отвести на кладбище. Хотя реб Мануш привык ходить на похороны и поминальные проповеди, кончину реб Тевеле он воспринял особенно остро. Ведь они изучали Тору в одной молельне, и оба имели претензии к этому миру. Они отличались лишь тем, что ширвинтский меламед кричал, а слепой проповедник вздыхал. В день похорон, утром, реб Мануш Мац убеждал племянника мягко и умоляюще:

– Ведь реб Тевеле заботился о тебе, как отец. Как же ты можешь не проводить его в последний путь?

Племянник с вызовом отвечал, что этот реб Тевеле Агрес и дядя тоже беспокоились о том, чтобы он не стал учащимся народной школы. Но о том, чтобы повести его к врачу лечить больные глаза, позаботился школьный активист Генех Бегнис.

– Если ты сегодня со мной не пойдешь, ты мне больше не племянник. Я уже вижу, что и на мои похороны ты не придешь, – расплакался реб Мануш.

Но Сендерке тоже плакал и кричал, что он не хочет стоять и мерзнуть в поле, пока будут закапывать умершего. Он хочет идти на занятия в школу, там тепло и весело. Если он сегодня не придет в класс и мальчишки узнают, где он был, они завтра будут смеяться над ним и обзывать кладбищенским еврейчиком. Но дядя уговаривал Сендерке, глядя его дрожащими руками и всхлипывая, до тех пор, пока тот не устал возражать. Он натянул шапку на уши, надел шерстяные варежки и пошел с дядей.

Генех Бегнис стоял во дворе Песелеса и смотрел, как со всех сторон евреи стекаются в Немой миньян. Не только состоятельные обыватели и изучающие Тору, идут и бедные уличные торговки в шерстяных платках, широких зашнурованных фартуках и тяжелых валенках, с красными от мороза руками и черными от раздувания углей в горшках лицами. Идут нищие лавочники в полушубках и поношенных шапках. Идут сторбленные ремесленники и заранее вздыхают от удовольствия, что сейчас они сладко выплачутся. Генех увидел, как во двор входит слепой проповедник, в правой руке у него палка, а левую он положил на плечо племянника. Сендерке шел с опущенной головой, как приговоренный, и не смотрел вокруг себя. Старый бундовец хотел было подойти к слепому проповеднику и его племяннику. Но сразу же решил, что не стоит этого делать, может получиться скандал. В былые годы он и в молельнях боролся против священнослужителей, восхвалявших царя, так же как он боролся против богачей и эксплуататоров. Но с тех пор как борьба против кровопийц ведется профсоюзами, он не заходит в молельню даже в Судный день и радуется тому, что его за это осуждают. Однако на этот раз он решает зайти в молельню, чтобы забрать Сендерке у дяди, который волочит его назад, к отжившему гнилью. В толкотне среди большой возбужденной толпы его, возможно, не заметят, думает Генех Бегнис, а если и заметят, то тоже не страшно.

Покрытые черной тканью погребальные носилки возвышались на столе бимы, а слепой проповедник стоял рядом с ними, на ступеньках, ведущих к священному ковчегу. На улице день слепил блеском снега и света, а внутри, в битком набитой молельне, на всех лицах лежал мрак этого черного погребального покрывала. Стоящие вперемешку мужчины и женщины вытягивали шеи, чтобы лучше видеть и слышать слепого проповедника. Расстроенный утренней ссорой с племянником, реб Мануш Мац плакал и над собственными одинокими годами в старости. Напев его поминальной проповеди звучал на этот раз еще печальнее:

– Наши мудрецы, да будет благословенна память о них, рассказывают нам, что, когда талмудический мудрец Шмуэль Младший^[3] скончался, не оставив детей, его товарищи оплакивали его: цари умирают и оставляют свои короны своим детям, богачи умирают и оставляют свои богатства своим детям, но когда ушел Шмуэль Младший, он забрал все обаяние этого мира с собой. По той же причине, учителя и господа мои, мы плачем и над ширвинтским меламедом реб Тевеле Агресом, потому что и он забрал с собой все свое достояние, заключавшееся в Торе и выполнении заповедей. На первый взгляд это не так: ведь реб Тевеле Агрес десятки лет был меламедом, обучавшим мальчиков, а ученики подобны собственным детям. Так как же это может быть, что реб Тевеле со своим уходом забрал и все свое достояние, заключавшееся в Торе и выполнении заповедей? Ответ состоит в том, учителя и господа мои, что ученики подобны собственным детям, когда идут по пути ребе. Но горе нам всем, ибо и наши ученики, и наши родные дети не идут по нашему пути, мы осиротевшее поколение, поколение без наследников.

Аскеты и обыватели печально кивали головами, ремесленники вздыхали, а женщины горько плакали. Собственно, женщины не очень поняли, что имеет в виду проповедник. Согласно тому, что они узнали, входя в молельню, покойному было больше девяноста лет и от него остались и дети, и внуки. Справедливее было бы сказать: пусть не умирают те, кто моложе. Но слепые глаза проповедника, его раздирающий сердце напев и постоянные повторы «дети! дети!» навели на женщин страх. В молельне становилось все жарче. От лиц, залитых слезами, шел пар, закутанные тела обливались потом, а женский плач становился все громче, как шум реки во время ледохода.

Возвышаясь на голову над всеми собравшимися, стоял столяр Эльокум Пап. Он уставился на мраморные доски с высеченными на них именами щедрых обывателей, и ему казалось, что даже эти памятные доски удивляются сегодняшнему шуму в постоянно тихом Немом миньяне. Его взгляд стал блуждать по головам и лицам, и он заметил у входа столяра Генеха Бегниса. «Что тут делает этот еретик Генехке? Неужели он испугался ангела смерти и возвращается к еврейству, вертя хвостом? Трудно поверить, чтобы такой человек вернулся с покаянием», – пробормотал Эльокум Пап и, словно против собственной воли, повернул голову к священному ковчегу с украшениями. Недаром он сначала не хотел смотреть на священный ковчег. Сердце подсказывало ему, что и вырезанные им из дерева львы и птицы выглядят сейчас опечаленными и подавленными, как все в Немом миньяне.

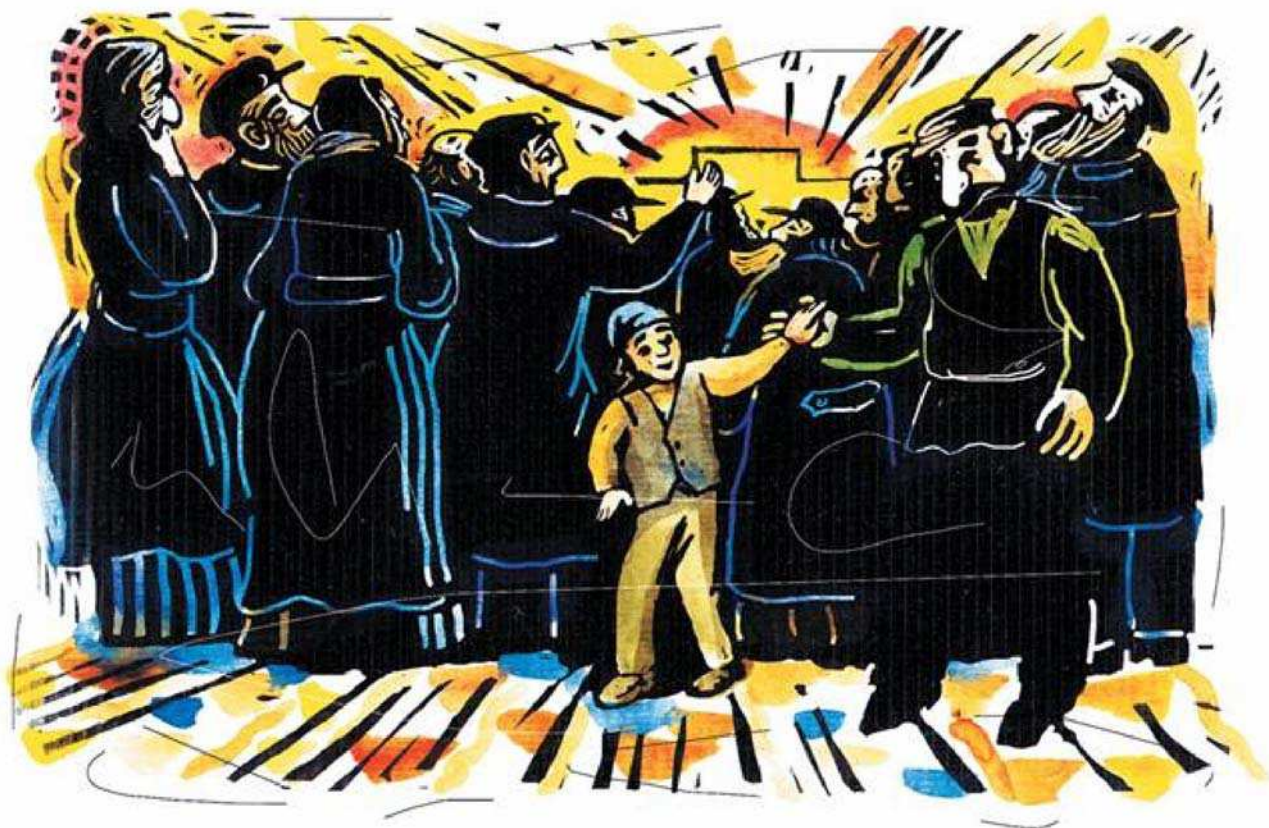
С улыбкой на губах, пытливо и недовольно смотрел Генех Бегнис на заплаканных евреев и слушал проповедника. Всю жизнь он живет среди этих бедняков и все еще не понимает их. Вместо того чтобы бороться за улучшение своей жизни, они изливают горечь своих сердец на похоронах и плачут из-за своих детей, которые больше не хотят ходить с согбенными спинами. Это черное покрывало над погребальными носилками для них более свято, чем первомайское красное знамя – знамя борьбы и

надежды. Святоши знают это и используют верования массы, чтобы удерживать ее во мраке.

Расставив жесткие локти, Генех Бегнис начал проталкиваться в глубь молельни, не обращая внимания на недовольное ворчание зажатых в толпе людей. Он искал Сендерке, племянника проповедника. После того как Сендерке подвел слепого дядю к ступенькам священного ковчега, толпа постепенно оттеснила племянника реб Мануша назад, за биму. Там он первым увидел отца учительницы Пеи и стал проталкиваться к нему с радостью, пока Генех Бегнис тоже не заметил его и не подмигнул призывно, веля выбираться на улицу. Во дворе школьный активист втянул в себя холодный свежий воздух и выдохнул раскаленный гнев:

– Твой дядя тащит тебя на похороны человека, забывшего умереть вовремя, и ты идешь? Твоего дядю не волнует, что ты отстаешь от других учеников в классе. Он ведь считает светские науки ненужными и даже вредными. Где твой ранец с учебниками? Оставил дома? Иди возьми свой ранец, и я отведу тебя в школу. Если ты снова пропустишь занятия, учителя отошлют тебя домой.

Генех Бегнис шагал быстро, держа руку мальчика в своей руке, а Сендерке бежал за ним и обрадованный, и смущенный, что он войдет в класс во время занятий и все будут на него смотреть. Учитель упрекнет его, что он опоздал, а мальчишки на перемене будут смеяться над ним, что он кладбищенский еврейчик.

После поминальной проповеди первыми из молельни вышли лавочники и уличные торговки, стоявшие ближе к двери. С не просохшими еще от слез глазами эти еврейки устремились к своему заработку, и мужчины тоже поспешили назад. За ними на улицу выплеснулись ремесленники, обыватели, аскеты. Потом полдюжины крепких парней вынесли черные погребальные носилки, держа их высоко над головами людей, и

все собравшиеся проводили усопшего к траурной колеснице, стоявшей на улице. Когда двор Песелеса на три четверти уже опустел, из Немого миньяна вышел слепой проповедник вместе с виленскими раввинами. Реб Мануш Мац беспокойно вертел по сторонам головой и все время спрашивал:

– Где мой племянник? Евреи, вы не видели моего племянника?

И вдруг он начал кричать неуверенным голосом:

– Сендерл, где ты? Я жду тебя, Сендерл. Ты же мне обещал отвести меня на кладбище. Сендерл! Сендерке!

Раввины поняли, что слепец ищет своего поводыря. Они принялись его успокаивать, говоря, что среди идущих на похороны найдется достаточно хороших евреев, которые поведут его за руку на кладбище, да и его племянник отыщется, если не сразу же, то чуть позже. В этот момент из кучки людей, оставшихся во дворе, вышел столяр Эльюкум Пап и обратился к проповеднику:

– Генехке Бегнис был в молельне во время вашей поминальной проповеди, он, наверное, увел Сендерке к своей дочери Пее, в школу. А я было подумал, что этот еретик зашел в молельню, потому что на него напал страх перед смертью и он крутит хвостом, как пес, пытаясь вернуться назад. Но кому нужно такое собачье раскаяние? Пойдемте, ребе, я вас поведу.

Реб Мануша передернуло, когда он услышал имя Бегниса.

– Сендерке надел теплую одежду, чтобы ему не было холодно на кладбище. Я бы тоже не дал ему стоять на ветру. Я бы отправил его в кладбищенскую молельню погреться, – оправдывался перед столяром слепой проповедник.

Элюкум Пап под руку вывел его со двора и проводил до траурной колесницы, на которой лежало тело покойника. Там уже стояли двое сыновей реб Тевеле, высокие полноватые евреи, и его невестки, еврейки с расплывшимися лицами, одетые в широкие пальто с меховыми воротниками. Дети реб Тевеле, похоже, не ожидали, что у их старого отца, поссорившегося со всем миром, будут такие торжественные похороны. Сыновья и невестки покойного понимали, что евреи из молельни ближе к их отцу, чем они сами, поэтому пропустили слепого проповедника вперед. Реб Мануш Мац ухватился за край погребальных носилок и не отпускал его. Эльюкум Пап встал в ряд провожающих усопшего за его сыновьями и невестками и пробормотал себе под нос:

– Ну и тип этот проповедников племянничек! Оставить слепого и убежать! Ну а дети реб Тевеле лучше? Они ведут себя как на чужой свадьбе. А бывший ученик реб Тевеле, этот учитель в пенсне, вообще не пришел. Кто знает, будут ли мои девицы лучше и не припомнят ли они мне в упрек то, что я вложил столько труда в украшение молельни, вместо того чтобы работать только на них, как требует их маменька?

По дороге похоронная процессия становилась все меньше, жиже. Мороз колол кончики пальцев, словно шпильками. В морозном воздухе дыхание превращалось в молочно-белые облачка пара. В пустой и ясной голубизне дрожали снежинки, долго и загадочно-тихо держась в воздухе, прежде чем упасть. Потом снег стал сыпать все гуще, все быстрее. На углу, кивнув головой и пробормотав «Справедливость впереди него будет идти»^[4], распрощались с усопшим виленские раввины и аскеты из молельни Гаона.

Понемногу отстали городские обыватели, и наконец остановились, опершись на свои посохи, старики из богадельни. Они смотрели вслед погребальным носилкам, пока снежная круговерть не скрыла их от мутных взглядов стариков и они не заковыляли назад, в богадельню. Из большой толпы остались дети покойного, пара жильцов со двора Песелеса, бедняки, с которыми реб Тевеле учил Тору, да аскеты Немого миньяна. Самым первым за погребальными носилками все еще шел реб Мануш Мац, вцепившись обеими руками в их край. Казалось, что слепой проповедник дал обет, что, если его не будет вести его племянник, его не будет вести никакой иной сын человеческий.

Снегопад продолжался несколько дней подряд. Иногда снег падал, быстро устремляясь к земле. Иногда он долго кружился в воздухе, пока не снижался, засыпая все дороги так, что по ним было ни проехать, ни пройти. Затем снова засияло большое, светлое, золотое солнце, подбадривая жителей выйти из домов и расчистить сугробы. На тротуарах, углах улиц и на крылечках стояли люди с широкими лопатами, совками, метлами и чистили и мели. Жители двора Песелеса тоже расчистили подходы к своим квартиркам и проложили через снежные завалы путь к Немому миньяну.

По этому пути в один прекрасный день очень вежливо прошел, опираясь на свою трость, учитель и заведующий музеем Элиёу-Алтер Клойнимус. Каждый раз, когда в нем накапливался избыток обид на своих домашних и на общинных деятелей, высказывающих мнения по поводу музея, на учителей и на разбушевавшихся в классных комнатах учеников, его снова начинало тянуть к евреям из молельни и особенно к его старому меламеру. Элиёу-Алтер Клойнимус рассчитывал встретить во дворе Песелеса школьного активиста Генеха Бегниса, который наверняка заведет с ним спор, и в уголке рта учителя была заранее заготовлена издевательская улыбочка по поводу провалившейся идеи светской школы с преподаванием на идише. Но во дворе ему никто не встретился, и он медленно поднялся по ступеням в молельню. Там собирались читать предвечернюю молитву. Столяр Эльокум Пап из своего угла считал глазами вошедших евреев, но для миньяна их все еще не хватало. Учитель направился к столяру.

– Видите, как хорошо вы сделали, что послушались моего совета и помирились с вашими евреями! Я ведь вам сказал, что резные поделки должны украшать молельню, а не валяться в музее, – торжественно произнес Клойнимус и, обернувшись, добавил: – А где реб Тевеле Агрес? Я соскучился по моему старому ребу. Так где же он?

Эльокум Пап никогда не любил учителя за его напыщенные речи. Теперь же он не мог его выносить и за пенсне на черном шнурке, и за то, что он стоял откинувшись назад и опершись на трость, и даже за карманы его пальто, набитые старыми газетами. Ему хотелось плюнуть учителю в рожу. «Тьфу на вас! Чтоб у вас было такое счастье, какой вы ученик!» – хотелось ему сказать, но еще лучше будет вынуть из учителя душу с половиной тела в придачу своим холодным ответом.

– Если вы соскучились по вашему старому ребе, как вы говорите, – очень медленно произнес Эльокум Пап, – вам придется далеко до него идти, аж на Зареченское кладбище. Что, вы ничего не знаете о том, что уже две недели, как реб Тевеле умер?

Клойнимус застыл на месте как громом ударенный, его лицо посерело.

– Я ничего не знал, – наконец тяжело выдохнул он.

Но Эльокум Пап без капли жалости отомстил учителю, рассказав, как старый ребе, занимаясь с евреями Торой, всегда спрашивал о нем. «А где мой Алтерке?» – спрашивал он. «Мой Алтерке, – говорил реб Тевеле, – из тех, что танцуют на всех свадьбах. Приходит он в молельню и говорит как праведничек; а когда он возвращается к своим, он перекручивает свой язык на их манер». Эльокум Пап говорил вроде бы вежливо, но его глаза горели враждебностью.

– Так он сказал обо мне, реб Тевеле? – переспросил с подозрением учитель, и столяр ответил ему:

– Не помню, именно этими словами или немного иначе.

– Ни вы не понимаете, ни мой меламед не мог понять, что такое человек с расколотой душой. Но я не один такой. Таких, как я, немало! – Клойнимус снял пенсне, как всегда, когда он был взволнован, и собирался произнести речь. Но столяр не дал ему произнести речь и со злобой выплеснул из себя:

– Я видел расколотое полено, видел, как топор входит в сук и не может выйти, но расколотого человека я еще не видал. Через две недели после того, как реб Тевеле уложили в холодную землю, вы приходите и спрашиваете, где он. Трудно вам было прийти раньше? На таких, как вы, жаловался реб Мануш Мац в своей поминальной проповеди по реб Тевеле. Он сказал, что нынешние дети – не дети, а нынешние ученики – не ученики.

И столяр отвернулся к стене, чтобы читать предвечернюю молитву.

Элиёу-Алтер Клойнимус некоторое время еще смотрел на пустую скамью, на которой прежде сидел и бушевал реб Тевеле, а потом вышел из молельни. Клойнимус шел с опущенной головой и думал, что со смертью реб Тевеле Агреса исчезает последнее доброе воспоминание о его мальчишеских годах. Странное дело! Нерелигиозные и

набожные трутся спина о спину на одних и тех же узких виленских улочках. Несмотря на это, они так чужды друг другу и так далеки друг от друга, что до его ближайшего окружения вообще не дошла весть о кончине ширвинтского меламеда. Слепой проповедник прав и столяр тоже прав: дети – не дети, а ученики – не ученики. Каким сыном и каким учеником был он сам, такие дети и такие ученики сейчас у него. Его сын и дочь относятся к нему без уважения, потому что они прислушиваются к тому, что говорит их мать, а дети в классе садятся ему на голову, потому что видят пренебрежение к нему со стороны других учителей.

По извилистым переулкам, засыпанным глубоким снегом, Элиёу-Алтер Клойнимус тащился к музею и уже видел перед глазами большой полутемный зал, уставленный мертвыми предметами, заваленный растрепанными, заплесневевшими и полусгнившими архивными материалами, загроможденный пачками пыльных священных книг и манускриптов. Там он просиживает целыми вечерами и ищет в горах обрывков недостающие листы из какой-нибудь старинной хроники. Зачем ему знать обычаи, беды и плачи вымерших или разрушенных еврейских местечек? Он сам тоже старая, рассыпавшаяся летопись, но он не знает, где искать недостающие страницы. Он не знает, как связать дни и недели, чтобы его распавшаяся жизнь обрела хоть какое-то подобие цельности, толка и порядка.

Перевод с идиша Велвля Чернина

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Штраймл – большая круглая меховая шапка. Элемент традиционного праздничного костюма восточноевропейских евреев.

[2] Знаменитая ешива, основанная в первой половине XIX века в белорусском местечке Воложин рабби Хаимом из Воложина, учеником Виленского гаона Элиёу, и ставшая образцом для всех ешив литовского (нехасидского) направления. Ешива была закрыта в 1892 году по распоряжению русских властей за отказ ее руководства ввести преподавание русского языка. В 1895 году деятельность Воложинской ешивы возобновилась и продолжалась до второй мировой войны, однако она уже не имела прежнего престижа и статуса в религиозном еврейском мире.

[3] Шмуэль Младший, или буквально «Малый» (Катан), – один из танаев, ранних талмудических мудрецов, живших в Стране Израиля. Талмуд упоминает его, среди прочего, в качестве образца скромности.

[4] Теилим (Псалмы), 85, 14.

ПРИЗНАНИЕ В УБИЙСТВЕ

Аади ади І аеи аи

Дело сделано , мысль эта не выходила из головы, как детская могилка на погосте, и Фарр закрыл дверь, с тяжелым сердцем побрел вниз по лестнице. На площадке третьего этажа он остановился, поглядел в маленькое грязное оконце, выходившее на гавань. Был сумрачный зимний день, но океан вдалеке Фарр разглядел. Хотя у него с собой было оружие – в коричневом бумажном пакете лежала каменная гиря, какие привязывают к оконным рамам для противовеса, – он, забыв об опасности, поставил пакет на подоконник и уставился на воду. Фарру казалось, он никогда не любил море так, как сейчас. Пусть он никогда не пересекал океана – во время войны думал, придется, но не пришлось, – никогда не следовал путями морскими, уверен был: обязательно надо. Пока он смотрел на воду, она вдруг словно ожила – в лучах солнца замелькали треугольники белых парусов. Чудесный вид только усилил тоску, и он так и стоял у окна, уставившись в даль невидящими глазами, пока не вспомнил, что пора идти.

Фарр спустился по скрипучим ступеням в темный душный подвал. Потянул за ржавую цепочку под электрической лампочкой, и когда тусклый свет зажегся, стал искать местечко поукромнее. Разжав руку, он с ужасом понял, что забыл гирю. Он пулей понесся на третий этаж и застыл как вкопанный, увидев сквозь перила, что у окна стоит какая-то старуха, водрузив свой узелок на подоконник, прямо на его пакет. Фарр, с трудом сдерживая волнение, ждал, когда же она обнаружит окровавленную гирю, но она тоже смотрела на воду и уходить не собиралась. Когда же она наконец отошла от окна, Фарр, притаившийся этажом ниже, метнулся наверх, схватил пакет и помчался в подвал.

Ему страсть как хотелось достать из пакета гирю и осмотреть ее, но он не решался. Он судорожно искал, куда бы ее спрятать, но ни одно из мест не счел надежным. В конце концов он разорвал асбестовую оплетку водопроводной трубы, проходившей поверху, и засунул гирю внутрь. Расправив оплетку, он услышал у себя над головой шаги, и его прошиб холодный пот – он испугался, что за ним следят. Он осторожно выключил свет, прокрался к стене и в кромешной тьме присел, скрючившись за старым пыльным комодом, оставленным здесь кем-то за ненадобностью. Затаив дыхание, он ждал, что сейчас сюда кто-то спустится. Фарр решил, что заорет диким голосом и рванет наверх.

Никто не спустился. Из укрытия Фарр выходить боялся: а вдруг это не кто-то посторонний, а отец, чудом оправившись от раны, разыскивает его здесь, как бывало раньше, когда он в пьяной злобе орал на сына – выискивал его во тьме, грозясь пряжкой ремня размозжить ему голову, если тот немедленно не откликнется. Это воспоминание так потрясло Фарра, что он застонал в голос. Не утешало его и то, что отец наконец заплатил за все то горе, которое он принес сыну, самую страшную цену.

Фарр, с трудом передвигая ноги, поднялся по лестнице из подвала. На улице, выйдя наконец из мрачного, прокопченного здания, он испытал невыразимое облегчение. Он стряхнул паутину с коричневой шляпы, смахнул рукой следы побелки с пол длинного пальто. Отправился дальше по улице, туда, где кончались дома, постоял у кромки воды. Ветер, гонявший по морю белые бурунчики, с силой бил ему в лицо. Он крепко придерживал шляпу. По небу пронеслась стайка воробьев, пролетела над стоявшими на

якоре судами и скрылась вдали. Жадными от голода ноздрями Фарр уловил аромат жарящегося кофе, но тут же ему бросились в глаза раскачивавшаяся на волнах яичная скорлупа и трупик крысы. Едва подавив приступ тошноты, он отвернулся.

Рядом с ним стоял тощий человек в зеленом костюме.

– Точно снег пойдет.

Пальто на мужчине не было, засаленная рубашка была распахнута у ворота. Его лицо и руки посинели. Фарр, прикрыв ладонью спичку, закурил сигарету, сделал несколько торопливых затяжек. Он бы сразу ушел, но, боясь, что незнакомец последует за ним, оставался на месте.

– А мне вот стоит затянуться, так живот от голода подводит, – сказал мужчина.

Фарр слушал, уставившись в сторону.

Минуту спустя мужчина сказал, рассеянно глядя на воду:

– Холод, он на пустой желудок до самых костей пробирает.

Фарр, заподозривший, что тот решил выудить из него признание, велел себе молчать. Нет уж, челюсти ему разве что ломом разожмешь.

– По виду моему, может, и не скажешь, но в душе я джентльмен, – сообщил мужчина. Вымученно улыбнувшись, он протянул дрожащую руку. Фарр полез в карман брюк, где лежало пять скомканных долларов и куча монет. Вытащив пригоршню мелочи, он выудил пятицентовик и пять монеток по центу и опустил их в ладонь мужчины.

Тот, не поблагодарив Фарра, отдернул руку и бросил деньги в воду. Подозрения Фарра усилились. Он торопливо зашагал к домам, то и дело оглядываясь: проверял, не идет ли мужчина следом, но его видно не было.

На полдороге он, злясь на бродягу за то, что тот не дал ему полюбоваться гаванью, свернул на проспект, где не было ни единого деревца. Однако настроение у Фарра поднялось, хотя шел он сейчас мимо ломбардов, напоминавших о том, что хотелось забыть. Эту странную и неожиданную перемену в себе он объяснил тем, что дело уже сделано. Сколько времени мучило его желание сделать это, он стал замкнутым, мрачным, нелюдимым, и так продолжалось до тех пор, пока не пришло решение: выход один – надо пойти на это. Слишком давно зрел в нем, ожидая исполнения, этот план, и теперь, когда все свершилось, он наконец освободился от гнусного желания, от снедавших его злобы и страха, которые отравляли, портили ему жизнь. Все свершилось, он доволен. Он шел все дальше, проспект, на котором он прожил всю жизнь, стал шире, он видел далеко вперед, вплоть до подвесного моста, маячившего вдалеке, и прохожих он воспринимал каждого по отдельности, а не частью безликой массы, которой он прежде, проходя здесь в разное время дня и ночи, всегда чуждался.

Внимание его привлекла витрина одного из ломбардов. Остановился Фарр нехотя, но с жадностью обежал ее глазами. За стеклом, среди обручальных колец, часов, ножей, распятий и прочего, среди музыкальных инструментов – струнные лежали или стояли, а духовые висели на стене – он нашел то, что искал, – свою мандолину, и сердце его сжалось. Фарр уже больше года как не работал – однажды осенним дождливым днем взял да уволился, и поэтому, чтобы не пришлось отказывать себе в сигаретах, газетах, кино, ему приходилось расставаться по очереди со всеми вещами, купленными в лучшие времена: с портативной пишущей машинкой, которую он использовал совсем изредка – разве что натюкать заказ на журнал; с коньками, всего дважды надеванными; с отличными наручными часами, которые купил себе на день рождения; а когда все остальное уже было распродано, он продал ее, свою любимую мандолину, на которой даже научился бренчать – аккомпанировал себе, когда пел, и по этой самодельной музыке он скучал больше всего. Он подумал, не выкупить ли ее на те же пять долларовых бумажек, которые выручил за нее месяц назад, но мысль о том, как он будет один в своей комнате бренчать по струнам, его не вдохновила, и Фарр, вздохнув, заставил себя отойти от витрины.

На следующем углу стояла таверна Гаса. Фарр туда тыщу лет не заглядывал, однако после некоторых колебаний все же зашел, озираясь, как в незнакомой церкви. Гас – он постарел – с передником на пузе, в белой рубаше и жилетке нараспашку стоял за стойкой, протирал пивные кружки. Увидев Фарра, он отставил кружку в сторону и в изумлении уставился на него.

– Разрази меня гром, если это не Король бейсбола со Второй Южной!

Фарр, услышав старое свое прозвище, застенчиво хмыкнул.

– Не ожидал, Гас?

– Мягко сказано. Где ты пропадал столько месяцев или уже лет?

– Да по большей части дома, – ответил Фарр через силу.

Гас продолжал пристально рассматривать Фарра, отчего тот забеспокоился еще больше.

– А ты, Эдди, здорово переменялся. Я всех спрашивал, куда подевался наш Король бейсбола, мне все как один говорили, что тебя нигде не видно. А парнишкой ты с улицы и не уходил.

В ответ Фарр только поморгал.

– Женился? – подмигнул Гас.

– Нет, – ответил Фарр смущенно. Он обернулся к двери. Пока на месте.

Гас продолжал кудахтать.

– Отлично помню: стою я вон там, на тротуаре, и смотрю, как ты играешь. Как левой засадишь – и пошел крученный. Правой рубанешь – и мяч как из пращи, летит над головами. Тебе тогда, Эдди, сколько годков-то было?

– Наверное, пятнадцать, – не думая, ответил Фарр.

Взгляд Гаса погрузнел.

– Да, вспоминаю. Вы с моим Марти ровесники.

У Фарра язык прилип к гортани. Говорить о мертвых было выше его сил.

Гас очнулся от воспоминаний, вздохнул.

– Ох, Эдди, истинное свое призвание ты упустил.

– Одно пиво, – сказал Фарр и полез в карман за деньгами.

Гас налил кружку до краев.

– Убери свою мелочь. Уж друзей-то Марти я сам угощу.

Фарр отхлебнул пиво, не дожидаясь, пока осядет пена. Холодное пиво только улучшило настроение. Можно и джигу сплясать, подумал он.

Гас по-прежнему не сводил с него глаз. Фарр, поняв вдруг, что пить не может, отставил кружку.

Молчание снова прервал Гас.

– А ты, Эдди, поешь еще?

– Очень редко.

– Сделай одолжение, спой мне что-нибудь из старого.

Фарр оглянулся – в баре они были одни. И он запел, аккомпанируя себе на воображаемой мандолине:

– Вот, бывало, летом, вот, бывало, летом...

– Голос у тебя изменился, – сказал Гас, – но все равно приятный.

– Тайна жизни, тайна счастья наконец открылась мне... – пропел Фарр.

Гас прослезился, шмыгнув носом.

– Да и певец ты был бы неплохой.

Фарр опустил голову.

– Чем собираешься заняться, Эдди?

Вопрос его напугал. Но тут на его счастье в бар вошли двое мужчин. Гас шагнул к ним, и отвечать Фарру не пришлось.

Он взял кружку и жестом указал на кабинку в глубине зала.

Гас кивнул.

– Только не уходи, не попрощавшись.

Фарр кивнул в ответ.

Он сидел в кабинке и думал о Марти. Фарр часто о нем думал, даже во сне видел, но хотя общался он с ним главным образом, когда оба были мальчишками, снился он ему мужчиной, таким, каким был в те времена, когда они, ожидая призыва в армию, целыми днями простаивали на улице. Тогда им и делать больше было нечего – только ждать, когда призовут, вот они и курили, болтали о всякой ерунде да отпускали шуточки в адрес проходивших мимо девушек. Марти – он держался на удивление вяло, а ведь в детстве был хулиганистый паренек, никогда не знаешь, что выкинет, – был блондин, собой хорош, девушки на него заглядывались, а он вечно над ними подшучивал, и над знакомыми, и над незнакомыми. Однажды сказал что-то непристойное одной проходившей мимо еврейской девушке, и она разрыдалась. Гас, который как раз стоял у окна, услышал, что сказал Марти, выбежал в шлепанцах на улицу и заехал ему по зубам. Марти сплюнул кровь. Фарра от одного звука этой оплеухи затошнило. Его потом наизнанку вывернуло. Тогда они все видели Марти в последний раз – он записался в

армию и домой уже не вернулся. Однажды Гас получил телеграмму, где сообщалось, что его сын погиб в бою, – оправиться от потери он так и не смог.

Фарр шептал себе под нос что-то про Марти, а потом вдруг поднял глаза и увидел, что у его столика стоит какая-то темноволосая женщина и хитро на него поглядывает, ждет, пока он внимание на нее обратит. Он приподнялся со стула, даже шляпу не забыл снять.

– Эд, помнишь меня? Я – Хелен Мелисатос, Гас сказал, чтобы я подошла поздороваться.

Он понял, что это та самая девушка-гречанка, которая жила когда-то в том же доме, что и он, только тогда она была прехорошенькая. Однажды летней ночью они вместе отправились на крышу.

– Да, конечно, – сказал Фарр. – Конечно, я вас помню.

Она располнела, но лицо и волосы были вполне ничего, а темно-карие глаза по-прежнему полны напрасных ожиданий того, что она никогда не получит.

Она села, велела и ему садиться.

Что он и сделал, положив шляпу на соседний стул.

Она закурила, и курила долго. Какой-то мужчина у стойки позвал ее, но она покачала головой. Он ушел один.

Губы ее жадно шевелились. Поначалу, хоть он и не слышал ее голоса, она рассказывала ему историю, которую хочешь не хочешь, а пришлось слушать. Про мальчика и девочку, тоненькую смуглую девочку с кротким взглядом, семнадцати лет, и той жаркой ночью на ней было чудное белое платице. Они целовались. А потом она разделась и легла, обнаженная, на спину, прямо на крытую толем крышу. Он смотрел на нее, и сердце его едва не выпрыгивало из груди, и когда она велела ему наклониться к ней, он наклонился, а потом она сказала, что здесь жарко, пусть он снимет брюки. Он хотел, чтобы они ласкали друг друга в одежде. Сняв брюки, он зажался и застыл. Ну что вы скажете о парне, который так ведет себя с девушкой, а? Что в любовных делах он не силен. Она теперь улыбалась и говорила голосом взрослой умудренной женщины:

– Ты изменился, Эд. – И добавила: – Раньше ты был поразговорчивее.

Он слушал внимательно, но не отвечал.

– А ты все еще симпатичный парень. Тебе сейчас лет-то сколько?

– Двадцать восемь, скоро двадцать девять.

– Женился?

– Нет еще, – ответил он поспешно. – А ты?

– С меня хватит, – сказала Хелен.

– А как твой брат Джордж? – Он задал этот вопрос нарочно – пусть уж лучше рассказывает о себе.

– Он теперь в Афинах живет. Они с матерью уехали туда после войны. Там мой отец умер.

Фарр надел шляпу.

– Уходишь, Эд?

– Нет. – Только о своем отце не говори, велел он себе.

Она пожала плечами.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил он.

Она показала на свой стакан с виски – он был наполовину полон.

– Себе заказывай.

– У меня пиво. – Он взял свою кружку и увидел, что она пуста.

– Ты все такой же рассеянный, – улыбнулась она.

– Вовсе я не рассеянный.

– Готова поспорить, ты все еще девственник.

– А я готов поспорить, что ты – нет. – Он усмехнулся, допил последний глоток пива.

– Помнишь ту ночь на крыше?

Фарр резко сказал, что говорить об этом не желает.

– После этого случая я надолго потеряла уверенность в себе, – сказала Хелен.

– Не хочу об этом говорить.

Она сидела молча, не глядя на него. Молчала она так долго, что он мало-помалу успокоился.

– А помнишь, мы у тебя дома праздновали твоё шестнадцатилетие? – спросил он. – Твоя мама еще поила нас кофе по-гречески, с гущей в каждой чашечке.

Она сказала, что помнит.

– Позволь мне тебя угостить. – Фарр сунул руку в карман. Он курил и сосредоточенно пересчитывал на ощупь монеты.

Поймав взгляд Гаса, он заказал ей виски, но деньги Гас взять отказался. Тогда Фарр сунул монетку в музыкальный автомат.

– Потанцуем? – предложил он, борясь со страхом.

– Нет.

От сердца отлегло, он подошел к бару и заказал еще пива. На сей раз Гас позволил ему заплатить. Фарр положил на стойку одну из долларовых купюр.

– Старых друзей ничто не заменит, да, Эдди?

– Да, – обрадованно откликнулся Фарр. Он закурил и отнес пиво к столику. Хелен выпила еще виски, Фарр еще пива. Он постепенно привыкал к тому, как она посматривала на него поверх стакана.

Хелен спросила его, ужинал ли он.

Он вспомнил, что не ел с самого завтрака, и живот подвело от голода.

Он сказал, что не ужинал.

– Пойдем ко мне, я тебе приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Надо пойти, шепнул себе Фарр. Обязательно надо пойти, а потом – уговорить ее подняться с ним на крышу. Может, если он сейчас ее возьмет, ему станет лучше, и все, что пошло не так, пойдет как надо. Заранее ведь не угадаешь.

Лицо ее покраснелось, и она все время как-то похабно ухмылялась.

Фарр прошептал что-то, она напрягла слух, но ничего не расслышала.

– Что ты там бормочешь?

– Так, ничего.

– Пойдем со мной, малыш, – уговаривала она. – А потом я научу тебя, как стать мужчиной.

Голова его со стуком упала на стол. Глаза его были закрыты, он не двигался.

– Как же это – такой взрослый, а еще женщины не знал? – поддразнивала его Хелен.

Он ничего не отвечал, она начала его оскорблять, и лицо ее исказила злоба. Наконец она встала, пошатываясь.

– Да пошел ты... Чтоб ты сдох!

Он сказал, что так и поступит.

Фарр брел по темным улицам. У тяжелых деревянных дверей католической церкви он остановился. Потянув за створку, он заглянул внутрь, увидел чашу со святой водой. А что будет, подумал он, если я подойду и отхлебну оттуда? Из церкви вышла девушка в коричневом пальто и лиловой косынке, и Фарр спросил у нее, когда можно исповедоваться.

Она испуганно на него взглянула и ответила:

– В субботу.

Он поблагодарил ее и ушел. Сегодня только понедельник.

Она побежала за ним следом, сказала, что, если он хочет, она может договориться со священником.

Он сказал, нет, не надо, он не католик.

Хоть пальто у него и длинное было, но ноги мерзли. И ступни тоже. Он шел, словно таща на себе тяжеленный груз. Груз лежал и на душе. Хорошее настроение ушло, и ему было так тяжело, как не бывало никогда. И холод не был бы помехой, если бы ушла эта гнетущая тяжесть. Мозг его словно окаменел. А тяжесть только усиливалась. Просто невероятно! Сколько же можно? Все давит и давит. Еще чуть-чуть, и он рухнет на тротуар, и никто его с места не сможет сдвинуть. Его так и оставят лежать здесь, с головой, впечатанной в асфальт.

На следующей улице по бокам каменной лестницы у входа в какое-то мрачное грязное здание горело два зеленых фонаря. Это был полицейский участок. Фарр стоял через дорогу от него, но никто в участок не входил, никто оттуда не выходил. Холод был пронизывающий. Он подул на пальцы, оглянулся посмотреть, не идет ли кто за ним следом, и вошел.

Там было замечательно тепло. За столом сидел сержант и что-то писал. Он был лысый, с носом картошкой, он то и дело почесывал его мизинцем. Указательный и средний палец были в чернилах – у него ручка текла. Сержант посмотрел на Фарра удивленно, но тому было все равно, как на него смотрят.

– Что у вас? – спросил сержант.

Язык у Фарра стал тяжелым, как та самая гирия. Не в силах вымолвить ни слова, он опустил голову.

– Снимите шляпу.

Фарр послушался.

– Выкладывайте, – велел сержант и почесал нос.

Фарр сказал, что пришел признаться в преступлении.

– В каком? – спросил сержант.

Губы у Фарра кривились.

- Я убил человека.
- И кого же?
- Отца.

Сержант, до того взиравший на Фарра с недоверием, встрепенулся.

- Да, это не шутки.

Он записал имя Фарра в регистрационную книгу, промокнул чернила и велел ему подождать на скамье у стены.

– Нужно сначала найти следователя, который вами займется, но сейчас никого нет. И угораздило же вас прийти как раз в ужин.

Фарр надел шляпу, сел на скамью. Некоторое время спустя вошел грузный мужчина с бумажным пакетом и картонкой с кофе.

- Эй, Вулф, – окликнул его сержант.

Вулф неспешно повернулся. У него была широкая сутулая спина, густые усы. И черная широкополая шляпа.

Сержант ручкой указал на Фарра.

- Признание в убийстве.

Вулф приподнял брови.

- А Бернс где, Ньюмен где?
- Ужинают. Кроме тебя здесь сейчас никого.

Следователь с тоской посмотрел на Фарра.

- Идемте, – сказал он.

Фарр встал и пошел за ним. Следователь, грузно переваливаясь, поднимался по лестнице. На полпути он остановился, чуть слышно вздохнул и пошел еще медленнее.

- Подержите-ка. – Это он уже наверху сказал.

Фарр взял пакет с едой и кофе. Горячий стакан грел замерзшую руку. Вулф отпер дверь, забрал у Фарра свой ужин, и они вошли в кабинет. Где-то неподалеку церковный колокол пробил семь раз.

Вулф привычными движениями обыскал Фарра. Потом уселся за стол, открыл пакет, достал еду. Там было три сэндвича с мясом и сыром и бумажная тарелка с капустным салатом, который он ел пластиковой вилочкой, явно его раздражавшей. Вспомнив про кофе, он снял с картонки крышку. Когда он переливал дымящийся кофе в белую чашку без ручки, рука его дрожала.

Ел он, не снимая шляпы. Фарр свою положил на колени. Ему было приятно сидеть в теплой комнате, смотреть, как кто-то ест.

– Первый раз за день присел, – сказал Вулф. – С утра на ногах.

Фарр кивнул.

– То одно, то другое...

– Понимаю.

Поглощая пищу, Вулф не сводил глаз с Фарра.

– Снимите пальто. Здесь жарко.

– Нет, спасибо. – Он уже жалел, что пришел.

С ужином следовательно справился быстро. Смотав обертки и остатки еды в шарик, он швырнул их в корзину для бумаг. Потом встал, вымыл руки в раковине. Вернувшись за стол, закурил сигару, сделал две-три затяжки, бросил сигару в пепельницу и сказал:

– Так в чем вы хотите признаться?

Фарр пытался заставить себя говорить, но не мог вымолвить ни слова.

Вулфа это начало раздражать.

– Вроде говорили про убийство.

Фарр тяжело вздохнул.

– Мать убили? – сочувственно спросил Вулф.

– Нет, отца.

– О-хо-хо...

Фарр уставился в пол.

Следователь открыл черный блокнот, нашел отгрызок карандаша.

– Как зовут? – спросил он.

– Меня? – уточнил Фарр.

– Вас, кого же еще?

– Я думал – отца.

– Сначала – вас.

– Эдвард Фарр.

– А его?

– Герман Д. Фарр.

– Возраст жертвы?

Фарр попытался вспомнить.

– Не знаю.

– Не знаете, сколько лет вашему отцу?

– Нет.

– А вам сколько?

– Двадцать девять, будет тридцать.

– То есть свой возраст вы знаете?

Фарр не ответил.

Вулф что-то записал.

- Он чем занимался?
- Он обойщик.
- А вы?
- Ничем, – смутился Фарр.
- Безработный?
- Да.
- Специальность у вас есть?
- Да практически нету.
- Мастер на все руки? – Вулф стряхнул пепел с сигары и снова затянулся. –

Где живете?

- Вторая Южная, восемьдесят.
- Отец там же?
- Да.
- Значит, тело там?

Фарр рассеянно кивнул.

Следователь сунул блокнот в карман.

- Чем вы его убили?

Фарр помолчал, облизнул пересохшие губы и сказал:

- Тупым предметом.
- Вот оно как! И каким тупым предметом?
- Каменной гирькой.
- Что вы с ней сделали?
- Спрятал.
- Где?
- В подвале нашего дома.

Вулф аккуратно затушил сигару и наклонился вперед.

– А теперь расскажите, почему человек идет на убийство отца?

Фарр встревоженно приподнялся со стула.

– Сядьте, – велел следователь.

Фарр сел.

– Я вас спросил, почему вы его убили.

Фарр до крови прикусил губу.

– Ну, давайте! – сказал Вулф. – Надо установить мотив преступления.

– Я не знаю.

– А кто должен знать – я, что ли?

Фарр судорожно подыскивал подходящий ответ. Потому что жизнь его была пустой, а так в ней хоть что-то было?..

– Я спросил вас, зачем вы это сделали, – сурово сказал Вулф.

– Я был вынужден... – Фарр встал.

– Как это «вынужден»?

– Я не любил его. Он погубил мою жизнь.

– Да разве за это убивают?

– Да! – заорал Фарр. – За это и за все остальное.

– Какое такое остальное?

– Оставьте меня в покое. Вы что, не видите, я несчастный человек!

Вулф откинулся на спинку кресла.

– Что вы говорите!

– Да что вы всё издеваетесь! – в сердцах крикнул Фарр. – Имейте снисхождение к чужим страданиям!

– Не учите меня, как мне работать.

– Постарайтесь помнить, что человек – не зверь. – Фарр – его била дрожь – снова сел.

– Так вы человек? – спросил Вулф ехидно.

– Нет, мне не удалось стать человеком.

– Значит, вы зверь?

– В той степени, в какой я не человек.

Они уставились друг на друга. Вулф кончиками пальцев поглаживал усы. Затем вдруг открыл ящик стола, достал фотографию.

– Вам знакома эта женщина?

Фарр взглянул на морщинистое лицо какой-то старухи.

– Нет.

– Ее изнасиловали и убили на верхнем этаже дома неподалеку от вашего.

Фарр зажал уши руками.

Следователь убрал фотографию в ящик. И достал следующую.

– А вот мальчик лет шести-семи. Его зверски зарезали в пустой квартире на Восьмой Южной. Вы его когда-нибудь видели?

Он сунул снимок Фарру под нос.

Фарр взглянул на невинное детское личико и разрыдался.

Вулф убрал фотографию. Взял потухшую сигару, посмотрел на нее, бросил обратно в пепельницу.

– Ну, пошли, – сказал он и устало поднялся со стула.

В подвале таилось нечто ужасное. Фарр спускался по ступеням, с трудом преодолевая страх.

Вулф навел луч фонаря на переплетения труб под потолком.

– За какой?

Фарр показал.

Следователь смахнул паутину, пошарил по трубе рукой. Нашупав надорванную оплетку, он вытащил гирию.

Фарр судорожно вздохнул.

Наверху, при свете тусклой лампы, следователь достал из пакета гирию и повертел в руках. Фарр зажмурился.

– Вы на каком этаже живете?

– На четвертом.

Вулф с тоской посмотрел вверх. Они потащились по лестнице, Фарр впереди, Вулф следом.

– Не так быстро, – попросил Вулф.

Фарр сбавил темп. Проходя мимо окна на третьем этаже, он хотел взглянуть на океан, но было совсем темно. На следующем этаже он остановился перед скособоченной дверью с матовым стеклом.

– Это там, – через силу произнес Фарр.

– Ключ у вас есть?

Фарр повернул ручку, и дверь распахнулась, с грохотом стукнувшись о стену. В коридоре, ведущем на кухню, было темно. Фонарик следователя осветил деревянный стол и два стула.

- Идите вперед.
- Я боюсь, – шепнул Фарр.
- Я сказал, идите.

Он нехотя сделал шаг вперед.

- Где он? – спросил следователь.
- В спальне. – Голос его охрип от волнения.
- Покажите.

Фарр провел его через комнатку без окна – там стояла раскладушка, на полу валялись книги и журналы. Вулф направил фонарик на него.

- Вон там, – указал на дверь Фарр.
- Открывайте.
- Нет!
- Я сказал, открывайте.
- Умоляю, не настаивайте!
- Открывайте!

Фарр решил: в темноте он оттолкнет следователя и рванет на улицу.

- Я вам в последний раз говорю: открывайте!

Фарр толкнул дверь, она со скрипом открылась. В спальне, узкой и длинной, царил непроглядная темнота. Фонарик Вулфа выхватил железную спинку старой двуспальной кровати с продавленным матрасом.

Оттуда послышался стон. Фарр тоже издал стон, и волосы у него встали дыбом.

- Убийство, – простонал голос. – О ужас, ужас!

Луч фонарика осветил бескровное лицо старика – глаза его были открыты, и он смотрел на них.

- Кто здесь? – крикнул Вулф.

– Ох, сны мои, сны, – запричитал старик. – Приснилось мне, что меня убивают.

Откинув старенькое одеяло, тощий старик в фуфайке и кальсонах слез с кровати и зашлепал босиком по полу. Он шел прямо на них.

Фарр возбужденно шептал что-то себе под нос.

Следователь нащупал шнур выключателя, зажег свет.

Старик, увидев в комнате чужого человека, сказал:

– А вы кто такой, позвольте спросить?

– Теодор Вулф, следователь из полицейского участка на Шестьдесят второй,
– показал он на значок.

Герман Фарр заморгал – удивленно и смущенно. Он торопливо схватил со стула брюки, влез в них, сунул ноги в разношенные шлепанцы, натянул подтяжки.

– Лег днем подремать и заспался. Обычно-то я в шесть начинаю ужин готовить, а в полседьмого мы с ним едим. А зачем вы это к нам, следователь? – спросил он.

– Пришел с вашим сыном.

– Он ничего не натворил? – испугался старик.

– Вот не знаю. Пришел выяснить.

– Пойдемте на кухню, – сказал Герман Фарр. – Там лампочка поярче.

Они отправились на кухню. Герман Фарр принес из комнаты третий стул, и они уселись за деревянный стол – Фарр, мертвенно бледный и измученный, его отец, тощий, морщинистый, с седой щетиной, и грузный Вулф в черной шляпе.

– Где мои очки? – спохватился Герман Фарр. Он вскочил, нашел очки на полке над плитой. Через толстые линзы его слезящиеся глаза казались огромными.

– А то я вас толком и разглядеть не мог, – сказал он следователю.

Вулф только хмыкнул.

– Так что же приключилось? – спросил Герман Фарр, глядя на сына.

Фарр презрительно усмехнулся.

Следователь вынул из пакета гирию и положил ее на стол. Фарр уставился на гирию с таким видом, словно перед ним была живая гадюка.

– Вы эту вещь раньше видели?

Герман Фарр, накрыв одну ладонь другой, тупо рассматривал гирию.

– Откуда вы ее взяли? – дрожащим голосом воскликнул он.

– Сначала вы ответьте на мой вопрос.

- Ну да, эта штука моя, только по мне – век бы ее не видеть.
- Значит, ваша? – спросил Вулф.
- Да. Я ее прятал у себя в сундуке.
- А что это на ней за пятно?

Фарр не сводил глаз с места, на которое показывал следователь.

Герман Фарр сказал, что про пятно ничего не знает.

- Это следы крови, – сказал Вулф.

– Так оно и есть, – вздохнул Герман Фарр, губы у него дрожали. – Скажу вам всю правду. Жена моя, упокой Г-сподь ее душу, пыталась однажды ею меня стукнуть.

Фарр громко расхохотался.

- Так это ваша кровь?
- Слава Б-гу, нет. Ее.

Фарр и Вулф в изумлении уставились на старика.

- Вы правду говорите? – Вулф был суров.
- Да я душу бы отдал, если б можно было все переменить.
- Вы ее этим ударили?

Герман Фарр приподнял очки, утер пожелтевшим заскорузлым платком слезинки в уголках глаз.

– Грех не скроешь. Как-то в припадке пьяной злобы – уж очень меня бедность донимала – я запустил в нее эту штуковину, разбил ей голову. Кровь ее. Не имел я права винить ее за то, что она хотела меня убить. Она раз пыталась, вечером, за ужином, только эта гиря у нее из рук выпала и тарелку разбила. Я тогда с испугу чуть со стула не свалился. Вот когда я увидел, как гирька летит, понял, до чего я докатился, да и спрятал ее в сундук – как напоминание о своих грехах.

Вулф чиркнул под столом спичкой, подумал и потушил ее. Фарр курил последнюю сигарету из пачки. Старик плакал, утирая слезы грязным платком.

– Если кто и заслужил такого конца, так это я. В молодые годы я зверем был, жестоким был, да все по безволию своему. Я им обоим много зла причинил. – Он кивнул на Фарра. – Он сколько раз мне говорил, что я ее каждый день понемножечку убивал. Не раз – за что вечных мук заслуживаю – до синяков ее лупил, она как-то утром на холод пожаловалась, так я ей нос в кровь разбил, другой раз с лестницы спустил. А его сколько ремнем лупцевал...

Фарр затушил сигарету, швырнул окурки в раковину.

Вулф неторопливо закурил сигару.

Старик плакал в голос.

– Этот парень, он живой свидетель всех моих злодеяний, но он и не догадывается, как жестоко я страдаю с тех пор, как несчастная моя жена покинула этот мир, не знает, какие жуткие кошмары меня по ночам мучают.

– Когда она умерла? – спросил следователь.

– Шестнадцать лет назад, а он меня так и не простил, так и живет с ненавистью в сердце, хотя она, добрая душа, как в последний раз заболела, все мне простила, в его же присутствии. «Герман, – сказала, – я отправляюсь туда, где мне не будет покоя, если тебя не прощу», – и с этими словами отошла с миром. Но сын мой все эти годы меня ненавидел, я это каждый день в его глазах читаю. Он, конечно, бывал порой снисходителен к беспомощному старику, что верно, то верно, и не раз, когда у меня артрит разыгрывался, приносил мне в постель супу, с ложечки меня кормил, но, хоть я и раскаялся, в глубине души он ненавидит меня по-прежнему, пусть я тыщи раз на коленях молил простить меня. Я ему часто говорю: «Что сделано, то сделано, ты меня суди по тому, каким я нынче стал», ведь он же умный человек, книги читает, про какие ни вы, ни я слыхом не слыхивали, а тут ни в какую смириться не желает.

– Он вас когда-нибудь обижал?

– Ворчит да огрызается, а больше ничего. Нет, он нынче все сидит один в своей комнате, читает, думает о чем-то, только вся его ученость так его со мной и не примирила. Я, конечно, очень огорчаюсь, что он службу бросил, я ведь с такими руками большими да распухшими хорошо когда по полдня работать могу, но люди всякие бывают, кому-то, если не поразмышлять, и жизнь не в жизнь. Он с самых ранних лет такую склонность имел, только я заметил, что его тянет к уединению и покою, когда он уже из армии пришел.

– Он чем тогда занимался? – спросил Вулф.

– Год на старой работе был, потом бросил ее, пошел в больницу санитаром. Только долго не выдержал, уволился, с тех пор дома сидит.

Фарр взглянул в темное пожарное окно и увидел себя: бредет он по мрачному пустынному пляжу, где гуляет ветер, валяются обглоданные приливами бревна, а отпечатки его ног за спиной исчезают и появляются впереди него, и он все бредет в пустоте и безмолвии...

Вулф затушил сигару о подошву ботинка.

– Хотите знать, зачем я сюда пришел? – сказал он Герману Фарру.

– Да.

– Он явился вечером в полицейский участок и заявил, что убил вас вот этой вот гирей.

Старик застонал.

– Не скажу, что этой участи я не заслужил.

– Он думал, что и в самом деле вас убил, – сказал Вулф.

– У него воображение слишком буйное, и все потому, что физической нагрузки у него нет. Я ему это сколько раз говорил, да он меня не слушает. Описать вам не могу, о чем он во сне разговаривает. Сколько ночей я из-за него глаз не сомкнул.

– Вы видите эту гирю? – спросил Вулф Фарра.

– Да, – ответил тот, не открывая глаз.

– Вы по-прежнему утверждаете, что ударили или пытались ударить ею своего отца?

Фарр уставился в стену. Если отвечу, сойду с ума, подумал он. Нельзя. Нельзя.

– Он считает, что убил вас, – сказал Вулф. – Видите сами, он же сумасшедший.

Герман Фарр коротко всхлипнул, как будто его пырнули ножом в горло.

– А как же мальчик, которого я убил? – закричал Фарр. – Вы сами мне его фотографию показывали.

– Этот мальчик – мой сын, – ответил Вулф. – Он умер десять лет назад от тяжелой болезни.

Фарр вскочил и подставил ему запястья.

Следователь покачал головой.

– Наручники ни к чему. Мы просто вызовем санитарную машину.

Фарр замахнулся и со всей силы двинул следователя в челюсть. Стул под Вулфом опрокинулся, он рухнул на пол. Шум, грохот, крики, Герман Фарр причитал, что это его надо повесить, а Фарр мчался вниз по тускло освещенной лестнице, лелея в душе мысль об убийстве. На улице он зашвырнул монеты в ночное небо.

Í áðááá ñáí æééééíá Ááðí Í ðíðéíáé

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

ПО 89 ЦЕНТОВ ЗА ШТУКУ

Синтия Озик

Путтермессер и московская родственница

М.: Текст; Книжники, 2010 («Проза еврейской жизни»). – 318 с.

Одинокая муниципальная служащая, гордящаяся тем, что почти искоренила еврейский акцент в своем английском. Претенциозная исследовательница античной поэзии, защитившаяся в далекой провинции и получившая ставку еще дальше – в филиале Нью-Йоркского университета в Турции. Неуверенный в себе светский еврей, пытающийся самоутвердиться за счет родственников в хасидском гетто. Вульгарная бесцеремонная беженка из перестроечной Москвы, в лосинах и кожаном пальто. Сомнительные беллетристы, безнадежно карабкающиеся на литературный Олимп. Бездарный идишский поэт, валяющий свою непризнанность на то, что молодежь не читает на идише, а переводчики не рвутся переводить его на английский, и адски завидующий щедро переводимому и популярному собрату. Если, по аналогии с книгой «Стыд в истории литературы», кто-нибудь напишет книгу «Зависть в истории литературы», этим рассказам Синтии Озик надо будет уделить в ней достойное место. Ибо «анонимные посредственности» бывают весьма завистливы, а речь в прозе Озик именно о них, о тех, чьи романы распродаются «по 89 центов за штуку»:

Про себя они шутили: они, мол, «люди второго ряда». У Фейнгольда была работа второго ряда в издательстве второго ряда. Издатель Люси тоже был второго ряда, даже контора находилась на Второй авеню. Рецензии на их книги писали обозреватели второго ряда. Все их друзья были людьми второго ряда – не президенты, не партнеры в уважаемых фирмах, а редакторы и помощники продюсера, не гордые орлы интеллектуальных изданий, а заезженные клячи еврейских журнальчиков, не жестокие и бессердечные литературные критики, а блеклые и болтливые рецензенты. Знакомые драматурги были из тех, кто дальше занюханного экспериментального театра не метит и не поставил еще ни одной пьесы. Все знакомые художники были из тех, кто живет в мансарде и выставлялся лишь однажды, у сетчатого забора на уличном показе на Вашингтон-сквер весной. Какая низость, какая несправедливость; друзей своих они любили, но в дальние пещеры Нью-Йорка, ко львам, звались другие люди – почему не они?

Издательская аннотация гласит, что слава Синтии Озик ничуть не меньше славы Филипа Рота или Исаака Башевиса Зингера. Что ж, издательские аннотации всегда преувеличивают – карма у них такая. Оставив в стороне градусник слав, надо сказать, что сборник «Путтермессер и московская родственница» – это легкая остроумная малая проза в великолепных переводах. Проза, полная отдельных чрезвычайно удачных выражений: «Она была чуточку неряхой», или: «Человеку в моем возрасте кто нужен – возлюбленная или переводчик?», или: «Эдельштейн, к своему удивлению, не замечал в себе ни малейших признаков ревности, но счел своим долгом кинуть в Островера табуретку».

Подобная проза – про завистливых посредственностей, про малосимпатичного «маленького человека» в окружении совсем не симпатичных Больших Людей – считается социальной сатирой. Только она куда шире, чем социальная, и куда менее смешна, чем сатира. Вот вам описание молодой Рут Путтермессер: «У нее была хорошая кожа, пока что почти без морщинок, неровностей и признаков приближающейся дряблости». И это «пока что» очень показательно для общей тональности писателя, который не любит своих героев и не ждет ни от них, ни для них ничего хорошего. Однажды эта установка даже эксплицируется: «Если бы портрет писался оптимистический... Не бывать этому». Проза Озик – это проза умного автора, который знает, что все по сути плохо и неизбежно будет еще хуже, и пишет об этом изящными обиняками, со снисходительной иронией. Читать ли такую прозу? Это вопрос настроения.

Àààä Ääòò

РАССКАЗ С ТВЕРДЫМ ЗНАКОМ НА КОНЦЕ

Давид Маркиш

Убить Марко Поло

Бишкек: Турар, 2008. – 344 с.

Живя, как говорится, каждый в своем предмете, рассказы из бишкекского сборника оставляют самое приятное впечатление: фабульные, читаются легко, написаны с юмором, не утомляют чрезмерной пристальностью. Однако в органичное целое все-таки не очень собираются. Мешает им рассказ, давший название книге и как бы отвечающий за связь между частью и целым. «Убить Марко Поло» от своих собратьев отличается роковой безоглядной щедростью, каковая щедрость есть черта, присущая всем рассказам-шедеврам, рассказам с «твердым знаком на конце». «Марко Поло» неповторим –

исключение, единичный писательский опыт. Именно на этом первоклассном оттиске, непрерывно посягающем в сборнике на целое, хочется остановиться подробнее.

Как и положено рассказу с ветвистой родословной, начинается все уже с названия. Оно-то и задает шепотком первый вопрос: «Кто же такой этот Марко Поло и зачем его надо убить?» Эпиграф лишь подливает масла в огонь. Ну, насчет путешественника более или менее ясно, хотя добраться до него тоже не так-то просто, а вот с четырехзвездочной гостиницей, расположенной в Спиридоньевском переулке, – полная чехарда, в самом деле, кто же станет по окнам палить. Соотечественник немедленно решает, что его намереваются потчевать детективной новеллой а-ля Честертон, а Марко Поло – наверняка кличка олигарха, проживающего в московском отеле. Мимо, соотечественники! Перед нами типичный представитель «охотничьего» рассказа. Крестным отцом этого несколько подзабытого нынче жанра можно считать Ивана Сергеевича. Но как Эрнеста Хемингуэя, написавшего «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Снега Килиманджаро», уже очень многое не устраивало в его русском учителе, так и Маркиша не устраивает опыт обоих.

Каждый человек, которого занесла нелегкая в края несусветные, начинает немножко походить на еврея. Два полновесных еврея-иностранца, оказавшихся на окраине курортного местечка Чолпон-Ата, на берегу озера Иссык-Куль, – уже само по себе случай неординарный, заслуживающий пристального внимания и незамедлительного поощрения. Если же эти двое решили на свою еврейскую голову поохотиться, да еще на не известного никому Марко Поло, рассказ обеспечен.

Кстати, о втором еврее. Его зовут Дик Джонс, лет тридцать назад он переехал из России в Америку, «легко и с удовольствием освоился в новом мире, успешно торговал антиквариатом и благодаря усилиям родителей, бывших школьных учителей, сохранил русский язык в пристойном объеме». Разновидность наивности Дика сравнительно неплохо изучена, как показывает литература XX века, особенно часто ею почему-то страдают, точно морской болезнью, витальные американцы, причем не только торгующие фальшивыми яйцами Фаберже и подержанными автомобильными покрышками. В Центральную Азию Дика Джонса привела «твердая уверенность в том, что в этих краях мало что изменилось со стародавних времен и что по Великому шелковому пути нет-нет да и идут верблюжьих караваны». Естественно, удивлению его нет границ, когда он видит отнюдь не на Иудейских холмах рекламный щит: «У Мойши. Еда как дома». Тут, спасая от полного разрушения американо-еврейско-русскую психику торговца антикварными яйцами, приходит на помощь первый еврей, он же рассказчик, фигура куда как более искушенная. Повествователь вроде бы журналист, вроде бы приехал в Киргизию собирать материал для какой-то израильской газеты. В Центральной Азии не в первый раз. Но даже этот человек, все видящий, все подмечающий, охотник, пусть и не завзятый, однако кровь звериную могущий пролить, – даже он не знает, кто такой Марко Поло. Впрочем, одна версия есть: козел такой или баран.

«Всякой охоте предшествует продуманная тщательная подготовка, а завершает ее дружеская пирушка на природе: шипит на огне мясо, и водка, журча, бежит к печени охотников. Люди с сердечной радостью, как в добрые допотопные времена, пожирают убоину, добытую собственными руками. Тут и костер, и звездный вечер, и увлекательные лживые рассказы... Исключение составляют лишь профессиональные охотники, которые колотят дичь на продажу: те не пируют и не врут у костра».

Следуя этому уложению, автор выведет характеры персонажей, не только передаст приметы времени, брожение постсоветского пространства, – но и углубит

рассказ. Иначе никак не подвести охотника без ружья к самым ноздрям Марко Поло – точке схождения всех линий. Без этого углубления «Марко Поло» вышел бы совершенно иного качества – охотничья байка, «увлекательный лживый рассказ».

В шестидневной охотничьей экспедиции, кажется, все идет по плану. Все расписано и учтено, правда, с той оговоркой, что учет составляется и ведется бывшими советскими людьми для таких же бывших. Первое округление глаз – открывшееся дарование «честного человека дяди Жоры»: он вдруг запел оперным голосом отрывок из «Князя Игоря». Затем дядя Жора без запятой переходит на «Кармен», и первый еврей, тот самый, что не завязанный охотник, но все же готов пролить звериную кровь, решает для себя: «И черт с ним, с Марко Поло, пусть живет дальше. А мы, если повезет, собьем камнем какого-нибудь заваливающего кеклика за пятнадцать баксов». Однако второму еврею пеня дяди Жоры недостаточно.

Вечер. Где-то там наверху снежные поля Хан-Тенгри... Излагается план охоты на Марко Поло. Певчий егерь опускается на камни и вытягивает уставшие ноги. Ночевка. Утро... Послушные евреи остаются с дядей Жорой. Сидят в засаде втроем. Сколько сидеть – никто не знает. Ясное дело, где много времени, двое евреев и один русский, начинается философствование. Зачинщик, как ни странно, егерь. Он живет на лоне дикой природы в свое удовольствие, он не считает себя человеком, оказавшимся под развалинами. «Вода-то течет, а мы на берегу сидим. Кому повезет, форель вытащит, а другой ничего не поймает, останется голодным. Но воде-то это все равно!» Не успел дядя Жора в своем философствовании дотянуться до Б-га, как последовал условный свист.

Баран тряс головой с тяжелыми рогами. Дядя Жора бросился вниз, будто хотел схватить его и вывести на верный выстрел Дика. Когда Дик выстрелил почти одновременно из двух стволов, дядя Жора уже слился с Марко Поло.

Это и есть та точка в рассказе, к которой тянутся все линии. Все объемно, все выпукло. Маркишу остается, не мешкая, подвести итог. Доказать, что воде-то действительно все равно, так как читатель уже знает, кто такой Марко Поло, знает, что егерь оклемается, «полежит в больнице и выйдет»... И когда писатель и читатель на миг становятся равны, повествователь из Израиля вдруг разводит егеря и барана: «Убить дядю Жору – это все же совсем не то, что убить Марко Поло».

Àòàí àñé Ì àí àáá

МУРАВЕЙ КАЦНЕЛЬСОН И ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ

Андрей Степанов

Сказки не про людей

М.: Livebook/Гаятри, 2009. – 224 с.

Андрей Степанов – петербургский филолог, профессор СПбГУ, переводчик англоязычной прозы. Автор множества литературоведческих работ. Интересный критик современной словесности, публикующийся на страницах журнала «ПроЧтение».

А еще Степанов очень симпатичный прозаик, сочинитель взрослых «сказок не про людей». Сборник с таким названием стал первой художественной книгой 44-летнего автора.

В ней девять коротких сказок и одна сказочная повесть. Герои историй – животные, птицы, насекомые, микробы, шахматные фигуры, шайтаны из восточной мифологии и даже один белый островерхий собор. Встречаются, впрочем (на второстепенных ролях), и люди. Большинство сюжетов восходят к канону классической европейской басни. Автор варьирует мотивы известных текстов, развивает и актуализирует различные исторические темы. Но при этом сказки Степанова обладают значительной внутренней свободой, каждая из них содержит смысловой сдвиг по отношению к литературному прообразу. А элементы алогизма и филологическая изощренность придают текстам характер интеллектуальных притч или парабол.

Среди сюжетов «Сказок не про людей» – беседы отставных театральных костюмов («Севастопольский вальс»), история попугая Екатерины Второй, дожившего до времен революции 1917-го («Жар-птица»), фантастические вариации на тему известного детского стишка («У попа была собака»), путешествие микробов по закоулкам пищевода («Внутренний мир»). В сказке «Иван Тургенев» заглавным героем оказывается... самец гориллы, а прихотливый сюжет совмещает скрытые цитаты из русской классики и пародию на литературу о природных «феноменах».

Герой «Сказки о московском муравье» профессор-биолог Владимир Ильич Мурашик словно олицетворяет оруджавский поэтический образ. Впрочем, профессору вовсе не до поэзии. На дворе начало 90-х: экономические реформы, институт закрыт, сотрудники разбежались. Мурашик один живет в пустом заколоченном здании НИИ. И ведет со знакомым муравьем по фамилии Кацнельсон (быть может, лишь приснившимся профессору) странные разговоры о самоорганизации социума, проблемах всеобщей эволюции, о жизни и смерти... В общем, о вещах равно интересных как ученым, так и муравьям. По крайней мере, тем муравьям, что имеют, подобно Кацнельсону, три высших образования.

Успокойтесь, топить здесь никогда не начнут. И знаете почему? Потому что законы эволюции никого больше не интересуют. А это, между прочим, признак деградации. Вот давайте возьмем тараканов. Они прожили на земле гораздо дольше, чем мы с вами, – триста миллионов – и при этом совершенно не изменились. Вот кто действительно не эволюционировал, профессор! Ведь это с точки зрения человека надо

совершенствоваться, становиться все лучше, стремиться к Б-гу, стремиться стать Б-гом. А с точки зрения таракана это совсем не нужно.

Такой вот русско-еврейский диалог в замерзающем доме, на пороге небытия и, быть может, бессмертия. Тут и наука, и метафизика, и политика, и национальный вопрос, и культурные подтексты. Масса смыслов – и все в короткой изящной новелле-сказке.

Αἰῶναι ἰ ἐδῆσῆι

ПОВОД ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ, УДИВЛЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Феликс Кандель

Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Исраэль. 1918–1948

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 400 с.

Феликс Кандель

В поисках пропавших колен Израиля

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2009. – 320 с.

Передо мной две книги: «Земля под ногами» и «В поисках пропавших колен Израиля». Один автор – Феликс Кандель. Сходная тема – история евреев. Сходное оформление, по крайней мере на первый взгляд, – твердый переплет, картинки, шрифты. Общая жанровая принадлежность: в обоих случаях автор, не претендуя ни на

академические, ни на художественные лавры, позиционирует свои произведения как научно-популярные книги для интересующихся неспециалистов. Но есть и различия.

Одно – внешнее. «Земля под ногами» рассказывает о развитии ишува и создании государства в Стране Израиля в период от конца первой мировой войны и установления британского мандата до Войны за независимость. «Колена...» же охватывают в форме свободных, отрывочных и несколько сумбурных эссе чуть ли не всю еврейскую историю от Израильского и Иудейского царств до витражей Марка Шагала в больничной синагоге «Адассы». Более скромная (и более трудная) задача первой книги оказалась выполненной на более высоком уровне. Книга дает читателю больше, чем в ней написано. Тщательно выписанная канва событий с пересказом позиций и мнений разных участников складывается в целостную и актуальную картину. И эта картина сообщает читателю чувство некоей сопричастности – несмотря на всю авторскую политкорректность и отказ от выражения симпатий и антипатий, в результате чего яростные противники внутри сионистского движения поначалу кажутся чуть ли не в обнимку идущими к общей высокой цели. Тем не менее внимательный читатель заметит, что постоянно тлеющие, но в любой момент готовые вспыхнуть противоречия все-таки наличествуют и реальная расстановка сил на политической арене далека от той упрощенной схемы, которая рисуется в совсем уж популярно-примитивных изданиях.

А еще в книге есть, как уже говорилось, картинки – известные и малоизвестные фотографии, изображающие главным образом евреев с характерной внешностью, но в «нехарактерной» обстановке: в поле, на сельхозработках, или с оружием в руках, или на строительстве, или просто только что прибывших в свою новую страну, которую надо еще построить и отвоевать; и все с каким-то новым, «нехарактерным», негалутным выражением, и нет никаких сомнений, на чьей тут стороне в действительности авторские (и читательские – о, волшебная сила искусства!) симпатии.

А вот «Колена...» такой целостной картины не создают. Стремление не научить читателя, а просто развлечь его, «цеплять и не грузить», как говорят продвинутые критики, сослужило автору плохую службу. Возникает впечатление, что книга создавалась по принципу «У хорошей хозяйки ничего не пропадает». Автор собрал из своих выписок все, что имеет отношение к истории поиска пропавших колен, добавил оттуда же массу того, что к этой истории отношения не имеет, истребил все сноски и указания на источники, чтобы пересказать эти выписки упрощенно и приблизительно, а кое-где и просто неверно. Он не делает ни малейшей попытки провести текстологический анализ или сопоставить эволюцию еврейского предания с религиозными мифологемами и культурными сюжетами окружающих народов. «Колена...» уступают по объему «Земле под ногами», однако производят впечатление большей многословности при меньшей содержательности. Занятно, конечно, прочесть про афганских пуштунов, что они выводят свое происхождение от евреев, что в их языке есть какие-то ивритские элементы (непонятно какие), что в их обычаях есть параллели с еврейскими. Но вот тут автору либо изменяет чувство меры, либо он становится жертвой некритичного отношения к текстам: обрезание у пуштунов делается не на восьмой день, как написано у Канделя, а на седьмом-восьмом году жизни, как явствует из более серьезных книг. Это только один пример. Текстология, этнография, медиэвистика, вообще какой бы то ни было рационалистический подход остаются за пределами повествования. Реальные истории кажутся надуманными, а пересказ легенд вне контекста нивелирует литературные достоинства предания. В итоге книга дает читателю меньше, чем в ней написано.

Популярная литература может апеллировать к той же читательской аудитории, что и художественная и научная, и решать сходные задачи – но решает она их своими

способами. И здесь очень важна авторская позиция, его отношение к читателю. В «Земле под ногами» автор относится к нему как к равному, уважая его право на полноту информации, его политическую, этическую, религиозную позицию, исторические симпатии и антипатии. «Колена...» же не демонстрируют такого уважения, не говоря уж о том, что стилистика популяризаторского примитива и интонация массовика-затейника никак не идут на пользу книге.

יְבֹאֵרֶךְ יְהוָה

ЕЩЕ НЕМНОГО МУДРОСТИ

Дэн Кон-Шербок

Мудрость иудаизма. Всемирный разум

М.: АСТ, 2008. – 255 с.

Дэн Кон-Шербок, реформистский раввин и профессор из Великобритании, – один из самых плодовитых писателей в еврейском мире. Его перу (несколько книг он написал вместе с женой Лавинией) принадлежат многочисленные труды на самые разные темы: об истории евреев и иудаизма, Холокосте, Палестине, еврейской мистике, мессианском иудаизме, словари по иудаизму и иудейско-христианским отношениям, иудаизму и исламу и т. д. Некоторые из них напечатаны и на русском языке. Не претендующие на академическую глубину, работы Кон-Шербока отличаются простотой и доступностью изложения, либерально-взвешенным отношением к предмету исследования. Его книги можно назвать удачным примером популяризаторства, когда сложные материи, пусть несколько теряя в сложности и внутренней противоречивости, прочно укладываются в сознании читателей.

Все вышесказанное в полной мере относится и к антологии «Мудрость иудаизма». В более чем десяти разделах («Б-г», «Закон», «Народ», «Семья» и др.) собраны максимы из классических еврейских текстов, яркие и глубокие высказывания мудрецов разных эпох, пословицы. Их совокупность дает представление о том, как глубока и многообразна еврейская традиция. Но, конечно, антология (да еще не отличающаяся большим объемом) не может передать того, что называется диалогичностью традиции. К тому же выбор текстов представляется иногда несколько странным, даже с учетом права автора на субъективность.

Так, в разделе «Шабат» представлено всего две записи, одна из которых гласит: «Когда мать Шимона бен Йохая слишком много говорила по субботам, он напоминал ей: “Мама, сегодня шабат”, – и она умолкала». История симпатичная и забавная, но при столь ограниченном объеме раздела, может быть, стоило бы подыскать что-то более существенное на тему святого для евреев дня.

Вряд ли стоило включать в антологию непростые талмудические высказывания, требующие дополнительных разъяснений, например: «Согреши дважды, и тебе покажется, что так делать можно».

Нельзя не высказать и несколько критических замечаний относительно русского издания. Даже если Л. Пирожкова переводила антологию с английского (что само по себе снижает ценность русской версии), то стоило указать хотя бы издания русских переводов Танаха и иных еврейских текстов, которыми явно воспользовалась переводчица. Не слишком старательно поработал над книгой редактор: в противном случае в индексе источников была бы указана «Пасхальная агада», а не калька с английского «Пассовер агада», «Фило» был бы назван «Филоном Александрийским», а «Макс Нордо» – «Максом Нордау». Да и источник «Изречения святых отцов» смотрится как-то необычно в еврейской антологии.

Впрочем, при всех недостатках, подобные антологии еще чуть-чуть приоткрывают для читателя неисчерпаемую еврейскую мудрость, что хорошо в любом случае.

Рdée 0àààè

АННОТАЦИИ

**Стас Капытник. Люк Петерсон.
Запасной вариант**

М.: ИД «Флюид». 2008. – 320 с.

Середина 90-х годов. Спецслужбы, политики и бандиты Грузии, России, Израиля, Ирана борются за бакинскую нефть. В центре заварухи оказывается сотрудник израильской компании в Москве Алекс Лурье. Действие скачет из «Лужников» в кнессет, а оттуда – в тбилисскую резиденцию Джабы Иоселиани. Погони, перестрелки, новые русские киллеры и старые добрые арабские террористы – в ассортименте. Финал окажется кровавым, что твой «Гамлет», авторы нагромоздят кучу трупов, а циничные министры и шпионы отпразднуют свой нефтяной хеппи-энд.

Михаил Барщевский. Лед тронулся

М.: АСТ, 2008. – 320 с.

Второй роман трилогии – первый назывался «Командовать парадом буду я!». Весь цикл следовало бы назвать «Пора переквалифицироваться в романисты». Примета времени – адвокаты пишут belle lettre. За Павлом Астаховым подтянулся Михаил Барщевский. Будни адвокатского бюро – первого в перестроенной Москве. Адюльтеры, американские партнеры, путч. В отличие от западных «адвокатских романов», собственно юридических деталей здесь минимум – все рабочее и свободное время у персонажей уходит на борьбу с подсиживающими их коллегами. Зато, как любой роман о московской интеллигенции, книга Барщевского населена полукровками и квартирантами с их специфическими проблемами (еврей, записавшийся в начале 50-х татарин и теперь изыскивающий возможность для обратной рокировки, и проч.). Даже

главный герой Вадим Осипов несмотря на фамилию награжден мамой Илоной Соломоновной и папой Михаилом Леонидовичем. Забавная сценка – Осипов сидит в офисе крупного вашингтонского юриста, который сам варит себе кофе: «Кто-то... пустил слух, будто Стэн расист и не хочет, чтобы до его чашки дотрагивалась чернокожая секретарша. Вадим этому не верил. Уж если Стэн к нему, еврею, относится хорошо, то негров-то должен воспринимать совсем спокойно».

Николя Саркози. Мое мнение.

Франция, Европа и мир в XXI веке

М.: Александрия; Симпозиум. 2009. – 304 с.

«Сын еврейки и венгерца» (как он поименован в одной остроумной интернет-оде) и по совместительству президент Франции Николя Саркози выпустил книгу-манифест, в которой предложил свои рецепты решения основных проблем, стоящих перед его страной. Книга, как и подобает сочинению политика такого ранга, довольно осторожная, а потому скучноватая. Впрочем, в главе о Ближнем Востоке Саркози, хотя и отдает дань привычному «с одной стороны, с другой стороны», все же не стесняется демонстрировать симпатию к Израилю – государству, «которое вызывает восхищение своей демократией и экономической политикой». При нынешнем состоянии европейских умов даже такие признания требуют определенного мужества.

Í ää äí í î ò ä ö è ý ì è ò ä ä í ò ä è Í è ö ä è Í ä é í á

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

ВАЛЬС С МАОЗОМ

Ī àéŷ Āĭē-àé

Режиссер Шмуэль Маоз

Ливан

Германия-Франция-Израиль-Ливан, 2009

Самые яркие израильские ленты двух последних лет – «Ливан» (2009) и «Вальс с Баширом» (2008) (см. нашу рецензию: 2009, №4) – обречены на сравнения друг с другом: общая тема – ливанская война 82-го, режиссеры на той войне воевали. К тому же оба фильма вроде как обласканы на Западе: у «Ливана» – «Золотой лев» из Венеции, «Вальс с Баширом» номинировался на «Оскар». И ни ту, ни другую картину признание не спасло от шквала критики, причем с диаметрально противоположных сторон.

Сразу стоит оговориться, что большинство сравнивающих предпочитают «Вальс» «Ливану» и причины их предпочтения очевидны. Жанр фильма Ари Фольмана называют документальной анимацией, в его истории живые люди превращаются в рисованных, и кто из них более реален – сразу не поймешь. Такое кино априори красивее, зрелищнее обычного фильма. Уж точно зрелищнее «Ливана», в котором почти полтора часа действие разворачивается внутри танка, а события снаружи показаны через глазок оптического устройства. Герой Фольмана пытается вернуть память о войне, на которой был двадцать с лишним лет назад, но которую не помнит. Герой Маоза и рад бы забыть все, что видел, но его война идет здесь и сейчас, он и трое ребят заперты внутри бронированной машины, в которой нет места и нет воздуха, их ужас – это ужас реального времени. Не хочется пересказывать сюжет фильма, поскольку главное и несомненное его достоинство – неослабевающее напряжение, в котором он держит зрителя. (А держать напряжение позволяет именно то, что герои не знают, что ждет их впереди и не видят того, что оставляют позади себя).

Вряд ли стоит пояснять, что «Вальс» и «Ливан» – ленты выстраданно-пацифистские. Обретший память герой Фольмана подводит итог: «На этой войне не было героев – одни убийцы». Ему вторит Шмуэль Маоз: «Не осознавая этого в полной мере, я был глубоко травмирован событиями 1982 года, как и целое поколение израильтян, людей, которые сейчас управляют страной. Снимая “Ливан”, я, наконец, осознал, что произошло на той войне, это вернуло мои истинные чувства, и я смог вновь плакать

настоящими слезами». Но художественные достоинства и антивоенный пафос не избавили авторов от критики. «Вальс с Баширом» корили за «произраильскую позицию» слева и за «антисемитизм» (сравнение резни в Ливане с Холокостом) справа. «Ливану» тоже досталось за «произраильщину»: ливанские критики негодуют, что в фильме показаны душевные страдания израильских солдат и зрители сопереживают им, а не их жертвам. Кстати, в Ливане фильм в прокат не выйдет. К ливанцам присоединяется газета «Аль-Мустакбаль»: «Фильм Маоза демонстрирует псевдогуманность сионистского государства и умалчивает о продолжающейся сорок лет агрессии», – звучит их приговор. А по свидетельству критика Андрея Плахова, «Золотого льва» «Ливан» тоже получил с трудом, поскольку у картины было немало влиятельных противников, считавших, что дать приз такой ленте, «значит лить воду на мельницу израильской пропагандистской машины». Если же ко всему вышеназванному добавить бойкот, объявленный израильским фильмам рядом стран – триумф «Ливана» покажется и вовсе сомнительным.

При этом в Израиле от «Ливана» тоже не в восторге. Причем настолько, что несмотря на престижнейший венецианский Гран-при, ни одного важного «Офира» (израильский аналог «Оскара») фильм Маоза так и не получил. Причины, думается, те же, что и в случае с лентой Фольмана: хоть на Холокост в «Ливане» не ссылаются, но, как справедливо замечали некоторые зрители-блогеры, «иногда кажется, что смотришь фильм не о Ливане, а о второй мировой войне».

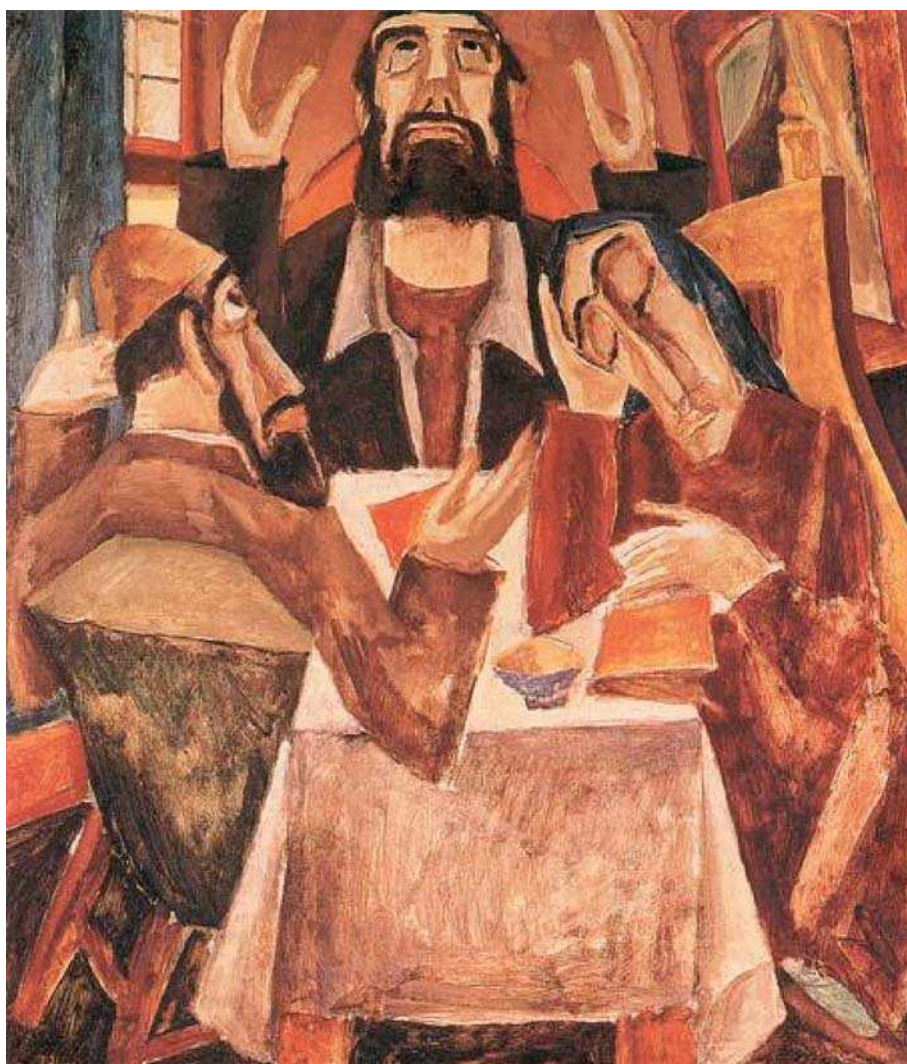
Резюмируя все вышесказанное, нужно, наверное, отметить два момента. Первый: хочется или нет, нравится или не очень, но третий год подряд (начиная с номинировавшегося на «Оскар» «Бофора» [2007]) лучшими израильскими фильмами становятся фильмы о ливанской войне. Второй момент: по счастью, кинематографический потенциал названных лент таков, что вполне позволяет обсуждать их с точки зрения художественных объектов, а не социального заказа. Неважно кем сформулированного.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

МАКС ВЕБЕР: МЕЖДУ ЭКОЛЬ ДЕ ПАРИ И АБСТРАКТНЫМ ЭКСПРЕССИОНИЗМОМ НЬЮ-ЙОРКА

Ēāī ēä Ēäöēī

В истории искусства случаются такие казусы: замечательный художник, который мог бы составить целую эпоху в живописи, оказывается как бы между двух эпох, каждая из которых включает в себя уже не одного творца, а целые художественные направления. В этом случае гением и классиком оказывается тот, кто становится символом такой «многофигурной» эпохи. А его предшественник и часто учитель, делающий первый шаг, оказывается лишь одним из многих представителей эпохи, уходящей в прошлое и оставляющей свое место чему-то принципиально новому.

Понятно, что такой «учитель» становится завершителем предыдущей эпохи, следовательно, никак не может претендовать на место ее «символа».

Примерно так можно было бы описать место родоначальника витебской художественной школы Иегуды Пэна, чью реалистичско-передвижническую славу прочно затмили его ученики-авангардисты Соломон Юдовин, Элизер Лисицкий и, разумеется, Марк Шагал.

Такова, похоже, и судьба замечательного еврейского русско-парижско-американского художника Макса Вебера.

Не так давно нам уже приходилось обсуждать выставку американских художников – выходцев из Российской империи, проходившую в залах Третьяковской галереи в Москве и Русского музея в Петербурге. Выставка была подготовлена столь некомпетентными к показу именно еврейского сегмента искусства кураторами, что пришлось больше заниматься обсуждением того непонимания, к которому кураторская неготовность привела, чем самими художниками и их творчеством. Поэтому теперь представляется особо важным от проблем кураторства перейти к творчеству Макса Вебера, художника, представленного и в каталоге, и на выставке далеко не полно и даже в известном смысле фальсифицированно.

Вышесказанное касается выставки. Что же до истории искусств, то Макс Вебер оказался волею судеб учителем и соратником великого американского художника Марка Ротко (Ротковича), который вместе с другим классиком, Джексоном Поллоком, стал родоначальником абстрактного экспрессионизма.

Прежде чем стать «абстрактным», этот экспрессионизм должен был, в полном соответствии с историей искусств, некоторое время побыть просто «экспрессионизмом». И он «побыл» им в творчестве Макса Вебера.

Мы недаром вспомнили здесь Эколь де Пари (парижскую школу) – громадное явление мирового и даже космополитического искусства, возникшее в столице Франции на рубеже прошлого и позапрошлого веков и просуществовавшее практически до начала второй мировой войны, когда масса евреев, входивших в этот художественный поток наряду с испанцами, грузинами, поляками, армянами и т. д., вынуждена была покинуть Париж.

Однако тогда же во Франции существовали и национальные («почвенные») художественные группы, противопоставлявшие себя интернациональной волне европейского авангарда. Это явление неплохо описывается фразой «Ла пентюр Франсэз версус Эколь де Пари» («французская живопись против парижской школы»).

Однако практически те же самые процессы имели место и в Америке до начала триумфа абстрактного экспрессионизма. Здесь, с одной стороны, существовали так называемый социальный реализм (не путать с социалистическим!) и регионализм, отражавшие трудности жизни американского рабочего класса (его замечательно представляет картина Бен Шана 1936 года «East Side Soap Box»), а с другой – существовала нью-йоркская школа с куда более радикальными, чем у регионалов, художественными устремлениями.

Однако и сюда надо было прийти с каким-то художественными багажом, и взять его иначе как в Париже тогда было негде.

Если о пути Ротко написано и сказано достаточно, то биографию и описание художественного становления Вебера проще найти в работах о его ученике, чем в специальных монографиях.

Вебер столь важный классик американского театральнo-декорациoннoгo искусства, к нашей теме практически не имеющего отношения, что его русско-еврейскому до-парижскому становлению в специальных работах уделяется совсем немного внимания, а если и уделяется, то получается, как в каталоге московской и питерской выставок...

В этой связи процитируем одну из работ о Ротко, где путь этот представлен кратко, но адекватно.

В 1925 году Ротко «решил поступить в класс Макса Вебера, знаменитого американского художника, который преподавал курс натюрморта. У Вебера и Ротко было много общего: оба они прибыли в США как русско-еврейские эмигранты в возрасте 10 лет. Вебер, один из наиболее прославленных пионеров модернизма в Америке, побывал в Париже в 1905 году, в возрасте 24 лет. Там он встретил прославленных фовистов (“диких”), группу художников, примыкавших к Анри Матиссу, Андре Дерену и Морису Вламинку, и попал под влияние Поля Сезанна и Матисса, недолго работая под руководством последнего.

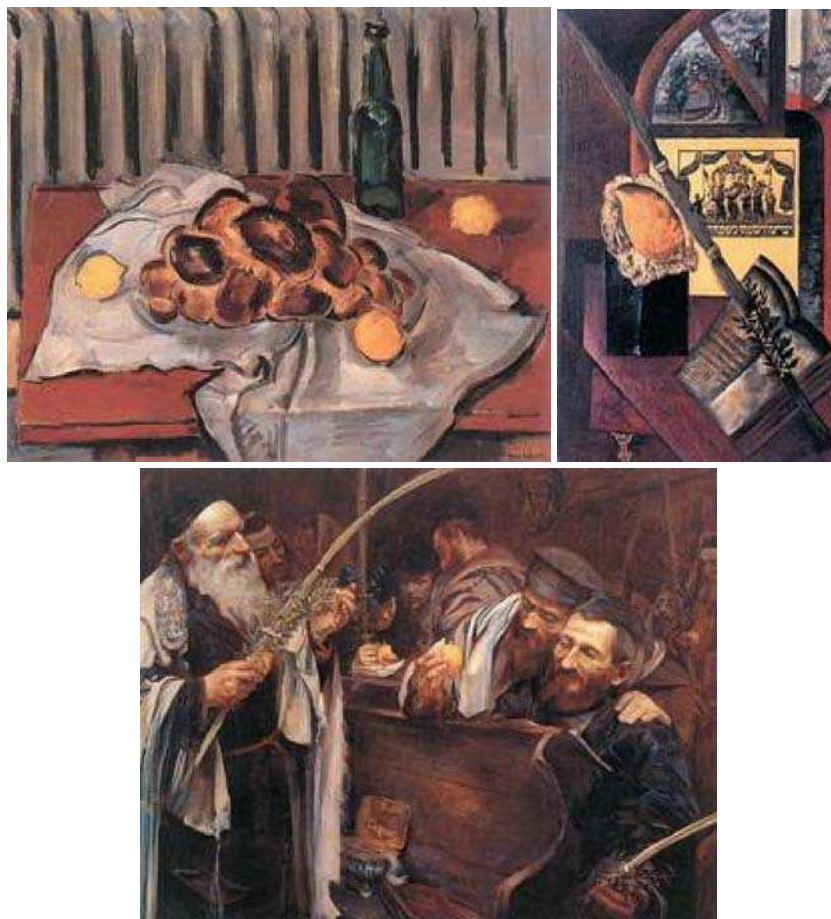
После возвращения в Соединенные Штаты в 1908 году Вебер развил свою собственную разновидность экспрессионистской живописи, стараясь перевести свое внутреннее духовное видение, переработанное в формы и цвета. На его уроках постоянно подчеркивались эмоциональная сила искусства и Б-жественный дух, который, как он верил, живет в произведениях искусства. Искусство для него не было лишь репрезентацией, но и откровением и даже пророчеством. Эти романтические идеалы произвели на Ротко впечатление, оставшееся надолго»[\[1\]](#).

В чем же состояло это воздействие, оставшееся еще с парижских времен? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся здесь дать.

Начнем не с ранних театральнoх декораций, которые, тем не менее, необходимо держать в памяти, если мы хотим понять колористическое и пространственное решение поздних вещей Вебера, и не с замечательно экспрессионистского и урбанистического «портрета» «Grand Central Station» («Центральный вокзал») в Нью-Йорке, а с камерного с виду «Натюрморта с халой» позднего 1930 года, на котором халу как бы немотивированно окружают три ярко-желтых лимона.

Сравним этот натюрморт с тем, что можно было увидеть на сугубо еврейской картине Иссахара-Бер Рыбака 1925 года («Натюрморт с еврейскими ритуальными предметами», *Museon Israel, Jerusalem*) и на как бы совсем нееврейском «Натюрморте с черным подносом» Давида Штеренберга 1924 года из Московского музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Связь этих двух вещей с Суккотом и не столько лимоном, сколько этрогом, давно была продемонстрирована в монографии о Штеренберге Евгенией Анферовой. Она же продемонстрировала связь этих вещей с итальянским «Сборником Ротшильда» конца 1400-х годов, где изображены ритуальные еврейские трапезы и другие подобные документы[\[2\]](#).

М. Вебер. Натюрморт с халой. 1930 год \ И.-Б. Рыбак. Натюрморт с еврейскими предметами. 1925 год \ Л. Пелиховский. Суккот. 1894–1895 годы

Таким образом, и в Советской России середины 1920-х годов, и в Америке 1930-х годов еврейские художники, кто открыто, кто прикровенно, использовали один и тот же язык, хорошо понятный тем, кто его знает. Марк Ротко учился у Макса Вебера как раз тогда, когда в России два художника писали то, что Вебер напишет уже после того, как его ученик найдет себя в искусстве, преодолев во многом тягу учителя к символической фигуративности.

Реалистический вариант того, что мы видим на картинах Рыбака и Штеренберга, можно представить себе по работе польско-еврейского художника Леопольда Пелиховского 1894–1895 годов «Суккот», где мы видим три этрога в руках разных персонажей картины.

Если же внимательней отнестись к картине Макса Вебера «Натюрморт с халой», то с большей или меньшей долей вероятности можно предположить, что вершина треугольника, образуемого тремя (будем считать) лимонами, хотя с тем же успехом их можно счесть и этрогами, если этому не противоречит обычная хала, противостоит углу скатерти, образуящему встречный треугольник, а значит, образует вполне очевидный маген Давид. Впрочем, и характерная конфигурация халы или хал дает тот же эффект.

Лишь для создания этого эффекта и нужны три лимона. И они же, своим количеством, вполне удачно уводят зрителя от ассоциаций с Суккотом.

Совершенно иной источник художественного вдохновения присутствует в знаменитой картине Вебера «Талмудисты» 1934 года. Разумеется, здесь не могло обойтись без традиционных жестулирующих и спорящих либо умиротворенно внемлющих друг другу еврейских мудрецов.

Однако Вебер вновь дает зрителю возможность увидеть скрытый сюжет своей картины. Достаточно обратить внимание на маленькую фигуру, призывно указывающую на голубеющее окно и приглашающую спорящих увидеть, что наступает Суббота, или праздник Торы, которая должна быть встречена надлежащим образом. Нам уже приходилось в этой связи напоминать классический сюжет из «Агады на Песах» о трех еврейских мудрецах, споривших о времени начала Песаха, которым ученики сказали, что праздник уже начался.

Но вернулись мы к этому сюжету не случайно. Дело в том, что пространственное построение картин Макса Вебера ничуть не менее символично, если не цитатно, чем его же сюжетные и колористические решения.

Исследователи не раз обращали внимание на то, что колористически его «Талмудисты» восходят к манере испанского художника Эль Греко. Однако сам по себе факт отсылки к Эль Греко еврейского художника в 1934 году, тревожном для евреев из-за прихода Гитлера к власти в Германии, заставляет задуматься о содержании послания художника и о его настрое. И здесь жест человека на лестнице, напоминающий евреям о наступлении радости, становится жестом, свидетельствующим о приходе беды, причем именно тогда, когда должны приходиться Песах или Царица Суббота.

Ведь именно испанская инквизиция и ловила марранов, тайно соблюдавших еврейские обряды, праздники и ритуалы. Ни для кого не секрет, что за этим следовал костер инквизиции.

Д. Штеренберг. Натюрморт с черным подносом. 1924 год

Именно такая сцена, но не в сводчатом подвальном антураже, а в шикарных хоромах, изображена на знаменитой (и, к сожалению, не дошедшей до нас) картине еврея, русского художника академика М. Маймона «Марраны» («Тайный седед в Испании времен Инквизиции») 1893 года.

Создается ощущение, что сдавленное пространство картины Макса Вебера противопоставлено роскошеству (вообще-то говоря, сомнительному) марранского дома у Маймона, а сгрудившиеся талмудисты противопоставлены у Вебера чрезмерно демонстративной пасхальной свободе марранского стола.

Соответствуют друг другу лишь правые края картины, где у М. Маймона виден вздымающийся меч инквизитора, а у Макса Вебера за маленьким окошком, в котором сгущаются сумерки, еще чуть дальше видно зловещее красное зарево, символика которого может восходить и к событиям 1934 года, и к трагедии евреев-марранов конца XV века.

Картина М. Маймона вызвала в свое время форменный скандал. И нетрудно понять почему. Шик марранского дома можно сравнить с такими вот строками крупнейшего русско-еврейского поэта Семена Фруга:

Áááí úé éó: èàì í ááú ò óñéíé

Òèòí, ðí áéí í çàðÿàò

Ì ðàé ñúðíá í íáçàì áéúÿ

Ááçí àááze í í, ááçí ò ááò í í.

Ì áðéí óò ñéàáú á ñáò è éúú è

Ñàì è ááò ááí í í é è àì í ááú,

Ì í ðí ééí óò í é í ááðáze í í

Í à àì áí í á í í óò áéí í .

Í ðáá àì áí í í ñò í é ò ðáí áçí úé

Ñ « Õé ááí í Áááí í ñò è ». Ñò ðáí è óú,

Ñò áðí é, ñéí í è àì í í é Ááááú

Óóò è ò àì áí ò úú á ááé á ðò.

Í à í í é ó ñááè í áéí í é í á

Áí é í áí é óí áá ðáçá è ò í é

Í à è çí ðááí í úé í áðáí áí ò

Ì é ðí áááé áí í í á ñá è ò é á,

Î çàðÿàì úé ïîðïð
Ñàìòîî ãàïï òùàé èàì ïààù,
Èï÷àí ààò ïàèííééé
Òðòï óàéòîîã ï àððàí à...

.....

(Èò çàïò àèè áííàçàì àéùè
çà ï àïïàéùù ïð òðàí àçíé! -
Áïïï ðïùàðùàÿ öàðéí àïï
Èò ïðïïòèòü óàù! í á ï àèàò...)

.....

Í àòí àò ãàðïð... ï àòí àò èðíàïð...
È òîðàèàïò àáííí, è ïòðéíí
Ðàçàààòîÿ «De profundis»
Í àà òîéíí ïð ïðàééíí àííéé...

Этот католический «De profundis» восходит к книге Иова, которую читают евреи в Йом Кипур – Судный день, когда Йона взывает из глубины к Всевышнему о спасении.

Поэтому, похоже, картина еврейского художника, живущего в Америке и усвоившего самые актуальные парижские уроки, относится к годам его взросления и, возможно, национально-художественного становления.

Но в любом случае, «безобидные» с виду «Талмудисты» несут в себе тот самый заряд еврейского трагического пророчества, что столь скоро станет явью в Европе 1940-х годов.

А вот картина «Суббота» 1941 года, побывавшая в Москве и Петербурге на выставке русских художников-эмигрантов, осевших в Америке, которую мы рассматривали в контексте «Суббот» других американских художников-евреев и в контексте выставки, и предшествующая ей работа Макса Вебера «Суббота» 1919 года на выставке отсутствовали, как и «Натюрморт с халой».

Это, разумеется, не столько претензия к организаторам, сколько сожаление о том, что рядовой зритель, которому не доступны американские книги и альбомы еврейского искусства, либо просвещенный зритель, которого не интересуют скрытые

еврейские смыслы, но который легко «считывает» очевидное, не могли даже из каталога понять, насколько глубока еврейская составляющая Макса Вебера и насколько она управляет его искусством и жизнестроительством.

М. Вебер. Талмудисты. 1934 год

Меж тем сопоставление «Суббот» 1919 и 1941 годов дает именно такую возможность. А находящийся между этими «Субботами» «Натюрморт с халой» 1930 года, плотно связанный (неважно, генетически или типологически!) с еврейским авангардом своего времени и еврейским искусством предшествующей эпохи, позволяет делать выводы о еврейской духовной и национальной составляющей картин Вебера, не боясь ошибиться или же впасть, как говорят искусствоведы, в гиперинтерпретацию.

Итак, на картине 1919 года мы видим типичную субботнюю сцену, написанную в явственной постсимволистской или умеренно экспрессионистской манере, чем-то напоминающей лица на картинах Амедео Модильяни. При желании здесь можно увидеть и частичку будущих «Талмудистов». Она видна в работе художника с линиями спинок кресел, в контрастах поз участников дневной субботней трапезы. На это указывает дневной пейзаж за окном. А на то, что Суббота перед нами вполне кошерная, – платок на голове старшей из женщин, одетой в голубое платье.

Не хотелось бы выйти за пределы допустимого, но кажется, что левый спорщик еще продолжает о чем-то говорить, а его *vis-a-vis* уже явно предается главному занятию после второй трапезы в Субботу – «онег шабат» – субботнему сну. Об этом свидетельствуют и книга, которая просто лежит на груди, и закрытые глаза правого еврея. А реагируют на реплики левого еврея две женщины. Одна – в желтом – показывая, чтобы говорили тише, и вторая – в голубом – умиротворенно слушая собеседника вместо уснувшего мужа.

М. Маймон. Марраны (Тайный седер в Испании времен Инквизиции). 1893 год

Теперь посмотрим на «Субботу» 1941 года. На ней не столько изображены какие-то признаки традиционной Субботы, сколько некое подобие парижского кафе и два игрока то ли в шахматы, то ли в карты. На игроков смотрит женщина в красном. А напротив читатель толстого фолианта, хотелось бы верить, что Талмуда, но, похоже, это газета. Впрочем, за исключением какого-то непонятого назначения сосуда, стоящего на столе перед игроками, ничего субботнего на этой картине нет.

Если же вспомнить, что за семь лет до этой картины были написаны «Талмудисты», то «отколовшийся» третий человек в черной шляпе с большими полями, явно «цитирующий» шляпы из «Субботы» 1919 года, уже не имеет, в отличие от «Талмудистов», собеседника. Что тоже, пусть и в странной обстановке шабата в артистическом подzemелье, не может не быть символично.

Но в любом случае, не могут не привлечь к себе внимание зловещие голубоватые своды подвала, в котором происходит действие. Ведь именно такие своды мы видели в «Талмудистах» и именно этого типа конструкции использовал Вебер в своих ранних модернистских декорациях.

Теперь, как кажется, мы можем сказать, что Макс Вебер не только воплотил в своем творчестве еврейские идеи и традиции, не только сумел последовательно пройти сквозь все важнейшие течения в искусстве XX века, но и сохранить в творчестве следы и отголоски своей непростой жизни. Причем следы и русско-еврейские, и восточноевропейско-еврейские, и отразил (вольно или невольно, хотя нам ближе первое) творчество своих бывших соотечественников и даже отголоски творчества академика М. Маймона. При этом не так уж трудно понять, что как раз эти черты его работы труднее всего сохраняют свое значение при переходе художника из мира русского, пусть и достаточно просвещенного, еврейства в совершенно другой мир еврейства американского, часть которого на рубеже прошлого и позапрошлого веков чувствовала себя уже почвенно-укорененной в американской действительности и менее всего стремилась оставаться в рамках еврейского эмигрантского гетто. Более того, сам художник делал все, чтобы стать видным американским художником, чье происхождение в условиях американской терпимости не мешало бы ему ни в чем. Другое дело, что от себя не уйти никому. Поэтому подавляющее большинство еврейских картин Макса Вебера находится в еврейских собраниях, а остальные там, где надлежит находиться произведениям общечеловеческого искусства.

М. Вебер. Суббота. 1919 год

Но, с одной стороны, и вполне абстрактные картины Марка Ротко благополучно оказываются в еврейских собраниях. С другой – на примере недавней выставки в Третьяковке и Русском музее – мы видели, что происходит, если к картинам еврейских художников подходить без учета еврейского мировоззрения их авторов.

В нашем контексте нетрудно увидеть изображение двух негорящих субботних свечей, которые некому зажечь после Катастрофы. Но для этого надо помнить о месте «Суббот», «Натюрмортов с халой», «Талмудистов» и т. д. в творчестве Макса Вебера.

На этом фоне уже не таким загадочным и не таким нееврейским окажется абстрактный экспрессионизм его ученика и последователя Марка Ротко, которому именно абстракция позволила глубоко запрятать то еврейское, что можно назвать английским словом «impact».

Такая ситуация – «учитель – ученики» – уже была в еврейском искусстве. Только имела она место на одну историческую стадию раньше, чем переход от экспрессионизма к его абстрактному аналогу.

М. Вебер. Суббота. 1941 год

Нетрудно догадаться, что речь идет о периоде перехода от передвижничества Пэна к еврейскому (а не «абстрактному») экспрессионизму Эколь де Пари, к которому принадлежало творчество Шагала 1910-х годов. Ученики еврейского экспрессиониста ушли от него к супрематисту Казимиру Малевичу, а еврейский вариант супрематизма был реализован, правда, наряду и с еврейским экспрессионизмом «Хад Гадьи», и «Пражской легенды», учеником Иегуды Пэна Эль Лисицким. Не будем забывать и того, что без Малевича или Любови Поповой не было бы и Марка Ротко. Но это уже совсем другая тема.

Так – то параллельно друг другу, то пересекаясь в каких-то точках – развивались две ветви еврейского искусства, одна в белорусском Витебске, другая в латгальском Динабурге-Двинске, откуда родом были Ротковичи, с неизбежным заходом в другие центры еврейской и мировой художественной жизни, но с трагическим и кровавым разрывом в середине XX века, который, как мы видели, на своем художественном языке отразил Макс Вебер.

Теперь же все эти художники находят себе место в истории искусства XX века, в «общих» и в еврейских музеях.

Иначе и быть не может. Впрочем, может. Многие из соратников американо-еврейских художников, не успевших покинуть Лемберг и Варшаву, Краков и Париж с Берлином, выставляются теперь в музеях искусства Холокоста. Этой судьбы «американцы», к счастью, избежали...

[1] Jakob Baal-Teshuva. Rothko. Taschen, 2003. P. 23.

[2] Анферова Е. Давид Штеренберг. Символ и метафора в творчестве художника. Опыт интерпретации. Иерусалим, 2005.

ЮЛИЙ ГУГОЛЕВ

Я – Юлий Гуголев (р. 1964). Поэт и переводчик. Лауреат премии «Московский счет» (2007). Автор книг: «Полное. Собрание сочинений» (2000), «Командировочные предписания» (2006), публикаций в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Октябрь» и др. В своих переводах публиковал стихи Шеймаса Хини в журнале «Арион» (1998), Тома Полина в сборнике «Мед и Мазут. Шесть ирландских поэтов» (2000), А.Э. Сталингс, Тони Хогланда и Эллис Фултон в Антологии современной американской поэзии (2007).

Живу в Москве.

А вообще-то, я тонул в болоте, прыгал с парашютом, видел Косыгина в черничнике и Майкла Коллинза без скафандра. Так что писать врезку к самому себе – мука. И смысла никакого я в этом не вижу. То есть будь я старой девушкой-шахтеркой – это одно, а вот раз уж я такой, какой пишу, – это совершенно другое. Ибо все сразу наполняется иным, доселе неведомым смыслом, и некий иной, прежде не пробивавшийся сквозь темноты бытия, сияющий поток изливается на склоненные головы так, чтоб казалось, что озарятся даже те углы рассудка, где и так не гасят свет, правда?

Вот именно, что нет!

Спасибо за внимание.

* * *

– Да-а, а вот Генцы мясо едят... –
бабушка входит, держа в полотенце
сковороду, на которой шкворчат
сделанные из очисток картофеля
драники: их со слезами готовили,
их почему-то не кушают Генцы,
хоть в них вся польза, а в мясе весь яд.

К Генцам у бабушки зависти нет, –

пусть их владели всем домом, при этом
шили корсеты; Генцев корсет
шел и для Малого, и для Большого;
пол-Лепешинской и Люба Орлова
(это когда уже для Моссовета)
Генцами скушивались в обед.

Кошка задумалась в рыхлом снегу.
Бабушка снова в слезах: – Каково им!
Жалко, – я вам передать не могу.
Генца Володю особенно жалко.
Вот ведь, во всем виновата овчарка:
выла в бомбежку, – предательским воем
слала условные знаки врагу.

Двор «Артистического» кафе.
Ящики из-под слоеных пирожных.
Папе лет восемь, свинец в рукаве.
Если кто первым залез в эти ящики,
он же все крошки возьмет настоящие,
он же получит под дых и по роже,
вряд ли по яйцам, – по голове.
Бабушка плачет о папе навзрыд,
переполняя слезами корыто
(мыло настругано, пена шипит),
что он читал, когда кушал. По-моему,
«Лезвие бритвы». – Все будет по Моэму! –
папа клянется над книгой раскрытой
и над тарелкой с клеймом «Общепит».

Бабушкин плач обо всем и о всех,
но вот чего нам не стоит касаться
(я-то коснусь, не взирая, что грех),
это что бабушкина кулинария,
чем несъедобнее, тем легендарнее:
скудные слезы фальшивого зайца
льются сквозь миру невидимый мех.
– Кожа – для шейки... Курятину – в плов...
Бабушка, с курицы кожу снимая,
думает не о количестве ртов,
но лишь о том, как обеду свариться бы.
Просто у бабушки есть свои принципы,
с коими связана сцена немая,
перед которой несколько слов:

– Жареный лук... Два стакана муки...
...перемешать, только не в сковородке...
...сделать из кожи куриной чулки...
...шейки на ощупь должны быть чуть
жидкими...

Все зашивается белыми нитками.
Кажутся нитками на подбородке –
в коже оставшиеся волосы.

– Нет, потроха мы оставим в тазу...
– Что, могут выпасть?... – Бывает...

но редко...

– Что, вам удобно так? Шить на весу...
– Шов должен быть, как в пельмене бороздка...
...важно, чтоб не подвела заморозка.
Возле подъезда стоит табуретка.
– Где табуретка? – Обе внизу.

– Если что нужно, свяжитесь со мной.
Ой, да ну что вы, нет легче работы.
В общем-то, хватит и справки одной,
это для агента, мы же горячее
купим и окорочка на горячее,
так что закуски – колбаски там, шпроты, –
то есть как рыбной, так и мясной.

– Сам я всё вымою, даже не мой.
Кто же сливает из противня жижу!
Бабушке я объяснил все самой,
в форме доступной, но чуточку резкой,
мол, обойдемся без кухни еврейской.
Вышел на кухню, и что же я вижу...
Здесь описание сцены немой.

Кожи-то нет на курином бедре.
Бабушка, снявши ее, хорошенько
вытопит все, что осталось в мездре,
медленней соображая от горя.
Дедушка нынче свезен в крематорий.
Раньше из кожи готовили шейку.
Серую шейку на смертном одре.
То, что на бабушку стал я орать,
в Страшном суде мне припомнят отдельно.
Даже смягчившись, небесная рать
будет всю вечность смотреть с укоризной.
Бабушка уж не хлопочет над тризной.
Бабушка в спальню уходит, как велено, –
ляжет в постель, но не скрипнет кровать.

Бабушка плачет и обо мне,
но дух ее прочен, как магендовид.
То она всхлипнет, точно во сне,
а то, словно суриковская боярыня,
вскинет двуперстие, выдохнет яростно:
– Всякий из многого приготовит!! –
и отворачивается к стене.

* * *

Ну что ж это за наказание!
Спокойно стою себе в тамбуре.
Курю сигарету приличную.
Ничем вроде не отличаюсь
от прочих командировочных.
Спокойно стою, но не робко.

Доехать хочу до Казани, –

хотя согласился б и за море,
устроил бы жизнь свою личную...
Но тут, раскрасневшись не с чаю,
заходит мужик в тренировочных
и ростом мне до подбородка.

Нет, я совершенно спокоен.
Со мной как всегда мое прайвиси
(нет чтоб он приперся попозже!).
Курильщиков сдуло как ветром
(и мне бы уйти), а на кой им...
(Ну, нравишься ты ему, нравишься.)
Он тянет из пачки вопрос уже.
Я лезу в карман за ответом.

Ну, что, – говорит он, – татарин? –
А взгляд-то его все добрей.
Ну, что, – продолжает, – покурим? –
и смотрит уже как на брата,
и вроде действительно рад,
за что я ему благодарен,
но сам я не столь рад, однако.
И, надо признать, что еврей,
а он говорит, что «не надо врат!..
зачем, брат? не надо врат!..»,
так вот, без мягкого знака.

Дались мне поездки в незнаемое!
И я обещаю себе в который
раз не шастать впотьмах,
не называться евреем,
кушать один перемяч-эчпочмак,
смотреть за окно,
а там все чревато делирием,
там все татары со мной заодно
ругаются билят-конторой.
Небеса над Казанью подобны валькириям
Какими же им еще быть в ноябре, ё-моё,

дорога-то тряская, скользкая.
И, глядя на все это воинство,
мне все очевиднее кажется,
лишь мне в целом свете не свойственно
все это татарское ханжество,
какой-то прям хамство монгольское.

* * *

(Река Хаим)

Жил на свете Хаим,
и наверняка им
занимался местный краевед.
Нам, не краеведам,
Хаим был неведом.
Наш автомобиль у края вод.

Кто-то уже водку достает.
Кто-то занят отраженным светом.
Выпив, мы знакомимся с бурятом
и, уже готовые вчерне,
омуля готовим на рожне.
А река бормочет что-то рядом.

– Эй, бурят, скажи-ка, ведь не даром,
Хаим, арестованный жандармом,
был повешен? Как все было встарь?
– Как тут было все заведено,
и кого Хаим наш лесом вывел,
зачем покрывал их, безумный шинкарь,
теперь уж сказать мудрено.
– Эй, бурят, ты слишком много выпил.
А река бормочет все равно.

Пускай завершились те мероприятия,
далёко теперь та река,
Бурятия мне вспоминается часто,
ты часто мне снишься, Бурятия!
хоть ты от меня далека.
Ну, ладно там ночью, а щас-то –
взглянув на унылые, мрачнобородые
лица уж вам-то известной породы,
я, кажется, слышу и тут:
– Хаим, Хаим,
передай своим,
чужие идут.

* * *

Чаю воскресения мертвых.

Символ веры

Услыхал еврей про три желания
и говорит золотой рыбке:
– Я хочу роллс-ройс, дом
во Флориде, пять миллионов евро
и молодую, красивую, покладистую жену
с хорошей фигурой, – это раз...

Из анекдота

Это знаете как бывает:
мрак ночной вас в гостях застиг,
разговор затихает, и стих,
но решимости все ж не хватает,
чтоб убраться в ночную мглу,
и хозяйка, зевая глотая,
снова чайник несет к столу.

– Мне пора, дорогие друзья.
– Да мы все щас пойдем! А чаю?
Мне не думать об этом нельзя,
я с трудом за себя отвечаю:

чаю? – я! воскресения мертвых? –
тоже я! – и как с рыбкой еврей
торговавшийся, – это во-первых, –
добавляю у самых дверей.

Книжки спят, знать, пора и нам,
с нами все ж веселей семенам
в перегнутое орковых грядок.
Говоришь, не постельный режим?
Ну а чё такой беспорядок?
А чего мы тогда лежим,
точно письма в пустых конвертах?
Кто надписывал имена?
Ну, чего мы лежим, зевая?!
Ждем ль чего?
Воскресения мертвых,
видишь, очередь тут одна,
но еще не вполне живая.

* * *

В Тбилиси, где волнуется Кура,
когда ее не называют Мтквари,

по выходным, часов с семи утра
купца сговорчивого чуют антиквары,

передо мной товары разложив, –
а мне все кажется, что я их видел где-то,
еще когда мой бабушка был жив,
как будто вещи из его буфета.

В Германии ходил я на флёмаркт,
В Америке бывал я на ярд-сейлах,

но там иначе, отстраненной как-т',
– среди вещей поломанных и целых

не жизнь в ее предсмертной пестроте,
а так, трофейных фильмов персонажи.
Но там они ж не наши, – вещи те,
а тут уже, в Тбилиси, тут уж наши.

Кто покупал? Кому дарил потом?
Кто на кого орал: “Держите вора!”
Вот бронзовая девочка с зонтом...
Вот блюдце кузнецовского фарфора...

Вот гобелен с семейством у реки,
на нем уже не различите лиц вы...
Прищепка в виде маленькой руки...
Серебряный стаканчик
«В день бар мицвы...»

(Возможность же все это описать –
эмаль кантонскую или сервиз саксонский, –
единственная, в общем, благодать...
Вот и описывайте! Чё я вам, Херсонский?)
Среди других торгующих людей
запомнилась одна мне старушонка
тем, что в китайской вазе перед ней
заметил я мышонка, – нет, крысенка!
Действительно, рот длинен, зубки кривы,
черты лица остры и некрасивы!
Что ж я заладил! Экая брехня!
Прекрасны зубки. Видно это сразу.
Но как она попала в эту вазу?
Зачем она так смотрит на меня?

Ни тени зависти, ни замыслов пустячных
не вызывает это существо.
Ей все на свете так безмерно страшно,
так живо все, что для иных мертво!
К примеру, швабра, пылесос иль веник.
– Калбатано, – спрошу я, – сколько денег?
Но та не отвечает ничего.

Что? Будет день, когда она, рыдая,
увидит с ужасом, что вопреки годам
она всего лишь бедная норушка?
(Мне верить хочется, что добрая старушка
на мой вопрос ответит: – Нэ продам!)

Напоминает крошечное тельце:
«Не притесняй, не угнетай пришельца...»
Горит у ней на крошечном челе:

«...ни вдов и ни сирот, поскольку сами
такими же вы были пришлецами
когда-то там в Египетской земле».

Она сидит, как будто ни при чем,
но, в сущности, боясь пошевелиться.
Мне говорит ее умильный облик:

«...возопиют, и Я услышу вопль их...
и каждого из вас убью мечом,
когда Мой гнев на вас воспламенится...»

А если так, при чем тут красота
и почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором крыса та,
иль крыса та, которая в сосуде?

А глазки-бусинки горят во тьме Китая,
кого-то мне весьма напоминая.

*Ἰσίδεσάουερ ἰτῆῖοτῆεῖ
Αἰῖδ Ἰῖῖῖ*

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2010 ШВАТ 5770 – 2(214)

ЕВРЕЙСКИЕ ПАРАДОКСЫ И ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЖИЗНИ И В ЯЗЫКЕ

Àëàéíáí äð Ĩ èëèò äðíá

Ох как все непросто с евреями: парадокс на парадоксе сидит и парадоксом погоняет! Меня попросили написать для американской русскоязычной еврейской газеты рецензию на отчет о некоем социологическом исследовании, что я и сделал [11](#). Но как только начинаешь думать или писать про дела еврейские, трудно удержаться в строгих академических рамках – евреи туда никак целиком не утрамбовываются. Все время за эти почтенные рамки вылезает то любознательный нос, то ухмыляющийся рот, то еще какая-нибудь характерная часть обманчиво немощного еврейского тела. Вот и тут: уже опубликованная короткая рецензия стала post factum обрывать разными дополнительными соображениями, в результате чего и получился этот текст.

Вызвала нижеизложенные соображения брошюра под названием «The Paradox of Jews and Judaism in Russia and the Ukraine. Key findings from an attitudinal study conducted with Russian and Ukrainian Jewry, 2007» («Парадокс евреев и иудаизма в России и Украине. Ключевые выводы по результатам исследования взглядов евреев России и Украины, проведенного в 2007 году»); к ней приложена программа международной конференции по идентичности русских евреев, состоявшейся 19 декабря 2007 года (место проведения не указано). Издал брошюру The Institute for Jewish Studies in the CIS under the auspices of Rabbi Adin Steinsaltz (Институт изучения иудаизма в СНГ под руководством раввина А. Штейнзальца). По заказу этого института и при поддержке UJA-Federation of New York полевая составляющая исследования осуществлена Левада-Центром, а вся методико-аналитическая часть – Гуттмановским центром при Израильском институте демократии.

Читатель может спросить: зачем эти подробности, да еще на двух языках? Дело в том, что внимательный взгляд на названия, заголовки, титулы – все то, что мы обычно пробегаем глазами, – дает богатую пищу для анализа точно так же, как в советские времена места в шеренге членов Политбюро на трибуне Мавзолея, степень их удаленности от – или близости к – Главчлену давали пищу для небезосновательных предположений о результатах последнего раунда грызни в этой замечательной лавочке. Меня, например, титульный лист брошюры навел на размышления о еврейской идентичности и обозначающих ее терминах в русском и английском языках.

В русском языке, помимо стилистически и содержательно разнородных именованний типа «жида», «иудаиста», «эксностриса», «космополита безродного», «пятой колонны» и проч., имеются два основных термина, восходящие к двум древнееврейским этнонимам, которые, впрочем, в самой еврейской Библии встречаются сравнительно редко, – иври и йеуди. Эти термины – «еврей» и «иудей» – обозначают два связанных, но ясно различающихся понятия, что соответствует представлению о евреях, восходящему в России еще к XIX веку, но окончательно сложившемуся в советский период. Термин «еврей», этимологически восходящий к библейскому иври, – обозначение национальности в русском значении этого слова (в современном английском, как известно, главное значение термина nationality – «гражданство», хотя в значении «национальность» он тоже иногда употребляется), т. е. этнической принадлежности, или, ненаучно, «расы» (хотя еще в донацистской, а особенно в нацистской Германии именно под такое понимание пытались подвести научную базу); в английском ему соответствует слово Jew, восходящее через старофранцузский, латынь и греческий к древнееврейскому йеуди. Иудей – обозначение религиозной принадлежности; английское соответствие... тоже Jew (помните антисоветский стишок послекультовской эпохи: «Первый сокол – Ленин, второй сокол... тоже»?). Есть еще, правда, Hebrew – того же происхождения, что русское «еврей», но в качестве этнонима этот термин относится, как правило, к древним евреям.

Из всего этого следует, что донести до англоязычного собеседника, например американского еврея, различие двух русских терминов – а значит, и различие передаваемых ими понятий, а значит, и само бытующее в России представление о еврейской идентичности, о том, кто здесь себя считает и кого другие считают евреем, – не так-то легко. Казалось бы, чего проще: не все же слова в русском имеют прямой эквивалент в английском, и наоборот, – ну и объясни описательно, не одним словом, а несколькими. Ан не тут-то было! Язык не только выражает и отражает человеческие отношения и взгляды на мир в их историческом развитии, но и сам может оказывать на них влияние и даже их лепить. При всем том, взаимонепонимание между русскими

евреями и, например, американскими, начинающееся с переводческих трудностей, выходит далеко за языковые рамки.

Украинцы впервые пробуют мацу. Шаргород. Украина. 1992 год

Приведенное выше соотношение терминов отражает реальное положение вещей: общеизвестно, что в отличие от бывшего СССР и сегодняшней России, где еврейство – принадлежность национальная, или этническая, в США это принадлежность религиозная и в государственной практике, и в общественном сознании, как еврейском, так и нееврейском. Американская концепция еврейства соответствует этнорелигиозной еврейской традиции, окончательно сложившейся в послебиблейскую эпоху, однако непосредственно восходит, скорее всего, к знаменитой формуле «мы – граждане Франции моисеевой веры», порожденной Великой французской революцией и Хаскалой. Никакого разделения на «еврея» и «иудея» в рамках этой традиции быть не может (в языках, где существуют оба термина, они обычно полные синонимы). Впрочем, российское восприятие еврейства как категории преимущественно этнической, а в конечном счете – генетической, биологической тоже имеет весьма значимые корреляции в еврейской истории. Назовем главные из них.

Во-первых, об этом свидетельствует самый объективный источник – язык: в Танахе евреи называют себя ам «народ» (этимологически восходит к значению «клан, совокупность людей, объединенных общим предком по отцовской линии»); остальные библейские термины, идентифицирующие евреев, такие, как Исраэль (в ам-Исраэль, «народ Израиля», и бней-Исраэль, «сыны Израиля»), йеуди и другие, являются этнонимами, как правило выводимыми из имени собственного одного из праотцев. Что касается термина иври, заимствованного многими языками мира в значении «еврей», то в самой еврейской Библии он встречается нечасто и, по-видимому, представляет собой экзоэтноним (т. е. имя, которым данный этнос называют соседи, а сами его представители используют это название преимущественно при общении с иноплеменниками) не вполне ясного происхождения (считается связанным с глаголом «проходить, переходить» и существительным «одна из сторон, [другой] берег»). Как бы то ни было, в Библии не видно свидетельств о самоназваниях или иноназваниях, связанных с определенным именем божества или основоположника религиозной традиции либо характеризующих эту традицию (аналогичных терминам «брахманисты», «конфуцианцы», «христиане», «буддисты», «магометане», «мусульмане», «православные», «католики», «лютеране», «протестанты» и т. п.).

Во-вторых, такая самоидентификация вполне соответствует алахическому признаку «еврейства по матери», развившемуся, судя по всему, в послебиблейский период.

В-третьих, это соответствие очевидно в «иноидентификации» – антисемитизме, являющемся одним из опорных критериев еврейской идентичности: исторически гонения на евреев именно как на кровнородственную общность имели место никак не реже, чем как на общность религиозную. В Древнем Риме спорадические антиеврейские акции, похоже, были направлены без особого различия против евреев, соблюдавших веру отцов, и их эллинизированных соплеменников (сошлемся на александрийский погром 38 года н. э.). Из истории полиэтничного христианского мира на ум приходят хотя бы яростные проповеди Иоанна Златоуста конца IV века, направленные против евреев-христиан и вообще евреев как народа. Вспоминаются и преследования в Испании XV–XVII веков так называемых *conversos* – евреев, обращенных в христианство, в том числе и добровольно. Именно в Испании середины XV века, а не в Германии XX-го была впервые сформулирована расистская доктрина и издан первый «Статут чистоты крови», по которому евреи по крови были лишены целого ряда важнейших прав, в том числе права занимать места в церковной иерархии – ведь не про иудеев же это! (Показательно, кстати, что в не менее полиэтничном и в целом более терпимом средневековом мусульманском мире никаких ограничений или гонений на евреев по этническому признаку не было.) Естественно здесь вспомнить ненависть к «еврейской расе» германского нацизма и его пособников в других странах Европы и кампанию в СССР против «безродных космополитов» (похоже, что эпитет «безродный» был – не без дьявольской ухмылки – выбран с целью сокрытия [дабы не пятнать светлый образ интернационалистской идеологии] того факта, что объект преследований «назначен» именно по «родовому» признаку).

И наконец, в-четвертых, современность: многочисленные нерелигиозные и не столь многочисленные совсем не соблюдающие традиции евреи Израиля, причем не только русскоязычные, считают себя ничуть не менее полноценными евреями, чем их религиозные и соблюдающие сограждане. В какой-то степени это относится и к евреям США и некоторых других стран диаспоры (хотя тут возникает целый ряд проблем, связанных с кризисом еврейской идентичности, но это отдельная тема). В данной связи уместно вспомнить забавную и поучительную историю, рассказанную как-то публично М.А. Членовым (прошу прощения у рассказчика за возможные неточности – цитирую по памяти). Еврейская община Австралии приглашает его на выступление. Организаторы предупреждают: у нас тут есть еще три видные общины, называющие себя еврейскими. Ну, одну из них с натяжкой можно считать еврейской, зато у двух других никаких признаков еврейства мы не наблюдаем; кто-то от них может прийти на ваше выступление, профессор, – так что будьте готовы ко всему... (в этом месте М.А. обратился к московской еврейской аудитории с вопросом: «Ну-ка, догадайтесь, кто имелся в виду?» – и, надо сказать, автор этих строк первую общину каких-никаких, но все же евреев не угадал – оказалось, это евреи из Южной Африки, – зато остальные две назвал безошибочно: живущие в Австралии русские евреи и... израильтяне). После выступления к М.А. подошел пожилой человек и сказал по-русски: «Профессор, я спросить пришел. Вот вы умный человек, объясните мне, что это за местные евреи такие – на евреев не похожи, а сами нас за евреев не держат? Ну, подумаешь, ходят они в свою синагогу... Ни поговорить по душам, ни выпить с ними. Я вот сорок лет в Крыжополе мастером отмахал, у нас там евреев было – ползавода, а уж интеллигенция-то вся наша. Мне ли евреев не знать!»

Занятия по программе STARS. Праздник Суккот. Томск. 2007 год

Теперь о серьезном. Результаты игнорирования такого коренного различия в представлениях оказываются «однонаправленными»: русские евреи, живущие и в Америке, и в России, что бы они ни думали про американскую еврейскую идентичность, на положение американских евреев не влияли и не влияют – пока, по крайней мере. А вот мощное американское еврейство очень даже влияло – вспомним мощные кампании в Штатах за выезд евреев из СССР – и поныне влияет на положение своих собратьев как в России (вкладывая в это немалые средства), так и в Америке. «Влиять на положение» в данном контексте означает стараться его улучшить. Поэтому любая степень непонимания и неверных представлений, да еще помноженная на принцип «мы лучше знаем, что вам надо», обычно руководящий работой миссионера с аборигенами, негативно сказывается на КПД этого влияния, в основе которого лежат, конечно же, благие намерения.

Вернемся к титульному листу брошюры. Ее название меня, как изобретателя лекционного курса «Еврейская парадоксология», читанного в разные годы студентам Еврейского университета в Москве, сразу заинтересовало: еврейская история и современность, в том числе в России и Украине, полны парадоксов – надо только понять, о каком из них идет речь в брошюре.

Теперь всмотримся в название института, который ее издал и который, собственно, и организовал исследование, и нашел на него средства. Если бы я не знал его официального русского названия – Институт изучения иудаизма в СНГ, я бы перевел The Institute for Jewish Studies как «Институт еврейских исследований». «Иудаизм» в русском языке – производное от «иудей» и имеет однозначную соотнесенность с религией. В английском же Judaism имеет и более широкое значение, синонимичное Jewishness, – что-

то вроде «еврейскости», всего, что имеет отношение к евреям, характеризует их. Сразу возникает вопрос: указывает ли русское название Института на то, что он интересуется только иудаизмом? Похоже, нет. Цитирую первую страницу брошюры, рассказывающую о его деятельности: «Еврейскими знаниями и культурой через наши программы охвачено более 500 тыс. человек, и многих из них это подвигло совершить алию в Израиль».

Не буду здесь вдаваться в спорный и тонкий вопрос о том, сколько евреев насчитывается сейчас в России и бывшем СССР: по моим представлениям, их не несколько сотен тысяч, как уверяет «любовая» статистика, а порядка 2–3 млн, если считать «по-умному» и по самому широкому критерию (я даже придумал, как это можно было бы сделать, но это опять-таки отдельная тема). А вот что уж точно известно по любым опросам да и без них, это что никакого полумиллиона религиозных евреев или даже просто считающих себя таковыми ни в послевоенном СССР, ни сейчас в России и СНГ не было и нет. В любом случае, цифра 500 тыс. – как бы ни грыз кого-то червь сомнения относительно такого размаха деятельности Института (в брошюре обещается довести количество охваченных евреев до миллиона) – указывает на его интерес не только к религиозным евреям СНГ.

Если все это так, то почему же Институт изучения иудаизма в СНГ имеет по-русски такое «неправильное», да еще и не выгодное с точки зрения пиара название, не привлекательное для в массе своей светских евреев СНГ? И еще: почему английское название Института не соответствует ни его основному профилю, ни русскому названию? Казалось бы, Jewish Studies – стандартный термин, указывающий на определенную область научного, т. е. вполне светского, знания и образования (обычно университетского). С этим термином, кстати, некоторая проблема в России: в русском языке эквивалент английского «studies» (не считая устаревших «штудий») – «исследования», но это понятие относится только к научной сфере, а образовательную, в отличие от английского, не охватывает. Из-за этого, скажем, для соответствующей кафедры в Институте стран Азии и Африки при МГУ не подходит название «кафедра еврейских исследований», ибо ее первое дело – не исследования, не наука, а преподавание еврейских дисциплин. Поэтому ее называли кафедрой иудаики – в России прижился термин «иудаика», обозначающий сейчас всю совокупность научных знаний и исследований о евреях, хотя непосвященных он может сбивать с толку, ассоциируясь не с наукой, а с иудаизмом (автор этих строк придумал формально безупречную «евреистику» по образцу «славистики» и «китаистики», но она – пока! – так и не прижилась, ибо само слово «еврей» в русском языке настолько перегружено разнообразными ассоциациями, что термин «евреистика» у всех вызывает смехок).

Возвращаясь к Институту изучения иудаизма: это не академическое, т. е. не научное и не высшее образовательное, а явно просветительское (в российском смысле) учреждение – почему же Jewish Studies? Пробую для себя объяснить это тем, что в чисто религиозном контексте Jewish Studies означает нечто совершенно иное: для религиозного еврея изучение Торы и есть собственно Jewish Studies. Однако не получается: русское название Института, да и вся его деятельность указывают на то, что он в первую очередь занят изучением не Торы, а еврейства СНГ.

В чем же все-таки дело и зачем читателю во все эти хитросплетения вникать? Дело в том, что они отражают характерное для большей части израильского и американско-еврейского истеблишмента отношение к русскому еврейству. Рискну предположить, что, когда уважаемый рав Штейнзальц стал на рубеже 80–90-х годов – тогда же, когда и «Джойнт», и «Сохнут», – активно заниматься русским еврейством, одно из его начинаний было названо Институтом изучения иудаизма потому, что либо кто-то

перенес на русскую почву английское Judaism во втором значении («еврейскость»), не зная, с чем в русском языке соотносится «иудаизм» (типичная «ошибка переводчика»), либо в качестве настоящих евреев воспринимались только немногочисленные – как оказалось – религиозные евреи (т. е. собственно иудеи) СССР и России, либо было намерение такую позицию подчеркнуть в названии Института, тем самым как бы «подталкивая» русских евреев к смене идентичности с этнической на этнорелигиозную. После 18 лет работы название каким было когда-то зарегистрировано, таким и осталось, тогда как понимания и реалистичности оценок прибавилось. Это явствует из смены модальности: предисловие к брошюре не отражает привычной уверенности в непререкаемой правоте – своей и других зарубежных еврейских организаций, занимающихся русским еврейством по уже упомянутой формуле «мы лучше знаем, что вам надо» (с чем мне в качестве ректора Еврейского университета в Москве многократно приходилось сталкиваться), а напротив, ставит эту правоту под сомнение. Цитирую предисловие (в своем переводе):

Действительно ли организации, работающие на этом поле, понимают нужды и возможности еврейства СНГ?.. Выводы этого исследования дают основания для беспокойства и сомнений, но в то же время обнадеживают... Многие потеряли надежду на то, что евреи, все еще живущие в странах СНГ, останутся частью еврейского народа; такая позиция, в частности, служит иногда аргументом против дальнейшего вложения средств в еврейскую деятельность в этих странах. Однако настоящее исследование показывает, что связь русского еврейства с еврейским народом прочнее, чем представлялась (не досказано, кому представлялась, но и сказанного немало! – А. М.). Тем не менее у евреев России и Украины свой независимый взгляд на еврейскую идентичность. Это означает, что долг активистов еврейских организаций – углубить свое понимание ситуации, чтобы точно воспринимать положение дел и строить свою деятельность соответственно.

А три страницы спустя объясняется, почему русских евреев мало привлекает общинная деятельность: «Одно из возможных объяснений состоит в том, что... деятельность, организованная» – дальше в английском тексте стоит «by the establishment» – «чаще отвращает людей от участия в ней, чем привлекает». Какой истеблишмент имеется в виду, не уточняется, однако, судя по общему пафосу брошюры, это достаточно сильное критическое утверждение («одно из возможных объяснений» тут, скорее, вставлено из политкорректности) относится именно к зарубежным, т. е. американским и израильским, еврейским организациям – в первую очередь (при том что наиболее подходящее к данному контексту словарное значение слова «establishment» – это «консервативно-бюрократический аппарат сохранения власти») к их руководству.

Рав Штейнзальц – одна из видных и влиятельных фигур в израильском и американском еврейском истеблишменте, поэтому существенно, что к подобным выводам приходит исследование, проведенное под его патронажем. Во многом оно подтверждает выводы исследований и опросов, проводимых с начала 90-х годов российскими социологами – Л. Гудковым и А. Левинсоном, В. Шапиро и другими. Эти выводы полностью соответствуют и донаучному «опытному», или «интуитивному», знанию – значимому в данном случае ничуть не меньше, чем научно обоснованное, – подавляющего числа людей в России (и, думаю, в Украине, которую я знаю много меньше), небезразличных к обсуждаемой проблематике. Заслуживающие всяческой благодарности за свою полезную деятельность (проблема-то здесь именно в коэффициенте полезного действия, т. е. в соотношении между провозглашенными целями, вложенными материальными и человеческими ресурсами – и полученными результатами) американские и израильские организации, играющие на еврейском поле в бывшем Союзе,

к мнению российских ученых, да и «туземной» еврейской общественности, не слишком прислушиваются, а вот мнение «своих» авторитетов, возможно, поможет преодолеть непонимание и сложившиеся стереотипы.

Кстати, оказалось, что не надо далеко ходить за примером недоверчивого отношения этих организаций к российской науке, понесшей, как известно, большие потери за последние полтора-два десятилетия и растерявшей часть своего потенциала, особенно молодежь, однако и сегодня представленной целым рядом сохранившихся научных школ и отдельных ученых старшего и средне-старшего поколения вполне мирового уровня. К таким школам явно относится и Левада-Центр – самый уважаемый и независимый в России центр социологических исследований. Как уже говорилось, именно Левада-Центру был поручен опрос, а вся собственно научная часть заказана Гуттмановскому центру при Израильском институте демократии. При всем моем уважении и к Израильскому институту демократии, и к Гуттмановскому центру, я полагаю, что Левада-Центр способен провести научный анализ собранных им же материалов, как минимум, ничуть не хуже, избежав при этом некоторых странных и даже, на мой взгляд, фантастических выводов.

К последним относится тезис, что для евреев России и Украины их еврейство определяется «не образом жизни, и даже не происхождением (ancestry), а скорее самим фактом существования еврейской идентичности». Я принял бы этот пассаж за какое-то недоразумение, если бы он не был выделен жирным шрифтом, не завершал раздел брошюры, озаглавленный «Определение еврейства в соответствии с субъективными ощущениями, а не с принятыми критериями», и не основывался на том, что 53% опрошенных полагают: в определении еврейства «решающим фактором должно быть не еврейство по матери и даже не еврейство по отцу, а... субъективное ощущение принадлежности к еврейскому народу».

Для меня это равносильно утверждению, что больше половины опрошенных считают, что решающим фактором, определяющим их половую принадлежность, являются не некоторые особенности физиологии, а субъективное ощущение принадлежности к одному из двух полов. При всем моем политкорректном уважении к свободе выбора там, где она возможна (включая выбор пола трансвеститом), я никак не могу представить, что российские и украинские евреи – как, впрочем, и представители любой другой этнической общности – дошли до таких высот постпостмодернистско-глобалистского сознания, чтобы не считать биологический фактор решающим либо хотя бы просто значимым в определении национальности, или этничности. И ладно если бы речь шла о людях религиозных, ссылающихся на возможность обращения нееврея в иудаизм (гиюра), хотя в вопросе об идентичности вряд ли такие исключительные случаи стоит брать в расчет – как и случаи смены пола. Но нет, речь идет о людях со светским сознанием.

Я убежден, что дело здесь в другом: в абстрактном, чисто «кабинетном» представлении авторов подобного вывода о русскоязычном еврействе – представлении, которое я никак не могу заподозрить у участников исследования из Левада-Центра (проводившегося под руководством высокопрофессионального социолога Л. Гудкова, теперешнего директора Центра и выдающегося знатока российско-еврейской проблематики). По-видимому, когда опрашиваемые отвечали на соответствующий (вероятно, не слишком внятно сформулированный) вопрос анкеты, полное или частичное еврейское происхождение как критерий еврейства было для них настолько безусловно, что им и в голову не приходило, будто их ответ можно интерпретировать как его отрицание. За отрицание этого критерия авторами вывода, по всей видимости, были

ошибочно приняты доминирующие в русском еврействе и естественные для современного либерального сознания представления, что любой человек, еврей в том числе, имеет право на субъективный выбор самоидентификации. Естественно, особенно актуальны эти представления для евреев «смешанного» и неалахического (папа еврей, мама – нет) происхождения, каковых в России и других государствах, образовавшихся после распада СССР, существенно больше, чем евреев «чистопородных» или алахических. Неудивительно, что эти евреи – «полукровки», «четвертинки» и т. д., для многих из которых вопрос о собственной идентичности является трудным, а иногда и болезненным, «гамлетовским», могут подозрительно или раздраженно реагировать на любое покушение решать за человека «смешанного» происхождения, еврей ли он («Некоторые религиозные еврейские организации в России и Украине направляют свою активность только на алахических евреев, тогда как другие считают “порогом участия” соответствие... израильскому Закону о возвращении», – говорится в той же брошюре с явно негативным оттенком по отношению к обеим этим позициям). Это нормальное сознание свободных людей, полагающих только себя вправе решать, считать ли им себя евреями/неевреями или иметь «смешанную» идентичность – то есть ощущать себя одновременно и евреями, и, скажем, русскими, причем в любой, свободно выбираемой ими пропорции.

Среди других странностей проведенного исследования я бы отметил нерепрезентативную выборку респондентов, 45% которых участвуют в «организованной еврейской общинной деятельности». Такая выборка комментируется ссылкой на то, что «количество евреев, участвующих в еврейской деятельности, не превышает 20% от общего еврейского населения». Это, формально безупречное, утверждение, аналогичное тезису, что население Израиля не превышает 100 млн человек (действительно не превышает), – опять-таки свидетельство неадекватного представления авторов проекта (вряд ли его российских участников) о фактическом положении дел. Не будем же мы считать еврейской деятельностью разовый поход на концерт еврейского скрипача (и то не потому, что скрипач – еврей, а потому, что шанс напороться на скрипача-нееврея невелик) или лекцию профессора-еврея про размножение осетровых рыб, эпизодическое заглядывание в еврейскую периодику или спорадическое получение стариками продовольственного пайка! А если будем, то в чем отличие менталитета такого «еврейского активиста» от его «пассивного» сородича – и в чем тогда смысл деления респондентов на две группы? По известному мне мнению компетентного еврейского «актива», лишь от 2 до 5% евреев (идентифицируемых по самому широкому критерию) участвуют в реальной еврейской деятельности, в какую можно включать, на выбор, активное сотрудничество с еврейскими организациями или работу в них, постоянное участие в благотворительных, политических и прочих акциях, обучение или преподавание в еврейских образовательных центрах, регулярное посещение еврейских культурных мероприятий (концертов, выставок, лекций) или синагоги и т. п. Остальные, т. е. подавляющее большинство, в этой деятельности не участвуют по разнообразным, но достаточно понятным причинам.

В целом, опубликованное в предварительном виде исследование «Парадокс евреев и иудаизма в России и Украине» хотя и не содержит, на мой взгляд, ни особых открытий, ни фактов и представлений, которые не были бы хорошо известны и российским специалистам по еврейству (и ими неоднократно описаны), и большинству евреев в России и Украине, тем не менее представляется неординарным и положительным шагом, направленным на то, чтобы отношение к русскоязычному еврейству у его зарубежных соплеменников – вернее, у представляющих их организаций – несколько «депапуаизировалось», т. е. стало бы более трезвым, реалистичным и равноправно-уважительным.

Или менее конъюнктурным, если правы, хотя бы отчасти, те злые еврейские языки, которые считают недопонимание этими организациями загадочной души русского еврея чистой воды кокетством – или, если угодно, игрой, правила которой объясняются неизвестными нам тонкостями распределения финансовых потоков.

МЕСТО НА КАРТЕ

Аѐаїà Деї її

Когда израильские футболисты или баскетболисты выигрывают какой-нибудь важный матч, комментаторы ликующе кричат в микрофон: «Анахну аль а-мапа!» («Мы на карте!») Имеется в виду не то, что мы лучше всех, а то, что мы вообще существуем. Мы доказали свое существование!

По-моему, это вполне понятно и ничего плохого тут нет. Психологи полагают: всякая энергия, необходимая человеку, чтобы чего-нибудь добиться и что-то создать, проистекает из какого-то недостатка или нехватки. Например, многие спортсмены в детстве были слабенькими и постоянно болели, а некоторые красотки-кинозвезды в подростковом возрасте считались дылдами и уродинами. Им все время приходилось преодолевать трудности – и вот результат...

Я вспоминала об этом на презентации первого романа популярной израильской журналистки Софьи Рон-Мория «Десятый жених»^[1], в декабре вошедшего в десятку израильских бестселлеров.

Рон-Мория приехала в Израиль из России в восемнадцать лет, окончила религиозный колледж в Иерусалиме, получила специальность адвоката для женщин в раввинском суде, работала в русской газете «Вести», несколько лет является парламентским корреспондентом газеты «Макор Ришон». Пишет на иврите. Вдова, мать троих детей, живет в поселении Текоа.

Презентация оказалась неожиданно многолюдной. Среди публики было четыре члена кнессета от разных партий – все опытные ораторы, то есть люди, отчасти причастные к словесности. Все они говорили о том, что роман захватывающий и читается на одном дыхании, – в общем, как на любой презентации, но тут была еще особенная нотка. «Это роман про нас! – с искренним энтузиазмом повторяли они. – Анахну аль а-мапа!»

Эти «мы» – религиозные израильтяне в вязаных кипах.

В XIX веке принято было считать, что роман – это зеркало общества. Я отражаюсь – следовательно, я существую... Правда, такое понимание искусства в постмодернистскую эпоху считается устаревшим.

Во время пасхального седера герои романа обсуждают современную ситуацию:

– Наша страна ведь не вошла в эпоху постмодернизма. Это просто поверхностное подражание. У нас все живут в разных эпохах. Арабы, например, в восемнадцатом веке.

– А мы?

– А мы в девятнадцатом. Ну, знаешь, всякие там романтические национальные движения, Гарибальди... Что ж удивляться, что мы не можем найти с

арабами общий язык. С таким разрывом во времени глупо ожидать, что мы с ними сможем договориться.

– А наши левые, – вернула Дина, – живут в двадцатом веке. В десятых годах, ну максимум в двадцатых. С этой модернистской утопией разрушения...

Израильское общество неоднородно, разные его страты действительно живут в разных измерениях. Здесь есть традиционная элита – светские ашкеназы, уроженцы Страны Израиля как минимум во втором поколении. Есть и не столь влиятельные группы – религиозные, евреи восточных общин, русские. Рай для социологов и этнографов – но не самое легкое место для жизни. Хотя интересное...

Герои романа принадлежат к особой социокультурной группе: «кипот сругот», «вязанные кипы». Определение очень внешнее – но более точного нет. Значительная часть «вязанных» живет в поселениях на территориях – но не все. Большинство из них – яркие сионисты и правые, но не все. Так что самое точное определение – по кипе, которая маркирует особую сложную культурную идентичность. «Вязанные» – это религиозные евреи, которые соблюдают заповеди, но в то же время интегрированы в израильскую светскую культуру. Их можно увидеть на лекциях о недельной главе Торы и в синагоге, в коровниках религиозных кибуцев, но также в концертных залах и на театральные премьеры (конечно, если в постановке нет порнографии), в университетских аудиториях, компьютерных фирмах, армейских частях... «Вязанные» ставят своей целью (не всегда осознанно) воплотить в реальность совет из Притч: «держись за это, но и от того не отнимай руки». Казалось бы, что может быть лучше, – но проблема в том, что тот, кто пытается жить на границе двух миров, рискует оказаться маргиналом и там, и там. В случае «вязанных» это именно так: в современном Израиле эти энергичные, идеалистически настроенные и хорошо образованные люди являются маргиналами и по отношению к харедим (которых по-русски не вполне точно называют ультраортодоксами), и по отношению к светской элите. Вот почему так ликовала публика, собравшаяся на презентации романа Рон-Мория. Они не только узнали себя в зеркале светского жанра – романа, но с его появлением все вместе как бы сделали шаг вперед – к культурному и политическому центру.

По многим параметрам «Десятый жених» – типичный «дамский» роман. Живо и подробно описанные юбки, блузки, шляпки, занавески, оттенки обивки, красиво сервированные столы в гостиных и раковины с невымытой посудой на кухне. Куклы, детские учебники, неуступчивые машины, как-то: компьютер и автомобиль. Забежала на секундочку купить на распродаже пару полотенец – вышла с безумно дорогой шубой (правда, с отличной скидкой и на восемь выплат)...

Нежная и женственная героиня управляется с этим миром не без напряжения – но все же успешно. Все остальные персонажи призваны оттенять ее хрупкость и стойкость, и эта служебная функция делает их довольно бледными – за редкими исключениями. Верная подруга с трудной судьбой, всегда готовая выслушать, помочь советом и, в свою очередь, поплакаться в жилетку. Мама и бабушка, берущие на себя заботу о ребенке. Поселенец в вязаной кипе, с пистолетом за поясом, с томом Гемары в руках. Талантливый карьерист, ханжа и лицемер – тоже из «вязанных»...

В романе есть очень «израильские» детали, характерные именно для описываемого специфического круга. Уютные переулки в иерусалимском квартале Нахлаот, где в последние годы стала селиться религиозная богема. Или похороны Элияу, того самого, который рассуждал о XIX веке, – он погиб в теракте и оставил пятерых детей

и беременную жену. Сильное впечатление оставляют страницы, описывающие совсем недавнюю историю – месяцы перед «односторонним отделением». Жители поселения с ужасом ждут катастрофы – и не могут поверить в ее реальность...

Героиня романа Дина принадлежит к «вязаным», но внутри этой маргинальной группы наделена дополнительной маргинальностью, поскольку совсем недавно развелась с мужем. «Разведенная плюс ребенок», как говорится в газетных объявлениях. Цель ее жизни – выйти замуж: она хочет уютный дом и много детей, кроме того, будучи матерью-одиночкой, она никогда не сможет занять достойное положение в обществе.

На трудном пути к воплощению мечты Дине помогает сваха Шуламит, обязуемая представить ей десятерых кандидатов. Сюжет романа складывается из встреч героини с женихами.

Все мужчины, с которыми встречается Дина, принадлежат к «вязаным», все они образованные и обеспеченные, все желают того же, чего и она, – создать семью и родить детей. Для этого мужчины обращаются к свахе, для этого встречаются с Диной в кафе, пьют кофе и едят фруктовые салаты, пытаясь, как и она, в ходе разговора решить, смогут ли они ужиться вместе. При этом самое большее, что они могут позволить себе в ходе встреч с потенциальной супругой, – коснуться ее руки.

Девять мужчин проходят перед Диной – разведенные и холостяки. Среди них есть приятные, есть скучные, есть не вполне нормальные, есть один красавчик, помешанный на тряпках и патологически эгоистичный. Есть даже гомосексуалист. Некоторых она отвергает сразу же, большинство – после получасовой беседы. С одним она встречается довольно долго, влюбляется и очень тяжело переживает разрыв. А затем, собрав душевные и физические силы, снова начинает поиск.

Да, Дина очень хорошо знает, чего хочет. Она хочет уверенности и стабильности – того, чего вообще хочет женщина от мужчины. Но кроме того, она хочет чувствовать себя «своей» в Израиле, а для этого ей – обаятельной, способной и целеустремленной – нужно пробиться не то чтобы наверх, но внутрь, максимально близко к центру пестрой израильской карты. Проблема в том, что она хочет всего этого, будучи чрезвычайно маргинальным человеком – и не только потому, что разведена, но еще и потому, что она «русская», то есть обременена огромным количеством знаний и культурных навыков, почти непригодных в израильской жизни, но при этом не имеет никаких связей и перебивается на зарплату почасовика в провинциальном колледже. Ее иврит – интеллигентный, культурный, богатый... но когда она волнуется, то говорит с акцентом. По крайней мере, так кажется ей самой. К тому же для достижения цели она не готова поступиться ни своими политическими и религиозными убеждениями, ни культурной идентичностью. При всей тяге к стабильности и покою Дина в конце романа покупает дом в самом что ни на есть опасном и нестабильном месте – в том самом поселении, которое обречено на изгнание и уничтожение.

В романе Рон-Мория очень хорошо видно, что большинством молодых людей, которые возвращаются к еврейской традиции в среде «вязаных», движут не столько метафизические поиски, сколько стремление создать новые формы семейной и общественной жизни, отличные от привычных европейских и американских. Это движение амбивалентное – с одной стороны, оно требует воплощения в жизнь древних требований Алахи, с другой – восстает против этих требований как не соответствующих современности (которая, в свою очередь, тоже их не устраивает). Поэтому, как ни парадоксально, это самая динамичная из израильских социокультурных групп, постоянно

находящаяся в поиске и в движении. Удастся ли ей создать прочную культуру? Время покажет.

Немногие социологи, которые занимались этой проблемой, задаются вопросом, почему эта группа, при всей своей гетерогенности, не распадается? Наверное, потому, что у нее есть общая историческая задача, и чтобы ее выполнить, люди вопреки всему стараются держаться вместе. При этом, как достоверно показано в романе, «ввязанным» (по крайней мере, их значительной и наиболее влиятельной части) очень важно стать элитой. Они готовы употребить немалые усилия, чтобы доказать, что они «нормальные», обычные граждане Страны. Но, если подумать, что может быть нормального в такой жизни, когда ты возвращаешься домой с пасхального седера и не знаешь, не убьют ли тебя по дороге? Или еще того хуже: не окажется ли в ходе «мирного процесса» твой дом вкупе с твоим кварталом, соседями, синагогой и т. д. вне карты будущего Израиля? Поэтому довольно противная тенденция к самодовольству и мещанству, свойственная этой группе на пути к центру, наталкивается на ее неспособность (или невозможность?) застыть и закоснеть. Какая тенденция победит? Пока неизвестно.

Любопытно, что в этом движении особое место занимают выходцы из России – тип еврейского интеллектуала, воспитанного на русской и западноевропейской классической литературе, по некоторым параметрам очень близок к израильским «ввязанным». Роман «Десятый жених» – первая и пока единственная попытка отразить и выразить на иврите своеобразие «русского» компонента этой группы.

Парадоксальным образом именно эти маргинальные люди очень живо и ярко представляют Израиль – маргинальную страну. Страну между Востоком и Западом. Страну, которая очень хочет удержаться на карте.

Так когда же позвонит десятый жених? И каким он будет? Этого мы тоже пока не знаем...

[1] Софья Рон-Мория. А-хатан а-асири. Офир, 2009.

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Аאאא אאאא

Режиссер Адам Эллиот

Мэри и Макс

Австралия, 2009

Дорогие зрители мультфильма с моим участием!

А также те, кто его не смотрел и смотреть не будет. Потому что, как говорит мой психоаналитик, невежливо кого-либо исключать, а моя мама говорила, что хороший еврейский мальчик должен всегда и со всеми быть вежливым. Так вот, этот мультфильм – про меня и мою подругу по переписке, девочку Мэри Дэйзи Динкл из Австралии, – был создан в прошедшем 2009 году, впервые показан на открытии фестиваля «Сандэнс», получил призы на фестивалях в Аннеси, Берлине и Загребе, а также номинировался на «Оскар», который является нашей главной американской наградой за кино, и я думаю, что мы с Мэри Дэйзи Динкл можем по праву этим гордиться.

В мультфильме рассказывается про нашу с Мэри Дэйзи Динкл переписку, которая длилась с 1976 по 1994 год, то есть 18 лет, или 216 месяцев, или 6570 дней. За это время Мэри Дэйзи Динкл выросла с 8 до 26 лет, а я – с 44 до 62. Также за это время произошли другие события, как то: умер отец Мэри Дэйзи Динкл, умерла мать Мэри Дэйзи Динкл, умерла моя рыбка Генри, умерла моя слепая соседка, которая любила угощать меня супом, и еще кое-кто умер, но об этом я не буду говорить.

Я вам расскажу, с чего началась наша переписка, но из-за чего она прерывалась и чем она закончилась, рассказывать не буду, потому что мысли об этих событиях вызывают у меня следующие эмоции: недоумение, удивление, обиду, страх, страх, страх, страх, – и легко способны довести меня до панической атаки. Так мой психоаналитик

называет моменты, когда я стою на стуле в углу комнаты, засунув пальцы в рот, и раскачиваюсь, поскуливая. Такие атаки могут продолжаться долго, а главное – могут закончиться госпитализацией, а этого я совсем-совсем не хочу, потому что в лечебнице мне запрещают есть шоколадные хот-доги и делают очень болезненные уколы.

Так вот, наша переписка началась с того, что Мэри Дэйзи Динкл узнала от своей мамы, что в Австралии детей находят на дне пивных кружек, и спросила меня, как обстоит с этим дело в Америке: достают ли у нас детей из банок с колой или откуда? И я ответил ей то, что в свое время узнал от своей мамы: дети появляются из яиц, которые высиживает уважаемый раввин; если ты католик, яйца высиживает монахиня, ну а если атеист – грязная проститутка.

Когда я печатаю на своей печатной машинке этот ответ, я каждый раз слышу смех из зала, где сидите вы, дорогие зрители мультфильма с моим участием. И хотя я не знаю, чему вы смеетесь, мне приятно, потому что книжечка, которую я всегда ношу с собой, чтобы распознавать человеческие эмоции по выражению лица, говорит, что это хорошо, когда смеются. Гораздо лучше, чем когда орут или плачут или поднимают брови домиком, а уголки рта опускают вниз. Но время от времени, взглядывая с экрана в зал, я вижу именно такое выражение на ваших лицах, дорогие зрители мультфильма с моим участием. За много показов, которых только в Америке было 3244, а в Австралии... впрочем, тут я могу ошибиться и потому не буду писать эту цифру, так вот, за много показов я понял, что это выражение появляется на ваших лицах тогда, когда вы видите на экране признаки моей болезни, и означает сопереживание или сочувствие.

Поэтому надо теперь поговорить о моей болезни. Когда я был в лечебнице, мне сказали, что я страдаю синдромом Аспергера, который является разновидностью аутизма. Таких, как я, немного. Они не умеют и не очень-то желают общаться с окружающими. Не понимают, что чувствуют другие, и сами неспособны выразить свои эмоции. Сосредоточены на себе и заиклены на своем одном каком-нибудь увлечении, в котором стремятся к полноте и doskonaльности. Я, безусловно, ходячая (хотя и с трудом) иллюстрация этого синдрома. Я с детства не понимаю других людей, и поэтому у меня нет настоящих друзей, зато есть воображаемый друг и подруга по переписке, нет постоянной работы, зато есть постоянный психоаналитик, и при этом я отнюдь не дурак – кубик Рубика собираю за считанные секунды. Я просто образцовый аспергер. Примечательно, что к тому же я – образцовый киношный еврей. Я живу в Нью-Йорке – городе, населенном одними Горовицами да Финкельштейнами. Я атеист, что неожиданно для еврея, но при этом ношу кипу. Я вырос в кибуце, что само по себе удивительно для Америки, и при этом – среди хасидов. Не знаю, как вы, дорогие зрители мультфильма с моим участием, но моя юная подруга по переписке наверняка думает, что евреи – это такие люди, которых высиживают раввины и воспитывают в кибуцах строгие хасидские мамы, затем они теряют веру в Б-га и переезжают в Нью-Йорк, где страдают психическими расстройствами, глухи к чувствам окружающих и постоянно консультируются с психоаналитиком, что, впрочем, не приносит им облегчения.

Моя мама рассказывала мне, что раньше, когда евреи еще не жили в Америке, их все ненавидели, и считалось, что они уродливые, хитрые и жадные. Теперь – слава Б-гу, в которого я не верю, – это не так, теперь считается, что евреи наполняют Нью-Йорк, как шоколадки – мой карман, и полны внутренними проблемами, как мой карман – шоколадками. Только имейте в виду, дорогие зрители мультфильма с моим участием, не у всех Аспергер – Аспергер только у меня, остальные – просто невротики.

Ваш американский друг Макс Джерри Горовиц

ЧОЛНТ

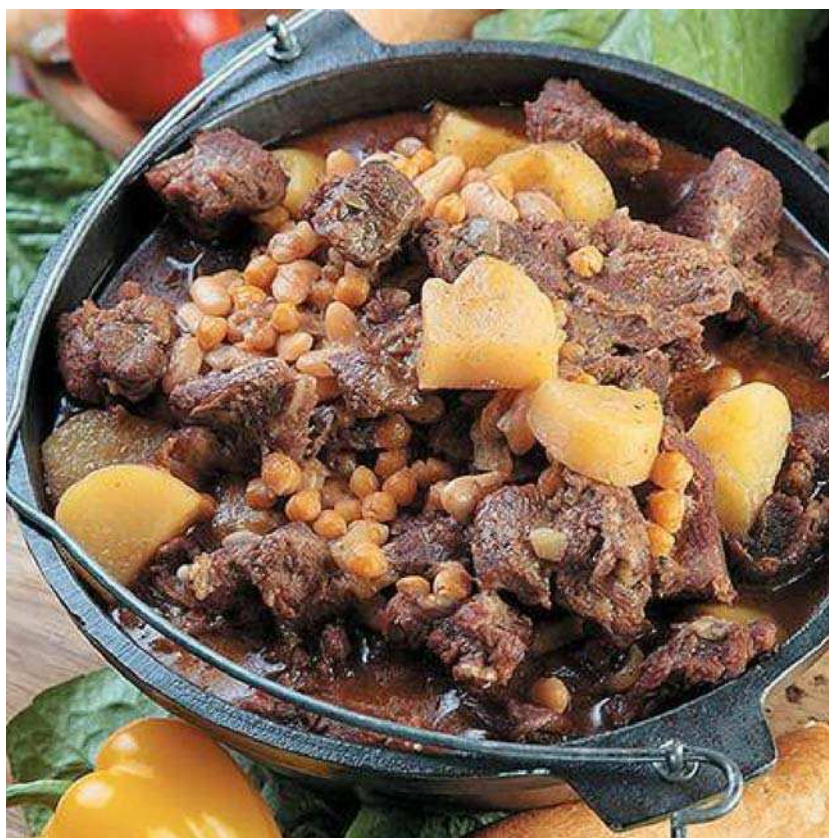
Ī àðé Áòèì fâ

Блюдо, о котором пойдет речь, – одно из старейших в ашкеназской кухне. Об этом свидетельствуют и его название, и сама идея приготовления. Лингвисты считают, что слово «чолнт» (в другом произношении «чолент», «шулнт») пришло в идиш в раннем Средневековье из старофранцузского языка; редуцированное *chaud lent* означает «медленное тепло».

Способ приготовления, которому, как минимум, столько же лет, сколько пребыванию евреев в Европе, заключается в том, что вечером накануне субботы глиняный горшок с будущим чолнтом, доведенным до неполной готовности, ставили на металлический лист, под которым тлели угли, либо в остывающую печь, где блюдо «томилось» до возвращения поздно вечером из синагоги, а то и до субботнего утра. Так при запрете готовить пищу в субботу удавалось накормить горячим семью.

Упоминания о чолнте можно найти в идишской литературе у многих мемуаристов и писателей от Шолом-Алейхема до Исаака Башевиса Зингера. Сегодня глиняные горшки отошли в прошлое, их заменили чугунные казанки. В современном иврите блюдо известно как «хамин» (буквально: «горячий»), оно родственно тому, что по-русски называют словом «жаркое». В традиционном ашкеназском чолнте присутствует картофель. Можно предположить, что до распространения в Европе этого продукта чолнт состоял только из мяса и бобовых, рецепты «безкартофельного» чолнта с добавлением круп бытуют в различных сефардских общинах. Предлагаем рецепт чолнта от Петра Слабодника, шеф-повара кошерного ресторана «Йона» в Москве.

Добавление воды – очень важный момент. Вопрос о том, можно ли с наступлением субботы доливать в подгорающий чолнт воду, помешивать и считается ли это работой, служил поводом для нешуточных споров. Рассказывают, в одном сравнительно большом местечке в Галиции было две синагоги и, соответственно, два раввина, реб Пиня и реб Зуся. Ни в чем они не были согласны между собой, и не только, когда встречались и спорили. Они противоречили друг другу, не сговариваясь, – поразному у них устроены были мозги. Внешне они тоже были полной противоположностью друг другу: реб Пиня мал ростом и толст, а реб Зуся высокий и худой как жердь. Портной Юзеф, читавший светские книги и прославивший в местечке вольнодумцем, прозвал их Санчо Панса и Дон Кихот. В местечке знали: если по какому-то вопросу реб Пиня скажет «да», то реб Зуся по тому же поводу ответит «нет». Жители местечка научились извлекать пользу из такого разномыслия. Если у человека возникало затруднение и он не знал, как поступить, то шел советоваться сперва к реб Пине, выслушивал его аргументы, а потом отправлялся к реб Зусе и узнавал ровно противоположное мнение. А затем, обсудив с женой доводы одного и другого, выбирал «золотую середину» между ними. Так вот, по поводу чолнта. Реб Пиня утверждал, что доливать воду можно, если набрать ее из колодца до субботы и сосуд с водой будет стоять рядом, на расстоянии вытянутой руки – тогда это не работа. «В стакан воду налить можно, почему же нельзя в глиняный горшок?» – улыбаясь спрашивал реб Пиня. А реб Зуся, признавая важность хорошо приготовленного чолнта, строжайше запрещал добавлять воду. Но разрешал передвинуть горшок подальше от источника тепла и плотнее закрыть крышку, желательно, придавить чем-то тяжелым, чтобы жидкость не испарялась. Оба эти совета были взяты на вооружение. Портной Юзеф от нечего делать пытался было доказать, что передвижение тяжелого горшка с чолнтом, как и любое перемещение массы, – тоже работа, которая в численном выражении есть сила, помноженная на расстояние. Но в этом вопросе никто его не поддержал.

В РАЗВЕДКУ С ГЕЛЬФАНДОМ

Î àðé Çàé-èé

Я в городе Ришон-ле-Цион, в кабинете международного гроссмейстера Бориса Гельфанда. Победитель Кубка мира 2009 года сидит напротив меня, излучая обаяние скромного, но в то же время очень хорошо знающего себе цену человека. Трудно представить его лицо, искаженное напряжением и усилием, ненавистью и непримиримостью. Мы просто беседуем о жизни, о его жизни, о том, что ей сопутствует. Борис Абрамович признается в своей чрезвычайной амбициозности: «...Весьма и весьма амбициозен». (Попробуй без этого качества стать обладателем Кубка мира.) А еще он признается, что страшный трудоголик.

– Я работаю по 8–10 часов в день.

– Что еще нужно для завоевания всего этого? – обвожу рукой вокруг, где в шкафах и на стенах располагаются призы, кубки, медали, дипломы.

– Талант, воля и собранность, то есть концентрация внимания.

– А смелость?

– Ну, наверное, и смелость не помешает, – соглашается он, улыбаясь улыбкой белорусско-еврейского человека, одиннадцать лет назад приехавшего в Израиль.

– Кто вас учил играть, Борис Абрамович?

– У меня было несколько учителей и тренеров. Только в Минске трое: Эдуард Аронович Зелькинд, Тамара Ошеровна Головий, Альберт Зиновьевич Капенгут. В Ханты-Мансийске, где разыгрывался Кубок мира 2009 года, мне помогли гроссмейстеры Александр Хузман, Максим Ротштейн. Последнего, которому 21 год и который служит сейчас в армии, с трудом отпустили на этот турнир. Проблемы с выездом улаживали с большими усилиями.

– А в СССР как было?

– Два раза был на сборах, организованных Тиграном Вартановичем Петросяном, чемпионом мира по шахматам. Кстати, он очень многое дал мне в шахматах, великий был шахматист.

– Что это такое – сборы Петросяна?

– Мы сидели на базе «Спартака» в Тарасовке и занимались шахматами с гроссмейстером. Изучали дебюты, Петросян показывал свои партии. С нами были такие в будущем сильные игроки, как Илья Смирин, Юрий Дохойн и другие. Тигран Вартанович числился спартаковцем, я тоже был из «Спартака». Петросян, будучи невероятным болельщиком, заказал автобус и повез всех нас, молодых игроков, девочек и мальчиков,

на хоккейный матч «ЦСКА» – «Спартак». Мне тогда было 14 лет. Как ни странно, он был не очень амбициозным человеком, по крайней мере, мне так казалось.

– А какие спортивные игры, разумеется, кроме шахмат вы любите?

– Футбол, конечно... Сейчас вот повредил себе колено, а раньше мы с ребятами гоняли пять на пять каждую неделю. И все шахматисты, все свои... А болею я за «Барселону».

Тема «Барселоны» была мне близка, и мы разговорились пуще прежнего, сходясь на том, что футбол «Барселоны» и его тренера Гвардиолы находится уже на грани искусства. Гельфанд сказал мне, что видел несколько десятков игр каталонского клуба от первого свистка до последнего. Это при абсолютной шахматной занятости.

– Однажды жена сделала мне фантастический подарок – купила поездку в Испанию на матч «Реала» и «Барселоны».

– Шахматы ведь тоже не совсем спорт?

– Что-то на грани искусства и науки и, конечно, спорта и игры. Это не совсем жизнь, скорее некое ее подобие, именуемое шахматами.

– Вы много помните партий, ваших личных разработок, вашего личного творчества?

– Довольно много. Давайте я вам точно скажу, – Гельфанд раскрывает компьютер, что-то проверяет, нежно нажимая на клавиши. – Пятьдесят мегабайт.

– Есть шахматисты, у которых запас разработок больше вашего?

– Крамник, например. Но у большинства игроков этот запас меньше моего.

– Скажите, пожалуйста, Борис Абрамович, а вот вся эта сегодняшняя шахматная молодежь вокруг, что она собой представляет? Тот же Пономарев или 19-летние Карякин, Карлсен – это же какая-то молодежная революция, откуда они появились?

– Пришли и сказали, что мы – здесь. Просто появились, и все. Пономарев из Горловки, Карякин из Симферополя. Рожденные гениями, если так можно сказать. Вы забыли еще упомянуть Ароняна, которому 27 лет. Между прочим, у него тетя в Реховоте живет, а родился он как Лев Арон, папа его еврей, а мама – армянка. Он считает себя армянином, настоящий лидер армянской сборной. В Армении шахматы спорт номер один, чего никак не скажешь об Израиле. С последней олимпиады армянскую сборную, выигравшую «золото», увозил в Ереван на своем самолете президент страны. В Ереване шахматистов встречали как национальных героев 50 тысяч человек.

Понимаю Гельфанда, точнее, пытаюсь понять. Некоторая горечь или даже разочарование слышны в его словах. После победы на Кубке мира гроссмейстера встречали в аэропорту им. Бен-Гуриона не больше 15–20 человек. Он не разочарован этим фактом, он просто отмечает его не в нашу, не в израильскую пользу. Он вообще человек не кичливый. Гельфанд без удовольствия ходит в телестудии, на интервью, часто беседует с мало что знающими и понимающими журналистами, которые к тому же еще и

агрессивны. Он не перестает удивляться тому, что почти всех интересуют исключительно его гонорары.

– Я попал в топ-двадцатку, что обеспечивает определенный уровень турниров и турнирных призов и говорит о моем шахматном даровании. В известном смысле мне повезло, везение и счастье необходимы в нашем деле, – сообщает он без всякой звездной позы.

– А как было на турнире в Ханты-Мансийске?

– Там всегда прекрасно. Замечательный город, замечательное отношение к шахматам даже тогда, когда на улице минус 30 градусов. Губернатор – Александр Васильевич Филиппенко, обожаемый всем населением. Он ввел обязательное шахматное обучение в школах, в городе теперь регулярно проводится розыгрыш Кубка мира. Было 128 шахматистов, четверо местных мастеров. Я дошел до финала, где играл с Русланом Пономаревым, неуступчивым, суровым юношей 26 лет. Сначала был счет 2:2, потом было еще раз 2:2, потом – 1:1, а потом я его все же дождал, он молодой, я для него как Корчной по возрасту, почти как Ласкер, который жил 100 лет назад. Уступил Руслан старичку, уступил...

Добротный белорусский юмор присутствовал в разговоре до последнего, улыбки так и летали по комнате. Улыбались все. Я, он, его жена Майя, способный журналист и еще более способный кулинар, специалист по казахской кухне, улыбалась также и четырехлетняя дочь Авиталь, серьезная красивая девочка, выращивающая двух кролей разного колера. Неужели она тоже будет шахматисткой?

Гельфанд похож на того человека, которого я предполагал увидеть. И все же внешний вид шахматиста, его речь и манеры превзошли мои ожидания.

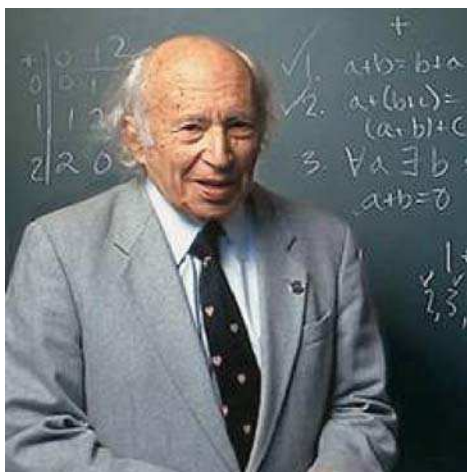
У него случаются падения и взлеты, как у каждого человека. Есть люди – шахматисты и не только шахматисты – совершенно, просто физически не умеющие проигрывать. Ни в шашки, ни в карты, ни в фантики, ни в футбол, ни в шахматы. Увидеть Гельфанда проигравшим, не дай Б-г, конечно, несложно. Уверен, он будет еще и улыбаться, пожимая руку сопернику. Большой комплимент, по-моему, можно сделать человеку, сказав, что он сумеет проиграть если не безболезненно, то по-человечески.

С Гельфандом можно махнуть на футбол в Барселоне, поговорить о литературе, причем не только о романе Набокова «Защита Лужина». С ним можно не говорить о политике: «Я знаю шахматы, а политику не знаю, не знаком с нею, непонятное это занятие». Еще с ним можно «сходить в разведку», как когда-то говорили в далекой северной стране, откуда мы родом. Не стоит только садиться с Гельфандом играть в шахматы.

Израиль Гельфанд. Моцарт математики

יִשְׂרָאֵל גֵּלְפֵּאֵד

5 октября в штате Нью-Джерси на 97-м году скончался великий математик и организатор науки Израиль Моисеевич Гельфанд.

Он родился в 1913 году в местечке Окны Тираспольского уезда Херсонской губернии в семье бухгалтера. В 1923 году семья переехала в Ольгополь Винницкой области, где будущий математик поступил в химическую профессиональную школу. Однако на излете нэпа его отец – хозяин мельницы, вдобавок державший помощника, – был признан эксплуататором и «раскулачен», а Гельфанд исключен из профшколы. В поисках работы он уехал в Москву, где устроился вахтером в Ленинскую библиотеку, параллельно посещая вечерние лекции по математике в расположенном неподалеку университете.

Уже через год, в 1932 году, не имевший не только высшего, но и законченного среднего образования Гельфанд стал аспирантом великого Колмогорова и преподавателем МГУ. Научная его карьера, как у большинства математиков и физиков его поколения, развивалась стремительно: в 1935 году он получил степень кандидата наук, в 1940-м стал доктором. Позднее Колмогоров говорил, что на свете есть только два математика, беседа с которыми он ощущает присутствие высшего разума, – и один из них Гельфанд. Парадокс Гельфанда был в том, что в век, когда математика разбивалась на все более и более узкие специализации, он оставался универсалом, с равным успехом занимавшимся исследованиями более чем в дюжине областей. Автор 800 научных статей и трех десятков монографий, он внес значительный вклад в функциональный анализ, алгебру, топологию, математическую физику, теорию вероятностей – перечень можно без труда продолжить. Когда его младший сын заболел лейкозом, в круг интересов Гельфанда вошли также биология, нейрофизиология и медицина.

Однако за пределами собственно математической среды Гельфанд в первую очередь был известен как организатор науки и просветитель. В 1943 году, едва вернувшись из эвакуации, он основал легендарный еженедельный математический семинар, шедший сначала на Моховой, а затем на 14-м этаже главного здания МГУ без

малого полвека. Аспиранты, студенты и даже школьники-вундеркинды пользовались на семинаре Гельфанда равными правами с профессорами и академиками. И хотя порядки здесь царили диктаторские, большинство участников вспоминают о семинаре и его руководителе с восхищением и благодарностью.

Другим важнейшим достижением Гельфанда-педагога стало создание Всесоюзной заочной математической школы, позволившей сотням талантливых школьников со всех концов СССР учиться – «путем взаимной переписки» – у лучших московских математиков. Многие коллеги ученого считают, что ВЗМШ оказала большее влияние на математическое образование в Советском Союзе, чем все элитные спецшколы и интернаты.

Лауреат всех мыслимых советских и международных премий, кавалер множества орденов, почетный доктор крупнейших западных университетов – Сорбонны, Оксфорда, Гарварда, Принстона, Гельфанд, став еще в 1953 году членкором, несколько десятилетий «проваливался» на выборах в полные академики и был «невыездным». Безусловно, правы те, кто усматривает в этом личную «заслугу» Льва Понтрягина – тогдашнего главы Отделения математики АН, выдающегося математика и не менее выдающегося антисемита. Однако свою роль, вероятно, сыграли и обиды оскорбленных Гельфандом влиятельных коллег – его непростой характер и любовь к прямым высказываниям ни для кого не были секретом. Действительным членом АН он стал только в 1984 году.

Последние 20 лет жизни великий математик провел в США, занимая пост профессора в Ратгерском университете (штат Нью-Джерси).

Гельфанд считал, что математика подобна музыке и каждый ученый напоминает того или иного композитора. Себя он видел Моцартом, поясняя: «Мы любим Моцарта не за то или иное его произведение. Великим композитором его делают вся совокупность его работ и их абсолютное великолепие».

Пол Самуэльсон. Кейнсианец, который спорил с Кейнсом

Yáááää I éöäééîâ

13 декабря в Бельмонте, штат Массачусетс, на 95-м году скончался известный экономист Пол Энтони Самуэльсон.

Он родился в 1915 году в городке Гэри, штат Индиана, в семье фармацевта. Его родители были энергичными еврейскими эмигрантами из Польши, преуспевшими во время первой мировой – сталелитейная промышленность, составлявшая основу экономики Гэри, тогда находилась на подъеме за счет военных заказов. Но в послевоенные годы городок пришел в упадок, и семья переехала в Чикаго.

Пол поступил в Чикагский университет – колыбель и цитадель той экономической модели, которую в Америке принято называть консервативной, а в России неolibеральной (соучеником Самуэльсона был будущий гуру неolibерализма Милтон Фридман – их дружба, несмотря на постоянную полемику, длилась несколько десятилетий). Впоследствии Самуэльсон, никогда не отличавшийся излишней почтительностью к учителям, назовет преподавание экономики в Чикаго «шизофреническим»: на пике Великой депрессии базовые экономические курсы ни словом не упоминали про безработицу.

Получив степень бакалавра, в 1935 году он перебрался в Гарвард, привлеченный идеями профессора Элвина Хансена, ведущего американского пропагандиста кейнсианства. Именно с пребыванием в Гарварде связано начало мировой славы Самуэльсона как человека, привнесшего в экономику методы математических расчетов и по сути превратившего ее в точную науку. Его гарвардская диссертация, скромно озаглавленная «Основы экономического анализа», стала настольной книгой профессоров экономики во всем мире. Однако, когда в 1940 году Массачусетский технологический институт предложил Самуэльсону занять профессорскую вакансию, Гарвард даже не попытался его удержать. «В Гарварде не брали на работу нахалов, евреев и кейнсианцев. Так что у нахального еврея-кейнсианца не было никаких шансов», –

прокомментировал много лет спустя эту коллизию другой знаменитый экономист, Роберт Солоу.

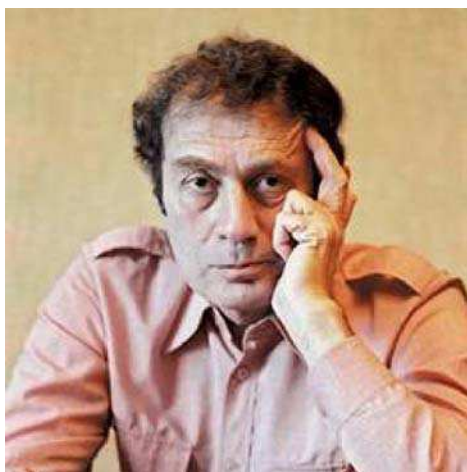
Самуэльсон был не только выдающимся ученым, но и блестящим педагогом. Впрочем, за написание учебника он взялся только после того, как его жена родила тройню, общее число детей в семье достигло шести и большая часть профессорской зарплаты стала уходить на стирку пеленок в местной прачечной. Расчет оказался точным – впервые изданная в 1948 году, книга «Экономика: вводный курс» до конца 1970-х оставалась самым продаваемым учебным пособием в США, была переведена на 20 языков, а ее суммарный тираж подбирается к трем миллионам. В СССР учебник единственный раз выходил в 1964 году с грифом «для научных библиотек» и в свободную продажу не поступал. Зато в начале 1990-х российские издательства принялись выпускать пособие словно бы наперегонки – и это «соревнование» продолжается по сей день (к слову, одно из первых изданий появилось в качестве приложения к журналу «Криминал» – узнай об этом Самуэльсон, известный, среди прочего, своим остроумием и прозванный «Марком Твенем от экономики», он наверняка не отказал бы себе в удовольствии прокомментировать этот факт).

В 1970 году Самуэльсон стал первым американцем, получившим Нобелевскую премию по экономике. Он помогал разобраться в экономических вопросах нескольким американским президентам, от Кеннеди до Клинтона. Многие эксперты полагают, что разумное поведение правительств промышленно развитых стран во время последнего финансового кризиса – прямое следствие их знакомства с неокейнсианской моделью, разработанной Самуэльсоном и экономистами его круга. Впрочем, Самуэльсон никогда не относился к кейнсианству как к религии и в конце концов пришел к теории «неоклассического синтеза», основной постулат которой гласит: экономика в нормальном состоянии вполне может быть предоставлена сама себе, и лишь в периоды упадка ей необходимо лечение в виде государственного стимулирования по рецептам, выписанным Кейнсом и усовершенствованным Самуэльсоном.

Григорий Бакланов. Последний лейтенант

Î èõàèë Ýäèëùòàéí

23 декабря в Москве на 87-м году умер известный прозаик Григорий Бакланов (Фридман).

Он родился в 1923 году в Воронеже. В 10 лет потерял отца, через два года мать, после чего воспитывался в семье родственников. Осенью 1941 года добровольцем ушел на фронт, воевал в артиллерии, был тяжело ранен (старший брат погиб под Москвой в ополчении), но вернулся в свою часть и закончил войну в Австрии лейтенантом и командиром артдивизиона.

В 1946 году он поступил в Литинститут, с 1950-го печатал очерки и рассказы, посвященные послевоенной деревне. Тогда же появился псевдоним Бакланов (в честь одного из персонажей фадеевского «Разгрома») – фамилию Фридман в годы борьбы с космополитизмом забраковали, впрочем, не за «еврейскость», а за чересчур иностранное звучание: «В 49-м году я принес свой рассказ в одну редакцию, – вспоминал писатель, – мне говорят: “Что такое Фридман? Может быть, нам этого Фридмана из Америки прислали. Давайте придумывайте себе русскую фамилию”. И я стал Баклановым».

В годы хрущевской «оттепели» Бакланов обозначает свою главную тему: «окопная правда», ужас существования человека на фронте, жестокость войны с ее грязью, кровью и потом, с ее преступными приказами и бессмысленными смертями. С повестей «Девять дней» (другое название «Южнее главного удара», 1958), «Пядь земли» (1959), «Мертвые сраму не имут» (1961) началось новое направление в советской литературе – т. н. «лейтенантская проза», варьировавшая на новом материале традиции писателей «потерянного поколения», в первую очередь Ремарка и Хемингуэя. Она родилась, как формулировал Бакланов, из ощущения противоречия между «военной машиной», для которой «цена одной человеческой жизни ничтожна», и гуманистическими заветами русской классической литературы, где «человек – единица измерения, мера всех мер».

В романе «Июль 41 года» (1964) едва ли не впервые в отечественной словесности поставлена проблема ответственности Сталина за трагедию первых месяцев войны. По рассказу «Почем фунт лиха» Марлен Хуциев снял знаменитый фильм «Был месяц май» (1970). Итогом «военной» линии творчества Бакланова стала повесть «Навеки – девятнадцатилетние» (1979), за которую он получил Государственную премию. Война была не просто основной – практически единственной его темой. Не случайно все «мирные» его вещи – по-своему вполне неплохие – по популярности не идут ни в какое сравнение с первыми «лейтенантскими» повестями.

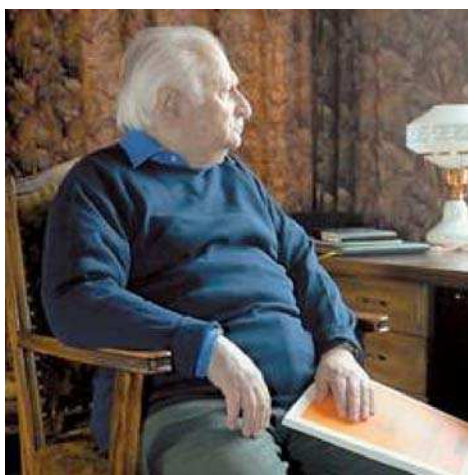
Вторая важнейшая составляющая литературной репутации Бакланова – его редакторство в журнале «Знамя», куда он пришел в 1986 году. За семь лет он превратил самый серый и скучный из «толстых» журналов в едва ли не лучший литературный ежемесячник. Именно в «Знамени» в годы перестройки были впервые напечатаны «Собачье сердце» Булгакова, «Мы» Замятина, «Верный Руслан» Владимова, «Ночевала тучка золотая...» Приставкина и другие тексты, ставшие символом необратимых перемен не только в литературе, но и в общественной жизни страны.

Мальчишкой ушедший на войну, воспитанный на принципах фронтового товарищества, Бакланов в последующие десятилетия как мог следовал им. Прожив относительно благополучную жизнь советского писателя, он не делал подлостей, несмотря на все давление не принял участия ни в антисолженицынской, ни в антисахаровской кампаниях, не входил во всякие «антисионистские комитеты» и не клеймил «израильских агрессоров». В решающих ситуациях он умел видеть мир в его черно-белой простоте, без избыточной интеллигентской рефлексии. Так, подписав после подавления мятежа 1993 года знаменитое «письмо 42-х» с призывом к Ельцину «добить красно-коричневую гадину», он и много лет спустя, при изменившихся общественных настроениях, не пытался оправдываться и не отрекался от своей подписи: «Хасбулатов и компания – те же фашисты, так что в октябре 93-го я просто снова пошел на фронт и не жалею об этом».

Исаак Шварц. «Сиверский отшельник»

רעעו אײנאײן

27 декабря 2009 года в поселке Сиверском Ленинградской области на 87-м году жизни умер Исаак Шварц, музыкант и композитор. Похоронен на Литературных мостках Волковского кладбища 30 декабря по еврейскому обряду.

«Часы стучат на полочке, / А я сижу в ермолочке <...> Сверкают в небе лампочки, / А мы летим, как звездочки», – это стихи Хармса, положенные на музыку композитором Леонидом Десятниковым. И эта летучая песенка с ее печальной нежностью и зыбкой иронией, нехитрым словарем и какой-то неуловимой тонкостью могла бы стать эпиграфом к жизни и работе музыканта и композитора Исаака Шварца. Тем не менее общепринятым мотто к разговорам о Шварце стали другие стихи. Их посвятил Шварцу Окуджава, близкий друг и соавтор: «Музыкант играл на скрипке – я в глаза ему глядел. Я не то чтоб любопытствовал – я по небу летел». Меж тем Исаак Иосифович Шварц совершенно не играл на скрипке. Но другое в этих стихах очень точно. Всякий по небу летел под шварцевскую музыку. Шварц и жил, как летел. Был любим публикой и друзьями, был востребован, необыкновенный талант и вкус, безупречное чувство текста, кадра, интонации ему не изменяло. От должностей, властей и статусов держался на расстоянии. Даже географически – селился поодаль. Говорят, его называли «Сиверским отшельником» – с 60-х и до последнего дня он жил на станции Сиверская недалеко от Гатчины. Но если и был отчасти отшельником, то никак не затворником. О его остром уме, зубодробительном юморе, обаянии, тонкости, простоте в общении и каком-то трудно схватываемом, но ясно ощущаемом благородстве говорят все, кто с ним пересекался. Его музыка – не только театральная или кинематографическая (киноработ у Шварца больше ста), но и симфоническая, и балетная – уютно и запросто располагается на сложной грани между простотой и возвышенностью, между обыденностью и пронзительным благородством. Даже два самых знаменитых, знаковых его кинороманса, сочиненных на тексты Окуджавы – «Песенка кавалергарда» из «Звезды пленительного счастья» и «Ваше благородие» из «Белого солнца пустыни» – удивительным образом об одном и том же. О простоте жизни и аристократизме духа. И в этом смысле между Суховым и Пестелем (а также и человеком в ермолочке), в сущности, нет никакой разницы.

Очертания биографии Исаака Иосифовича Шварца узнаваемы в поколении. Его дед-раввин и бабушка переехали из Прибалтики на Украину. Отец-филолог перевез семью из города Ромны, где родился его сын, в Ленинград. Там в 1936-м его арестовали и через два года, уже в лагерях, расстреляли. Исаак Шварц с матерью десять лет прожили в ссылке. В 1945-м они вернулись, и Шварц, который еще до трагедии в 12-летнем возрасте играл в Ленинграде Первый концерт Шопена в концерте юных дарований, поступил в консерваторию благодаря протекции Шостаковича. Обучение было платным, но Шварца неожиданно от платы освободили. Много позже, на премьере балета «Накануне» ректор консерватории проговорился Шварцу, что Шостакович за него платил. Есть и еще один эпизод в их взаимоотношениях: Шостакович распекал Шварца за то, что тот, сын врага народа, отказался выступать с публичными обвинениями против Шостаковича: «У вас семья, так нельзя, вы должны думать о себе, а не обо мне».

Вообще-то пафос и героика у Шварца не то чтобы краеугольны – ни в биографии, ни в манерах, ни в мелодиях. Принципиальны и узнаваемы скорее лирика и частности, нежность простодушия, юмор, горечь и щемящий почерк простоты.

Но финал творчества Исаака Шварца откровенен и точен. Премьера Концерта для оркестра «Желтые звезды» («Пуримшпиль в гетто»), посвященного Раулю Валленбергу и вдохновенного рассказом женщины, выжившей в Каунасском гетто, состоялась в Москве в 2007 году. В музыке Концерта блуждающими огнями светятся клезмер, Малер, Шостакович и сам Шварц, как всегда узнаваемый и чуть незнакомый, словно приоткрывающий напоследок еще кусочек своего и нашего мира, своего понимания его оснований, его обаяния, простоты, благородства.

Авторы номера

Шмуэль-Йосеф Агнон (наст. фамилия Чачкес; 1887–1970) израильский писатель. Писал на иврите и идише. Самые значительные произведения – двухтомный роман «Свадебный балдахин» («Ахнаса́т кала»), опубликованный в 1931 году, и «Ночной гость» («Ореах ната лалун», 1937). За эти романы удостоен Нобелевской премии по литературе (1966). С 1953 по 1962 год выходит Полное собрание сочинений Агнона в восьми томах.

Николай Александров (р. 1961) филолог, литературный критик, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Оксана Алексеева журналист, ведущий редактор журнала «Shape-Меню». Работала корреспондентом газеты «Коммерсантъ», редактором журнала «Natural Health». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2002».

Светлана Амосова этнограф, автор статей по славянской и еврейской этнографии и фольклору, преподаватель Петербургского института иудаики.

Юлия Бедерова музыкальный критик. Работала музыкальным обозревателем в газетах «Сегодня», «Независимая газета», «Время новостей». Публиковалась в журналах «Итоги», «Профиль», «Афиша», в газетах «Коммерсантъ», «Известия».

Майя Волчек журналист, кинокритик. Публиковалась в изданиях «Цветной телевизор», «GQ», «Труд».

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд», премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Марина Карпова преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Мария Каспина преподаватель Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ. Специалист по еврейскому фольклору и этнографии.

Леонид Кацис (р. 1958) филолог («Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи»; «Осип Мандельштам: мускус иудейства»). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Борис Кли́н (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Бернард Маламуд (1914–1986) американский писатель, автор романов, повестей, рассказов. Удостоен многих наград: Пулитцеровской премии, золотой медали Американской академии искусств и литературы и др. По-русски издано четыре сборника рассказов и роман «Мастер».

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Александр Милитарев (р. 1943) лингвист-компаративист, один из авторов этимологического словаря семитских языков, автор множества публикаций по лингвистике, этнокультурной истории, библеистике. Профессор Института лингвистики и Института восточных культур и античности РГГУ и кафедры иудаики ИСАА при МГУ.

Андрей Мирошкин (р. 1970) филолог, литературный критик. Публикуется в газетах «Книжное обозрение», «Первое сентября», на сайте «Букник».

Харриет Мурав профессор, заведующий кафедрой славянских языков и литературы университета Урбана-Шампейн (Иллинойс), лауреат премии Гугенхайма, автор книг и статей по русской литературе XIX века, истории евреев Российской империи, советской идишской культуре.

Шервин Нуланд (р. 1930) профессор хирургии в медицинской школе Йельского университета, автор восьми книг.

Елена Римон литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль», редактор и комментатор.

Ицхак Стрешинский (р. 1980) библеист, переводчик, автор статей по еврейской истории.

Юрий Табак (р. 1955) историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей]).

Михаил Туваль (р. 1971) историк-религиовед, специалист по истории евреев в эпоху Второго храма.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Новом мире», «Знамени» и др.

О МОЛИТВЕ И МОЛИТВЕННИКЕ

Нохум-Зев Рапопорт

В рамках серии «Библиотека еврейских текстов», основанной издательством «Лехаим», выходит новое издание молитвенника «Теилат Ашем» («Хвала Всевышнему») – новый русский комментированный перевод текста, соответствующего «нусаху Ари», то есть составленного рабби Шнеуром-Залманом из Ляд (Алтер Ребе) согласно указаниям рабби Ицхака Лурии Ашкенази (Аризалья).

Предлагаем вниманию читателей предисловие к этому изданию.

Молитва человека – плод труда его духа, принадлежащий высшим тайнам: ведь молитва пронизывает духовные пространства, рассекает небеса, растворяет врата и устремляется ввысь.

Зоар, Ваякэль, 201А

В Пятикнижии сказано: «И будет место, которое изберет Г-сподь, Б-г ваш, для пребывания там [славы] Имени Его. Туда и приносите все, что предписываю Я вам: ваши жертвы вознесения...» (Дварим, 12:11). Комментируя этот стих, Раши поясняет, что «место, которое изберет Г-сподь», – это Иерусалим. В книге «Сефер а-хаим» поставлен вопрос: почему в Торе не сказано прямо, что речь идет об Иерусалиме, а везде, где говорится о том, где будет возведен Храм, мы читаем неопределенное: «...место, которое изберет Г-сподь»? Упомянутая книга отвечает на этот вопрос словами пророка: «...и во всяком месте совершаются воскурения, жертвоприношения во Имя Мое...» (Малахи, 1:11). Раши полагает, что имеются в виду молитвы, которые подобны жертвоприношениям и могут совершаться везде. Следовательно, не только Иерусалим, но и любое место, где еврей обращается с молитвой к Святому Творцу, благословен Он, становится местом, избранным Всевышним... и даже за пределами Эрец-Исраэль, в любой точке земного шара, [где молятся], присутствует в некоем [духовном] аспекте Иерусалим.

«Ликутей сихот», т. 2

Сидур – книга, включающая разнообразные молитвы, предназначенные для будней и суббот, праздников и знаменательных дат, для торжественных событий и траура. Есть также отдельные сборники молитв для таких «больших» праздников, как Рош а-Шана, Йом Кипур, и другие.

Слово сидур означает «последовательность», «порядок». Возможно, такое название дано потому, что молитвы в сидуре размещены в определенной последовательности, соответствующей распорядку жизни человека, и сгруппированы тематически. Существует и другое объяснение, подтверждение чему находим в Талмуде: «Сказал рабби Эльзар: “Человеку всегда следует упорядочить (ясдир) [в своей памяти] текст молитвы, перед тем как он собирается ее произнести”». То есть сидур – книга, способствующая упорядоченному чтению молитвенных текстов.

Сидур. Италия. 1480 год

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОЛИТВЫ

Известно, что первым человеком, обратившимся с молитвой к Б-гу, был Каин. Из Пятикнижия и других книг Танаха мы знаем молитвы Моше, праотцев и царей Израиля. Но собственно институт молитвы складывается в период вавилонского пленения, когда функции Храма перешли к синагоге. Впоследствии даже восстановленный Храм не стал в полной мере духовным центром всего еврейства – ведь для людей, остававшихся за пределами Эрец-Исраэль и не имевших возможности прийти в Иерусалим, чтобы ощутить свою связь с Б-гом, основную и главную форму такой связи осуществляла молитва. Войны, смуты, чужеземное господство, препятствовавшие посещению Храма, делали молитву все более важной и для жителей Эрец-Исраэль.

В эпоху Второго храма Совет ста двадцати мудрецов, руководивший еврейством, систематизировал имевшиеся молитвы, добавил к ним новые и составил канонические тексты основных молитв. Записывать эти молитвы запрещалось, что, по-видимому, было связано со стремлением избежать возможных неточностей, ошибок или неверных интерпретаций утвержденных текстов. Позже, по всей вероятности в середине IV века, когда был составлен Иерусалимский Талмуд, запрет был снят из опасения утратить такое богатейшее духовное наследие. Именно тогда появились различные сборники

молитв, которые дошли до нас в небольших отрывках, приводившихся в книгах той поры. Первый из дошедших до нас письменных сборников молитв составлен жившим в Вавилонии рабби Амрамом Гаоном. Следует также упомянуть сидур рабби Саадьи Гаона и сборник молитв, называемый «Махзор витри», составленный учениками Раши. Некоторые исследователи полагают, что именно рабби Саадья Гаон положил начало традиции молиться по книге. Известно, что он разослал рукописные копии своего сидура во многие еврейские общины. В отличие от сборника рабби Амрама Гаона, этот предназначался не только для ученых людей, но и для самых широких кругов молящихся.

С возникновением течения хасидизма молитва заняла еще более важное место в религиозной жизни евреев. Согласно хасидизму, молитва – это не только обращение к Б-гу с просьбой удовлетворить насущные нужды человека, но и путь познания Творца и приобщения к трансцендентному. Хабад придает молитве большое значение. В своей книге «Танья» Алтер Ребе указывает, что в наше время основная форма служения Всевышнему – не изучение Торы, а именно молитва. У последователей учения Хабад подготовка к молитве и сама молитва предназначены для осмысления величия Б-га и познания высших сфер.

КОМУ СЛЕДУЕТ МОЛИТЬСЯ

Внемли воплю моему, Владыка мой и Б-г мой, ибо к Тебе я обращаюсь с молитвой.

Теилим, 5:3

Пусть не обращается с воплем ни к ангелу Михаэлю, ни к ангелу Гавриэлю, а только ко Мне, и Я сразу ему отвечу.

Иерусалимский Талмуд,
Брахот, 9:5

Молиться следует только Всевышнему. Таков один из основных постулатов иудаизма: нельзя обращаться с молитвой ни к каким из Его творений – ни к духовным, ни к материальным. Молитва не может быть направлена к ангелам или каким-либо духовным субстанциям, их нельзя просить даже о посредничестве между человеком и Творцом. Однако рабби Моше Софер (1762–1839) указывает, что посредником между Всевышним и человеком может быть другой человек, и объясняет это свое утверждение, сравнивая народ со сложным и цельным человеческим организмом. Действительно, как в человеке все органы взаимосвязаны, но каждый отличен от других и имеет свою, особую функцию, так и в народе человек с большим духовным потенциалом может обращаться ко Всевышнему с молитвой за другого человека или за других людей – ведь он как личность, наделенная особой духовной силой, более чувствителен к заботам окружающих и способен лучше осознать их проблемы. Поэтому в хасидских общинах люди обращаются к духовным учителям с просьбой помолиться за них.

Сидур Алтер Ребе. Копьсь. 1816 год

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «ТФИЛА»

Любавичский Ребе отмечает, что практически ни в одном языке нет адекватного перевода этого слова. Обычно оно переводится как «молитва» или «мольба», но для этих слов на языке иврит существует аналог – тхина. На иврите, говоря о молитве, употребляют слово тфила, так как оно означает еще и «соединение». Имеется в виду, что молитва – это не только обращение к Б-гу с просьбой, но и, прежде всего, установление связи с Ним, а именно слово тфила передает этот нюанс.

Многие комментаторы задаются целью установить происхождение этого слова. Иногда полагают, что оно связано с глаголом гифлиль («осудить», «обвинить»; шире – «анализировать», «находить истину»), и, отталкиваясь от этого, делают вывод: молитва – это момент истины, духовного самоочищения. Другие усматривают связь этого слова с глаголом пилель («помышлять»). Учение Хабад объясняет, что слово тфила происходит от глагола гитпиль («прикрепить», «соединить»), и подчеркивает, что с помощью молитвы душа человека способна подняться над земным, физическим и соединиться со своим источником в высших мирах. Как бы то ни было, именно слово тфила обозначает на иврите молитву.

ПОЧЕМУ МЫ МОЛИМСЯ

Молитва – одна из главных составляющих образа жизни верующего человека. «Где нет молитвы – нет религии», – говорил православный философ С.Н. Булгаков. Было бы

естественным утверждать, что и в иудаизме молитва входит в число важнейших заповедей. Однако у наших законоучителей есть и другие мнения по этому вопросу.

Вот что пишет рабби Менахем-Мендл из Любавичей, именуемый, как это принято у евреев, по названию своего главного труда Цемах Цедек:

Законоучители разошлись во мнениях, на чем основано предписание обращаться к Б-гу с молитвой. Является ли оно одной из предписывающих заповедей Торы или же установлено законоучителями Талмуда? Большинство [средневековых учителей]... занимавшихся исследованием и составлением перечня указанных в Торе заповедей, не включили в число шестисот тринадцати заповедей предписание молиться. Они пришли к выводу, что канонический текст молитв и обязанность произносить их каждый день – установление законоучителей. Тора заповедала человеку молиться в свободной форме и обращаться к Всевышнему с просьбой лишь тогда, когда человек испытывает в чем-либо нужду... В таких случаях заповедь молиться – это предписывающая заповедь Торы.

(Дерех мицватеха, 115а.)

По Рамбаму, ежедневная молитва – это предписывающая заповедь Торы. Свое мнение он основывает на стихе из Пятикнижия: «И служите Г-споду, Б-гу вашему, и Он благословит твой хлеб и твою воду...» Согласно Талмуду, слова «служите Г-споду» означают служение Ему молитвой. А обязанность ежедневно ее произносить вытекает из сказанного в стихе после этих слов: «...и Он благословит хлеб твой и твою воду...» – подобно тому, как человек испытывает потребность в пище ежедневно, он и молиться должен каждый день.

В книге «Ликутей Тора» Алтер Ребе объясняет, почему обращение к Б-гу с молитвой не является предписывающей заповедью Торы. Молитва – духовный стержень всех заповедей и стоит над ними. Предписывающие заповеди призваны привлечь к излиянию в миры Б-жественного света, однако для этого необходимы рецепторы – сосуды, создаваемые исполнением заповедей. Эти рецепторы в определенном аспекте ограничивают влияние в мирах света Эйн-соф, и он не изменяет в физическом мире реалии, с которыми связано исполнение заповедей. Молитва же привлекает Эйн-соф, который не нуждается в рецепторах и способен изменить реалии нашего мира, например, принести исцеление больному, когда за него молятся, или привести к выпадению дождей, победе над врагом и так далее.

МОЛИТВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В современном мире все человечество и в том числе еврейство претерпело серьезные изменения. Связано это с многочисленными глобальными катаклизмами, постигшими

мир на протяжении XX века и продолжающимися в веке XXI-м. Те, кто пережил потрясения второй мировой войны, как и люди, испытавшие на себе другие, невиданные ранее зверства, часто задаются вопросом: как можно после всего этого говорить о милосердии Б-га и Его любви к людям? В отчаянии они спрашивают: возможно, в связи с изменившимися реалиями настало время отменить некоторые молитвы, исправить их, добавить новые? На поверхностный взгляд это правомерно, но посмотрим, что думают по этому поводу знатоки Торы. А ученые люди, как правило, возражают против изменения канонических молитв, так как, во-первых, они были составлены великими мудрецами, которые владели многими тайнами и наполнили ими тексты молитв, а во-вторых, для серьезного анализа происходящих в мире событий нужно немалое время. Важный довод в защиту канонических текстов выдвинул известный ученый профессор Йешаяу Лейбович. Опираясь на высказывание учителей о том, что молитва – это прежде всего авода, то есть работа, форма служения Всевышнему, он утверждает: как таковая она связана с серьезным духовным напряжением человека, а желание изменить тексты молитв отражает потаенное стремление людей сделать молитву способом удовлетворения своих эмоциональных и интеллектуальных запросов и потребностей.

ИЗ ИСТОРИИ СИДУРА АЛТЕР РЕБЕ

С первых дней возникновения в еврейском народе движения хасидизма последователи течения Хабад в молитве придерживались тех вариантов текста и того порядка их чтения, которые были указаны Аризалем. В 1798 году во время первого пребывания Алтер Ребе в заключении в Петербурге его спросили о внесенных им в тексты и порядок молитв изменениях. Власти Российской империи интересовало, свидетельствуют ли нововведения, касающиеся молитв, о том, что хасидизм – новое религиозное учение, отколовшееся от иудаизма? На это рабби Шнеур-Залман из Ляд ответил:

Молясь, мы читаем те же тексты и в том же порядке, что и весь Израиль; принятое всем Израилем принято и у нас как основа при сотворении молитвы. Однако, следуя предписаниям каббалы, в определенных случаях мы добавляем в молитву некоторые слова, псалмы или стихи из книги Теилим. Это никак не [означает, что хасидизм] – новая религия. Такого варианта текстов молитв придерживаются евреи, живущие во

многих странах. Дополнительные [стихи и псалмы] – не основное в молитве, и [относительно их включения] в каждой стране и в каждом городе бытует множество обычаев. Более того, [бывает, что] в одном и том же городе в доме учения произносят некоторые псалмы и гимны, не читающиеся в синагогах этого же города.

(Из писем Алтер Ребе.)

Когда в 1800 году Алтер Ребе был арестован во второй раз и находился под следствием в Петербурге, ему также задали вопрос о внесенных им в тексты молитв изменениях. Вот что он ответил:

Принятый нами текст молитв и их порядок в точности совпадают с принятыми у всей общины евреев. Мы лишь дополняем молитвы стихами и отрывками согласно учению каббалы, придающему глубокий смысл сочетаниям букв, из которых образуются слова молитвы, и их перестановкам.

(Из писем Алтер Ребе.)

Однако в то время еще не был издан сидур, в котором тексты молитв, их порядок, различные правила и обычаи, касающиеся молитв, соответствовали бы установлениям и законодательным решениям Алтер Ребе. Впервые он составил и издал свой сидур в 1803 году. Об этом пишет рабби Авраам-Давид Лавут (1815–1890) в предисловии к своему труду «Шаар а-колель», посвященному исследованию молитвенника Алтер Ребе: «Этот сидур впервые был напечатан при жизни составителя в 1803 году в Шклове. Но в этом издании имелся целый ряд неточностей и пропусков... При жизни Алтер Ребе его сидур был напечатан еще дважды в Копыси».

После ухода основателя учения Хабад из этого мира его молитвенник выпускался многократно. Издания отличались одно от другого различными дополнениями и отсутствием некоторых текстов. Одни издатели вносили больше изменений, другие – меньше, но все что-то меняли. Исключение – сборник, выпущенный рабби Дов-Бером из Любавичей (Средним Ребе) в 1816 году. Он издал сидур своего отца без каких бы то ни было изменений, снабдив его толкованиями текстов молитв и смысла праздников в свете учения хасидизма.

Рабби Авраам-Давид Лавут много лет посвятил исследованию сидура Алтер Ребе: текстов молитв, алахических постановлений и обычаев, введенных основателем учения Хабад. Тщательно выверив тексты сидура Алтер Ребе, рабби Лавут исправил многие ошибки. Снабженные алахическими указаниями тексты он трижды под разными названиями издал в Вильне: в 1873, 1884 и 1887 годах. В 1889 году, внося новые исправления и уточнения, он вновь выпустил этот сидур, который пользовался большой популярностью и был перепечатан в 1890 и 1892 годах. В 1896 году под одной обложкой с трудом «Шаар а-колель» рабби Лавута вышло новое издание сидура Алтер Ребе под названием «Тора ор».

Во время первой мировой войны и последовавшей затем Гражданской войны во внутренних областях России собралось множество еврейских беженцев из зоны военных действий. Ощущалась нехватка еврейских книг даже первой необходимости. Рабби Шалом-Дов-Бер Шнеерсон из Любавичей (Рашаб), находившийся тогда в Ростове-на-Дону, основал там небольшую типографию, где с исправлениями перепечатал одно из изданий сидура Алтер Ребе. Человек, по просьбе рабби Шалома-Дов-Бера занимавшийся тогда изданием сборника, внес в него немало изменений. Этот сидур, получивший

название «Теилат Ашем» («Хвала Всевышнему»), еще несколько раз издавался в России. В 1941 году в США рабби Йосеф-Ицхак из Любавичей (Раяц) выпустил исправленный и дополненный сидур «Тора ор». Непосредственно над редакцией и подготовкой к печати этого издания работал последний Любавичский Ребе. В 1945 году в США вышло новое издание «Теилат Ашем», изначально предназначенное для учащихся школ и ешив. С тех пор сидур «Теилат Ашем» издавался многократно с дополнительными исправлениями, алахическими указаниями и описанием принятых у хасидов Хабада обычаев.

В 2002 году в Кфар-Хабаде выпущено в свет новое издание сидура «Теилат Ашем», для которого был осуществлен новый набор. Молитвенник снабжен множеством алахических указаний, кроме того, он содержит описание обычаев, касающихся молитв и ритуалов, которых придерживался последний Любавичский Ребе. Настоящий перевод на русский язык «Хвалы Всевышнему» осуществлен по этому изданию.

В свое время сидур «Теилат Ашем» был переведен на английский и французский языки, а в 1987 году иерусалимское издательство «Шамир» впервые осуществило его перевод на современный русский язык. С тех пор в мире многое изменилось, большое количество русскоязычных евреев приобщилось к иудаизму, и возникла необходимость в новом издании сборника молитв. Помимо того, молящиеся выражали многочисленные пожелания по поводу необходимости снабдить текст сидура комментариями и, в частности, комментариями в свете учения Хабад. Высказывались также просьбы дать более подробные указания о том, как следует себя вести во время молитвы, и детально описать принятые у хасидов Хабада обычаи, связанные с молитвами, цидит, тфилин и публичным чтением Торы.

Переводчики и научный редактор, работая над новым переводом сидура, стояли перед проблемой: как, сохраняя близость текстов к оригиналу, их стройность и музыкальность, вместе с тем сделать их доступными русскоязычным молящимся. Мы старались по возможности избегать устаревшей лексики и инверсий и, пользуясь современной терминологией, не нарушить общий высокий слог молитв. Целью комментария было прежде всего передать более глубокий смысл текста, как он толкуется учением хасидизма. В алахическом комментарии приводятся правила, обычаи, которые по каким-то причинам не были описаны в предыдущих изданиях или не были столь широко известны, а также те, которых придерживался последний Любавичский Ребе. Все ивритские термины даны в произношении, принятом в современном Израиле, по причине его более широкого распространения.